

география / этнография

Великое княжество Литовское

Геннадий Левицкий

Великое княжество Литовское

Геннадий Левицкий

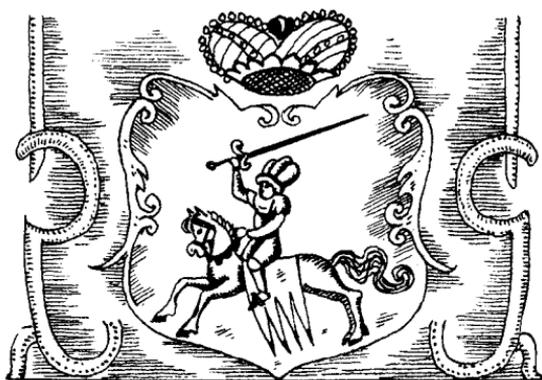

Ломоносовъ

Геннадий Левицкий

Великое княжество
Литовское

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4)
Л37

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

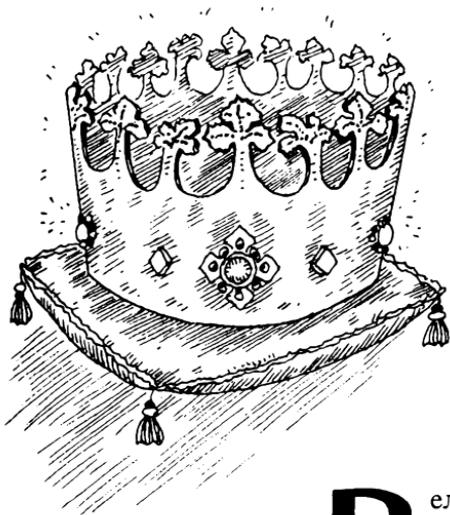

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-238-7

© Г. Левицкий, 2014

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2014

Введение

Великое княжество Литовское, государство славян и балтов, — крупнейшее территориальное объединение Европы XIV—XVI веков, по своим размерам вполне можно сравнить с империями Карла Великого и Чингисхана. Но у нее есть одно существенное отличие от них — образование Великого княжества Литовского не стоило многих потоков крови, и потому, возможно, о нем почти не вспоминают.

Как ни прискорбно, историю пишут огонь и меч. Нам более известен завоеватель Александр Македонский, чем Солон с его мудрыми законами; нам ближе далекий Рим с его Пуническими войнами и восстанием Спартака, чем Великое княжество Литовское с подканцлером Львом Сапегой и его самым прогрессивным в Европе Статутом 1588 года.

Многим моментам в жизни Великого княжества Литовского летописцы совершенно напрасно не придали должного значения, и мы вслед за ними смутно представляем это государство; лишь его нелепая кончина прослеживается великолепно и известна каждому. В один момент внешнее воздействие

прервало его эволюционное развитие. Впрочем, государство, избравшее неповторимый путь, осталось верным своей исключительности даже в последнем часе. Погибло оно также необычно — без кровопролитной войны, штурмов и разрушений городов...

Почему так случилось? Значит, строилось государство, далекое от идеала? Парадоксально звучит сегодня, но именно свобода и забота о гражданах погубили Великое княжество Литовское. Граждане вообразили, что государство и его глава существуют исключительно для удовлетворения их насущных потребностей и капризов. Все принялись заботиться о собственных правах и позабыли об обязанностях. Но когда гражданин волнуется только за свою малую родину — обнесенную им же построенной стеной, большой родине приходится плохо.

Образование Великого княжества Литовского на основе собирания прежде всего западнорусских земель растянулось на полтора столетия. Начало этого процесса падает на годы правления Миндовга (ок. 1235–1263), конец — на совместное правление Ольгерда и Кейстута (1345–1382).

Великое княжество Литовское возникло на землях былой Киевской Руси — западных и южных; почти одновременно Москва на востоке также приступила к собиранию русских земель. Как пишет С. М. Соловьев, «и между ними история... постановила роковой вопрос, при решении которого одно из них должно было окончить свое политическое бытие». В этой книге нашли отражение самые яркие, интересные и трагичные моменты борьбы между русскими землями, оказавшимися по разные стороны границы.

Два русских государства, Великое княжество Литовское и Московское княжение, избрали свои пути развития — неповторимые, непохожие. Лишь одна заветная цель объединяла их, одно желание не покидало их на протяжении столетий — желание завоевать, поглотить друг друга. Трагическое противостояние и жестокая борьба двух частей народа, разделенного волей обстоятельств, продолжались ровно столько, сколько параллельно существовали Великое княжество Литовское и Московское государство.

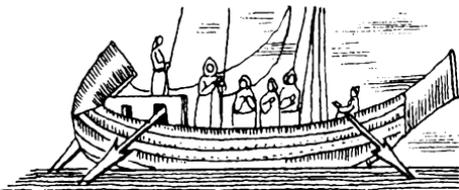
История Великого княжества Литовского — это история виртуозного лавирования державы, окруженной со всех сторон мощнейшими врагами, это мастерство выживания в безнадежных ситуациях. Западнорусское государство решало стоящие перед ним проблемы такими путями, что и днем сегодняшним кажутся невероятными. Чего стоят Люблинская уния 1569 года, объединившая Великое княжество Литовское и Польшу мирным путем в одно государство — Речь Посполитую, или Брестская уния 1596 года, провозгласившая соединение двух христианских конфессий на территории Великого княжества Литовского — православия и католичества!

Русские источники не дают возможность восстановить полную картину образования Великого княжества Литовского. Частые войны безжалостно уничтожали книжную мудрость. Во время нашествия Тохтамыша в церкви Москвы снесли книги со всех окрестностей. В некоторых храмах их было уложено от пола до самых стропил. Все погибло в огне. А те немногие, что имеются, объявляются фальсифицированными, как только их сведения не удовлетворяют того или иного исследователя.

В христианских странах все самое ценное касательно книжной мудрости хранилось в монашеских обителях. Недаром западноевропейские монастыри обладали крупнейшими библиотеками, до сих пор в их суровых стенах открывают уникальные исторические документы.

На западнорусских землях религиозное переплетение было невероятным (и даже главенствующая религия часто менялась): православие, католицизм, униатство, а еще кальвинизм, протестантизм... Надо отдать должное, известный религиозный плюрализм всегда имел здесь место, однако новое вероисповедание к наследству книжному от прежнего хозяина относилось, мягко говоря, без должного уважения. Опять же, бесконечные войны... огни пожаров уничтожали города и деревни, храмы и монастыри.

Что касается немногочисленных белорусско-литовских источников, то в целом и они не отличаются достоверностью и насыщенностью фактами при описании интересующего нас периода. В «Хронике Быховца», «Хронике Литов-

ской и Жмойтской», «Летописи археологического общества» и т. п. более или менее подробно освещаются события в Литве начиная с 1250 года, да и то использовать эти факты следует только в сравнении с другими историческими документами. В этих, так называемых белорусско-литовских, летописях часто реальные исторические лица путаются с мифологическими, особенно в начальный период истории Литвы. Что касается западнорусских земель, и самой крупной из них, Полоцкой, то в упомянутых летописях сведений о них с конца XII века и до начала XIV века почти не содержится.

Несколько восполняют пробел в русском летописании немецкие хронисты. Например, в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского довольно подробно излагаются взаимоотношения в первых десятилетиях XIII века полоцких вассальных княжеств Герцике и Кукенойса с обосновавшимися в Прибалтике крестоносцами. Из этой же хроники можно почерпнуть некоторые сведения по истории Полоцкой земли, рассмотреть ее связи с прибалтийскими племенами, и, в частности, с литовцами.

Немецкие источники более располагают к доверию как незаинтересованная сторона в изучаемом вопросе. В них можно даже найти описание событий, позорящих деяния крестоносцев или подающих их поступки в невыгодном свете.

Огромное значение в связи со скудностью белорусско-литовских летописей и хроник имеет «Ипатьевская летопись», принадлежащая перу летописца Юго-Западной Руси. В ней излагаются события, происходившие в основном в Галицко-Волынской Руси XIII века, но так как Новогрудская, Берестейская земли и Турово-Пинское княжество находились в определенное время в той или иной степени зависимости от галицко-волынских князей, то в летописи содержится богатый фактический материал по истории западнорусских княжеств.

Немало сведений содержится в польском источнике «Великой хронике». Польский источник дает материал для изучения начальной истории Литовского государства, его взаимоотношений с Польшей и Русью.

В советской и постсоветской историографии существует немало работ по исследуемой теме. Почти в каждой из них выдвигаются смелые гипотезы, которые, к сожалению, часто не соответствуют фактам.

Несомненно, в истории Великого княжества Литовского многие вопросы ждут исследователей, многое нужно пересмотреть, но подходить к этому следует осторожно. Отбрасывать теории дореволюционных историков следует, лишь доказав их несостоятельность. Они близки к источникам, глубоко исследуют вопросы. Если они описывают какое-либо событие, то не просто передают факт, содержащийся в летописи, а сравнивают его со сведениями других источников, берут во взаимосвязи с другими событиями того времени и лишь после этого высказывают свое отношение к предмету исследования.

Богатый материал по политической истории Литвы содержится в труде П. Д. Брянцева «История Литовского государства». Хотя заметим, что автор зачастую стремился преувеличить русское влияние в Литве.

Вероятнее всего, самым полным исследованием вплоть до настоящего времени по истории Полоцкого княжества является работа В. Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия».

Взаимоотношения Литвы с Русью, начиная с самых первых контактов, подробно описываются в поистине великой и по объему, и по количеству используемых источников, и по исследованию огромного промежутка времени работе С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

Из работ советских историков особо хочется отметить «Образование Литовского государства» В. Т. Пашуто. В ней автор дает в развитии экономические и политические процессы, приведшие к образованию Великого княжества Литовского, анализирует социально-экономические сдвиги литовского общества в годы правления первых великих князей: Миндовга, Войшелка, Шварна, Тройденя. Нашла отражение в работе В. Т. Пашуто и борьба литовцев совместно с Русью и прибалтийскими народами с крестовой агрессией в Восточной Прибалтике.

Весьма важны исследования И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» и «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв.». Огромное количество использованных автором источников при написании книг (в первой работе свыше четырехсот ссылок) не избавило И. Б. Грекова от ошибок и неточностей. Виной тому однобокое использование автором источников. Так, ссылаясь на Троицкую летопись, И. Б. Греков пишет: «Уже первая половина жизни Ольгерда, проведенная им в Полоцке (до 1345 г. он был женат на полоцкой княгине Марии Ярославне)...»

Однако, согласно остальным летописям и хроникам, Ольгерд никогда не был в Полоцке, а его первая жена Мария Ярославовна была единственной дочерью не полоцкого князя, а витебского.

Для работ И. Б. Грекова характерно вольное обращение с фактами. В другом месте «Восточной Европы...» он отнес к Черной Руси почти всю территорию современной Беларуси: «...Тесные контакты Литвы с Черной Русью — Новогрудком, Слонимом, Волковыском, Полоцком, Минском, Берестьем и т. д.». Но согласно картографическому материалу, только три первых города относились к Черной Руси.

Не отличается изяществом и стиль изложения И. Б. Грекова. При описании средневековых войн и межкняжеских столкновений автор пользуется терминологией времен Второй мировой войны. Вряд ли уместно для событий 1382 года такое выражение: «Назначение князя Литовской Руси на пост командующего московским гарнизоном...» В его работах почти на каждой странице встречаются такие слова, как: «по-видимому», «видимо», «возможно», «вероятно» и т. д., а за ними кроются не подтвержденные фактами догадки автора, фантазия его ума.

Истории Полоцкой земли в основном посвящена работа М. Ермоловича «Старажытная Беларусь» («Древняя Беларусь»). Она довольно подробно в хронологической последовательности освещает историю белорусских земель до включения их в состав Великого княжества Литовского. Материал богат историческими фактами, взятыми из источников. Однако М. Ермолович настойчиво проводит линию воз-

величия Полоцка периода феодальной раздробленности в политическом и военном отношении, вопреки фактам, которые сам же и приводит.

Вышеперечисленные научные труды использовались мною в основном при описании начального периода Великого княжества Литовского — самого процесса его возникновения. С последующими годами легче — сохранились различные документы: грамоты великих князей, привилеи королей, договорные грамоты, дневники сеймов, письма, рапорты, высочайшие рескрипты, мемуары и т. д. Счет использованных в книге документов идет на многие десятки, и нет надобности комментировать каждый. Все они вместе — материалы далекой эпохи — создают неповторимый колорит и словно приближают ее к нам.

Римские корни Великого княжества Литовского?

Миф и реальность — на первый взгляд категории несовместимые. Однако в каждом мифе присутствует доля его антагонизма, и важно лишь извлечь крупинцы правды.

Иногда миф при более пристальном рассмотрении становится вполне осязаемой реальностью. Так было с историей о том, как Архимед сжег римский флот с помощью зеркал. Долгое время она отвергалась, как вымысел, но французский естествоиспытатель Ж. Бюффон и греческий инженер И. Саккас экспериментально подтвердили, что подобное вполне возможно. Первый сфокусировал отраженные зеркалами солнечные лучи в одной точке и зажег дерево с расстояния 50 метров; второй с помощью солнечных «зайчиков» сжег лодку.

Впрочем, речь пойдет о другом мифе...

В «Хронике Литовской и Жмойтской» и «Хронике Быховца» есть рассказ о том, как во времена Нерона (37—68) «повинный» римского императора Палемон «с жоною и детьми своима и подданными», которых было пятьсот человек, «зо всеми скарбами», взяв с собой астронома, бежали из Рима.

В поисках нового места для жизни они достигли Балтийского моря, затем вошли в устье Немана и, плывя вверх по течению, достигли реки Дубиссы. Место римлянам понравилось: «...равнины большие и дубравы роскошные, изобилующие всяческого рода зверями, то есть, прежде всего, турами, зубрами, лосями, оленями, сернами, рысями, куницами, лисицами, белками, горностаями и прочими различными породами, и здесь же в реках масса необычных рыб» («Хроника Быховца»).

Здесь римляне «поселились и начали размножаться», а называли они место пристанища «Жемайтийской землей». Один внук Палемона — Гимбут — правил Жемайтией; второй же — Кернус — перебрался за Вилию. «И назвал тот Кернус берег на своем итальянском языке по-латински, Литус, где люди размножаются, а трубы, на которых играли, — туба, и назвал тех людей по-своему, по-латински, соединив берег с трубой, — Листубаня. А простые люди не умели говорить по-латински и начали называться просто Литвою, и с того времени начало называться государство Литовским и увеличиваться со стороны Жемайтии» («Хроника Быховца»).

Прежде всего возникает вопрос: существовал ли действительно Палемон? У Светония в биографии Нерона читаем: «Расширять и увеличивать державу у него не было ни охоты, ни надежды. Даже из Британии он подумывал вывести войска и не сделал это лишь из стыда показаться завистником отцовской славы. Только Понтийское царство с согласия Полемона, да Альпийское после смерти Коттия он обратил в провинции».

Итак, имя вполне реальное. Правда, он был царем Понта, которого Нерон заставил сложить свою власть. Что ж, у Полемона были основания опасаться за свою жизнь... Былые возможности вместе с тем позволяли осуществить грандиозный переезд в далекую Прибалтику.

С Полемоном бежало, как мы помним, пятьсот римлян. Тоже ничего удивительного. Нерон прослыл жестоким и развратным тираном. Его жертвами явились многие выдающиеся люди, ближайшие родственники и даже собственная мать. Изошренный изверг, он заставил сражаться в гладиаторских

битвах даже «четыреста сенаторов и шестьсот всадников, многих — с нетронутым состоянием и незапятнанным именем; из тех же сословий выбрал он и зверобоев и служителей на арене» (Светоний). Римлянам ничего не оставалось, как бежать от такого деспота. И чем дальше, тем лучше.

Новый вопрос: подозревали ли римляне о существовании тех мест, куда бежали от гнева Нерона?

Оказывается, край балтов был хорошо знаком в античном мире. Известность ему принесла окаменевшая смола, именуемая янтарем.

Сведения из Энциклопедического словаря: «Еще в 16 в. до н. э. янтарь был завезен торговцами из прибалтийских регионов в Вавилонию, а также в области микенской и италийской культуры. Центром торговли янтарем являлась Аквилея... Янтарь использовался, прежде всего, для изготовления украшений, а также мелких декоративных и бытовых изделий. У древних греков янтарь вызывал особый интерес своей способностью электризации. Еще Аристотель, а вслед за ним Теофраст и Плиний Старший предполагали, что образование янтаря связано со смолой хвойных деревьев».

Устье Немана, куда вошли корабли Палемона, было не таким далеким от Рима, как может показаться на первый взгляд. Римская провинция Германия, образованная в 16 году н. э., являлась близкой соседкой балтов. То есть римляне знали эти места и, несомненно, бывали здесь гостями. Существовал даже так называемый «янтарный путь»: от побережья Балтийского моря до Аквилеи в Северной Италии.

О балтах упоминает римский историк Публий Корнелий Тацит (ок. 55 — ок. 120) в произведении, написанном в 98 году. В «Германии» Тацита древние балты именуются эстиями:

«Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов. Меч у них — редкость; упо-

требляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях; единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом. Но вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену. Однако нетрудно понять, что это — древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество».

Чем не благодатный край для жизни римских беглецов?! Как видим, эстии успешно занимались земледелием, а также собирательством янтара, весьма ценимого в античном мире. Поскольку вооружение местных племен оставляло желать лучшего, римляне Палемона могли весьма неплохо устроиться на новом месте.

Согласно летописям, римляне высадились «зо всеми скарбами». И самое интересное, что археологи нашли эти самые «скарбы». Два клада были открыты в Жемайтии, где высадился легендарный Палемон (М. М. Михельбертас «Два клада римских провинциальных монет из Западной Литвы»). Обнаружены римские монеты и в Восточной Литве — в районе Кернаве, куда направился внук Палемона Кернус.

Весьма любопытен в этом отношении археологический материал. Некоторые предметы вооружения литовских племен (мечи, наконечники стрел и копий, удила от лошадиной сбруи) настолько идентичны римским, что кажется, их создала рука одного мастера.

Римские мечи, датированные первыми веками н. э., в Прибалтике довольно распространенная находка, при том, что подобного рода артефакты для последующих столетий край-

не редки. М. Мандель в статье «Меч в вооружении эстонских племен до VII века» приходит к следующему выводу:

«Меч оставался в V–VII вв. дорогим и редким импортным оружием. Существенной роли в военном деле это оружие еще играть не могло». Два меча, различной сохранности, найдены в XIX веке вблизи эстонского городища Алулинн. «Более целый меч по форме близок вариантам римской *gladii*, распространенным на территории Германии. Длина последних обычно 60–65 см (самый короткий экземпляр 47,5 см), ширина клинка 4–4,5 см. Датируются такие мечи I–II вв. В Швеции мечей этого типа найдено не менее 6. Три финских *gladii*... ввезены из Центральной Европы и датируются II в. или рубежом II–III вв. Примерно так, по всей вероятности, надо датировать и меч из Алулинна».

Археологи говорят, что найденный в Эстонии римский меч «по форме» близок к найденным на территории Германии, но не идентичен. Возможно, он попал на территорию Прибалтики не из Центральной Европы; с той же долей вероятности можно предположить, что центр производства римских мечей находился гораздо ближе.

Еще один интересный момент можно отметить, опираясь на выводы археологов: в начале I тысячелетия на территории Литвы произошла настоящая революция в производстве и обработке железа; как будто кто-то в одночасье извне принес новые технологии.

Ученый И. Станкус изучил свыше 558 железных изделий из разных археологических эпох и написал статью: «Исследование производства железа и кузнечного дела в Литве».

Вполне вероятно, что до нашей эры на территории Литвы вообще не производилось собственное железо. «Балтские племена на территории Литвы (как и Латвии) с железными орудиями труда и украшениями познакомились в раннем железном веке (VI–I вв. до н. э.), — описывает ситуацию археолог. — Но так как найдено очень незначительное количество железных изделий данного периода, притом почти полностью разрушенных коррозией, то металлографически они не исследованы. Пока трудно определить, изготавливались ли эти изделия местными мастерами из местного металла, или

же они были импортные. Во всяком случае, соответствующего материала (остатков сыродутных печей, криц, шлаков), свидетельствующего о местном производстве железа, пока не найдено».

Но вот, согласно летописи, в Литве появляются римские эмигранты, и ситуация резко меняется: от импорта к собственному производству. «Изделиями из железа на территории Литвы широко стали пользоваться с начала н. э. Уже во II—IV вв. балтские племена употребляли в быту в основном железные орудия труда. Оружие также было железным. О местном производстве железа в это время свидетельствуют найденные остатки сыродутных печей, железная крица и шлаки».

Поражает не только многообразие производимых предметов. «Они (кузнецы) применяли разнообразные технологические операции — свободную ковку железа, стали и “пакетного” сырья, науглероживание (цементацию) поверхности изделий, сварку железа со сталью». Для повышения качества производимых изделий применялась термическая обработка.

В V—VIII веках производство железа увеличилось, но... притока новых технологий не было в течение нескольких столетий. «Металлографические исследования 180 железных изделий того времени показывают, что в изготовлении железных изделий коренных изменений не произошло. Кузнецы применяли почти те же технологические операции, что и во II—IV вв., — свободную ковку железа и стали, науглероживание изделий или заготовок, сварку железа со сталью».

В статье Р. Гравере «Роль прибалтийско-финского субстрата у латышей по данным одонтологии» рассматриваются некоторые вопросы этногенеза прибалтийских народов. Отмечается следующий момент: «Наиболее чистым комплексом средневропейского одонтологического типа на территории Восточной Прибалтики обладают северные и восточные литовцы». Создается впечатление, что литовцы являются пришельцами из других краев и в активные контакты с окружающими их племенами не вступали. Совсем иная картина с соседями литовцев; автор статьи приходит к выводу, что

«роль прибалтийско-финского компонента в антропологическом составе латышей следует расценивать как весьма значительную».

Можно объявить сфальсифицированными белорусско-литовские летописи, объявить фантастическими сведения, которые они сообщают, но польскому хронисту Яну Длугошу нет никакого смысла возвеличивать литовцев до прямых наследников римлян. Тем не менее современник крушения Тевтонского ордена, ссылаясь на не дошедшие до нас свидетельства, сообщает:

«Утверждают, что во времена гражданских войн, которые разгорелись сначала между Марием и Суллой, а затем между Юлием Цезарем и Помпеем Великим и их преемниками, они оставили древние места своего жительства и отчую землю в уверенности, что вся Италия погибнет во взаимном истреблении. Вместе с женами, скотом и домочадцами литовцы пришли на обширные и пустынные пространства, доступные одним зверям, почти постоянно подверженные жгучим морозам и называемые у писателей “пуши”, в северную страну, которую они, по отчету и древнему имени [Италия], назвали Литалией (ныне она, вследствие некоторого изменения, называется поляками и русскими Литва), племени же они дали имя литалов, добавив впереди одну только букву “л”, которую еще и ныне прибавляют итальянцы в своем народном языке. До принятия истинной веры они почитали те же самые святыни, тех же богов и справляли те же священные обряды и празднества, которые существовали у римлян, когда те были язычниками, а именно: священный огонь, который римлянами по суеверию поддерживался непрерывно, и в Риме почитали в нем Юпитера-громовержца девы-весталки, искупавшие свою небрежность, в случае угасания его, своей жизнью; также и леса, которые они считали священными и которых касаться железом признавалось у них нечестивым и гибельным, ибо всех, кто касался их железом и подымал на них руку, хитрый и лукавый сатана при Божьем попушении поражал в руку, глаз, ногу или иной член тела, чтобы удержать своих приверженцев в нечестивой вере, и якобы возвращал им целость, только когда его умилоств-

ляли сожжением целиком баранов и телят; также считалось, что в их лесах пребывает бог Сильван и прочие боги, по известному изречению поэта: «Также и в лесах обитали боги»; в змеях же и ужах римляне почитали бога Эскулапа, который в виде змеи привезен был в Рим на корабле из Греции, именно из Эпидавра, для прекращения сильно свирепствовавшей чумы.

В таких и подобных священнодействиях литовцы хотя и не воспроизводили в точности обряды римлян и италийцев, но все же большей частью им подражали».

Хронист Тевтонского ордена Петр из Дусбурга неожиданно вспоминает о Риме при описании общего для балтийских народов святилища:

«Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда. Хранил он также по древнему обычаю негасимый огонь».

Более того, оказывается, что «Рим» присутствует во многих почитаемых балтами местах. Исследователи полагают, «что корень “rom” в древнепрусском и литовском языках нес смысловое значение, указывающее на святость того или иного места. Кроме Ромова в Пруссии существует о. Ромене (Ромайн) в Литве, также почитавшийся священным местом, и гора Ромбинус около Раганиты». (Цитата из комментария к «Хронике» Петра из Дусбурга.)

Негасимый огонь святилища балтов очень напоминает его аналог в храме римской богини Весты.

«Пруссы редко приступали к какому-либо важному делу, — сообщает Петр из Дусбурга, — пока не узнавали, бросив по

обычаю своему жребий, у богов своих, воспоследует ли им добро или зло». Точно так же поступали римляне.

Частью погребального обряда древних пруссов являлись конные состязания; у римлян — гладиаторские игры.

Римляне и литовцы почитали одно животное, благодаря которому была основана столица государства.

Ромула — легендарного основателя Рима — вскормила волчица. Гедимину приснился сон, что на горе стоит большой железный волк и ревет, будто в нем сто волков. По совету жреца литовский князь заложил на этом месте свою столицу. И теперь аналог Капитолийской волчицы — волк вместе с князем Гедимином стоит в центре Вильнюса.

Создание самого крупного территориального объединения в Европе — Великого княжества Литовского — не римский ли это размах? Опять же, политика великих князей Литовских: «Разделяй и властвуй!» — это едва ли не национальная черта римлян.

Древний Рим помнили и любили в Великом княжестве Литовском. Недаром подканцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега — создатель самого демократического свода законов Средневековья — упомянул в предисловии к Статуту Великого княжества Литовского слова выдающегося оратора и философа времен поздней Римской республики: «Как Цицерон говорил, мы являемся невольниками прав для того, чтобы пользоваться свободой могли».

Не такими уже нереальными и фантастическими видятся сведения о римлянах, доставленные нам белорусско-литовскими летописями. Кто знает, была ли в сердце основателей великого княжества капля римской крови, но что римляне бывали на территории Литвы в древности — несомненно. Римляне и предки литовцев знали друг о друге.

Наследницами великого Рима считали и по сей день считают себя многие державы. Так или иначе, соприкоснуться с самым могучим государством древности пытались многие. Соседняя с Великим княжеством Литовским держава выдвинула версию преемственности власти от Рима через Констан-

тинополь к Москве: «Москва — третий Рим». Что ж... У Великого княжества Литовского вариант родства с древним гигантом ничуть не худший.

Местонахождение летописной Литвы.
Взаимоотношения Литвы
и Западных земель Руси
до середины XIII века

По версии М. Ермоловича, земли летописной Литвы находились отнюдь не в Прибалтике, а на территории Беларуси, окруженные со всех сторон славянскими племенами. Однако, если сравнить карту местонахождения древней Литвы М. Ермоловича («Па слядах аднаго міфа») и археологическую карту Беларуси того времени (А. В. Квятковская, «Каменные могильники белорусского Понеманья»), то увидим, что на месте размещенной М. Ермоловичем Литвы находятся дреговичские курганы и каменные могильники, характерные для целого ряда территорий Беларуси. Местоположение восточнолитовских курганов вполне совпадает с территорией современной Литвы. Есть они и в окрестностях Вильнюса, который, как утверждает М. Ермолович, был основан кривичами, и поэтому он якобы назывался Кривым городом. Название это вряд ли имеет отношение к племени кривичей. В Средние века Вильна состояла из трех замков: Верхнего, Нижнего и Кривого. В летописи Археологического общества строительство Вильна связывается с именем Гедимина, который «...послал по люди и заложил город один на Швинторозе Нижнии, а други на Кривой горе, которую ныне зовут Лысоу, и наречет имя тым городом Вильня».

Кривой замок первый, и единственный, раз упоминается при описании нападения крестоносцев в 1390 году. Краткие летописные сведения сообщают, что большой деревянный замок на горе был сожжен дотла. Следовательно, нет оснований утверждать, что Вильно было основано кривичами и называлось Кривым городом. Кстати, П. Д. Брянцев, который, повторимся, стремился в своей работе преувеличить русское

влияние в Литве, писал: «На колонии последних (кривичей) в Литве особенно указывает название двух местечек: Криво и Кривичи». О Кривом же городе ни слова.

Основной довод в пользу того, что летописная Литва находилась на территории нынешней Беларуси, по М. Ермоловичу, — это наличие в ряде районов Беларуси топонима «Литва». Но все названные им населенные пункты возникли после включения этих земель в состав Великого княжества Литовского. Это, во-первых, и, во-вторых, если в Молодечненском районе имеется деревня Литва, то там есть и деревня Турец-Бояры, а это вовсе не означает, что здесь жила турецкая знать.

Вполне возможно, что балтские племена, в том числе и литовцы, в доисторические времена находились на территории нынешней Беларуси. Так считал и русский историк А. Кочубинский, на которого так часто ссылается М. Ермолович. В отличие от М. Ермоловича русский историк не ограничивал территорию доисторической Литвы отдельным регионом Беларуси. А. Кочубинский писал: «Строго говоря, в нашей гипотезе нет резко нового: она — лишь естественное, более расширенное понимание того мирного ассимиляционного процесса, который совершается и на наших глазах в этнографически литовских частях Виленской губернии, — процесса отступления литовской стихии по направлению к северу. На юге ассимиляция была для литовской стихии отрицательного характера, на севере же положительного; здесь латыш ассимилировал финский элемент, пока не вогнал его в самые волны Балтийского моря».

Однако ко времени образования раннефеодального государства на территории Беларуси не осталось ни материальных, ни летописных свидетельств, подтверждающих существование Литвы на территории, определенной М. Ермоловичем.

В пользу предположения, что территория древней Литвы находилась в Прибалтике, свидетельствует такой ранний летописный памятник, как «Повесть временных лет»: «...Литва, Зимегола, Корсь, Сетьгола, Любь, Ляхове же и Пруси Чудь присесть к морю Варяжскому (Балтийскому) по сему же морю седеть».

Согласно одному из толкований этимологического словаря Макса Фасмера, слово «Литва» произошло от латинского *Litus* — «берег (моря)».

Многочисленные немецкие источники подтверждают, что Литва находилась в Прибалтике и граничила непосредственно с владениями крестоносцев. Литва же Ермоловича не могла иметь общих границ с немцами.

Рифмованная хроника описывает битву при Дурбе (1260 год):

Тогда литовцы возмутились,
Сердца их гневом распалились
За то, что братья дерзость возымели,
В их землях, не спросясь осели.

Естественно, братья-крестоносцы осели в Прибалтике на земле литовцев. Второй отрывок этого произведения также подчеркивает соседство Литвы с немецкими завоевателями:

Была готова скоро рать
Литовская, и воевать
Она отправилась Карповен.
Там спешно ими был построен
Вблизи от братьев замок крепкий.

А вот цитата из «Ливонской хроники» Германа Вартберга: «...отняли у бюргеров пять замков, находившихся *в соседстве с литовскими землями*».

Следовательно, нет оснований утверждать, что «она (Литва) врезалась клином между Полоцкой, Турово-Пинской и Новгородской землями и вместе с ними являлась одной из исторических областей Беларуси» (М. Ермолович).

Неправомерно также рассматривать литовцев и жемайтцев как два различных народа. Подтверждение их исторической и языковой общности нашло отражение в ответе великого князя Литовского Витовта германскому императору Сигизмунду в 1420 году. Ответ Витовта кончается таким обобщением: «Итак, по своему самосознанию и языку земля жемайтов, которая досталась нам в наследство и которой мы владеем ныне по закону наших дедов и отцов, теперь еди-

на и всегда будет единой с землей Литвы, потому что у них одинаковое наречие и одни люди». «Земля жемайтов» означает «Нижняя земля». Жемайты, в свою очередь, называют Литву (Литванию) — Аукштайтией (Аукстоте), что обозначает ее положение в отношении земли жемайтов — «земля верхняя». При этом в Жемайтии (Самогитии) люди называют себя с древнейших времен литовцами и никогда не именуется жемайтами (жемайтас).

«Понятия “Литва”, “литовцы”, как охватывающие всю литовскую народность и населенную ею территорию, имели всеобщее употребление как в письменных памятниках — летописях, хрониках, так и в переписке великих князей Литовских. Например, Тройнат до смерти Миндовга во всех источниках известен как жемайтский князь, и, по-видимому, он более всего был связан с Жемайтией. Однако источники его никогда не называют жемайтом, а лишь литовцем. Ливонская рифмованная хроника пишет о Тройнате: “Был другой могучий литовец, который втайне ему (то есть Миндовгу) завидовал”. И русская летопись эти факты изображает как внутренние события одного государства, одной народности: “Того же лета (в 1263 году) в Литве бысть мятежь, всташа сами на ся и убиша князя велика Миндовга” (История Литовской ССР. С древнейших времен до 1861 года. Под ред. Ю. Жюгды).

Исходя из вышеизложенного, летописную Литву следует все же оставить на территории нынешней Литвы, а христианизированные западнорусские земли очистить от языческого острова М. Ермоловича.

Исторически судьбы русских княжеств издавна переплетались с судьбами народов Восточной Прибалтики, и, в частности, с Литвой. О том говорят разнообразные источники, как летописные, так и археологические.

О прочных и постоянных торговых связях Литвы с Древней Русью свидетельствуют находки, полученные в результате раскопок курганов и населенных пунктов. С Руси в литовские земли привозились шиферные пряслица, различные бронзовые и серебряные изделия — витые плетеные браслеты, браслеты-наручи, подвески крестовидной формы, шей-

ные гривны, сканные бусы, лунницы, зооморфные подвески и др. Из Руси доставлялись также стеклянные бусы, предметы христианского культа, киевские денежные гривны.

Через земли Руси и при ее посредничестве шла торговля со странами Ближнего Востока. Оттуда в Литву попадали арабские монеты, позолоченные, посеребренные и полихромные стеклянные бусы и раковины каури.

Если в период Киевской Руси военные отношения Литвы с Русью выражались в основном в походах киевских князей на литовские племена и их соседей, то в последующий для Руси период феодальной раздробленности характерно участие литовских дружин на стороне отдельных русских князей в их междоусобной борьбе.

Причины участия литовских дружин в походах западно-русских князей, в частности минских и полоцких, вызывают споры исследователей-историков. Вот как освещает взаимоотношения Руси и Литвы М. Ермолович в работе «Старажытная Беларусь»: «Не менее пристальное внимание заслуживает и то, что Всеслав Василькович под Друцк шел не только с полочанами, а что “с ними бяхуть и Либь, и Литва”. Наличие в войске именно полоцкого князя ливов и литвы очень показательно. Как известно, финское племя ливов жило на самом побережье Балтийского моря. А это, бесспорно, означает, что Полоцк расширил свое политическое влияние на все Нижнее Подвинье, откуда и черпал дополнительную военную силу.

Не менее важен по своему значению и факт участия в походе литвы. Как показали события 1161 и 1167 гг., это племя использовалось Менском в борьбе с Полоцком. Однако в результате поражения Володаря Глебовича под Витебском в 1167 г. Минск, а вместе с ним и Литва постепенно опять подчиняются власти Полоцка, а это значит, что последний возвращает свои позиции в Верхнем Понеманье...»

Полоцкие князья использовали литовские дружины в борьбе с соседями, но утверждать на этом основании, как это делает М. Ермолович, что «Литва подчиняется власти Полоцка», нет оснований. Ведь ни о каких других формах зависимости (например, регулярная выплата дани Литвой) ни в «Старажытной Беларусі» М. Ермоловича, ни в источниках

фактов не приводится. Кроме того, летописец недоволен участием в междоусобной борьбе русских князей, как половцев, так и литовцев, называя их «погаными».

Скорее всего, литовцы использовались как наемники, принимавшие участие в грабеже одного русского княжества в составе войска другого. В этом качестве литовские дружины привлекались далеко не только западнорусскими князьями. Одно из первых упоминаний о литовских племенах в «Великой хронике» польской относится к 1230 году, когда они принимали участие в походе Конрада Мазовецкого на Сандомир: «Итак, Конрад, домогаясь владений племянника и считая свое изгнание позором, часто водил ятвягов, сковитов, пруссов, литвинов, жмудинов, нанятых за деньги, на сандомирские земли своего племянника, (желая) их разорить... Во время (правления) этого Конрада по его призыву, о чем мы говорили выше, языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство. Ведь упомянутый Конрад по научению своей жены собрал большое богатство, из которого щедро наградил язычников, помогавших ему».

В той же польской хронике находится подтверждение тому, что отношения литовцев с Русью и Польшей на определенном этапе носили сходный характер. Несколько десятилетий спустя после описываемых событий, когда литовцы приступили к самостоятельным грабительским походам на Русь и захвату западнорусских территорий, читаем в хронике: «В том же (1260) году упомянутый Мендольф (Миндовг), собрав множество, до тридцати тысяч, сражающихся: своих пруссов, литовцев и других языческих народов, вторгся в Мазовецкую землю. Там прежде всего он разорил город Плоцк, а затем города и деревни всей Плоцкой земли жестоко опустошил мечом и пожаром, разбоями и грабежом».

Литовское войско использовали в междоусобной борьбе даже обосновавшиеся в Прибалтике немцы. Подобную ситуацию описывает П. Д. Брянцев: «Ливонский орден, как основанный рижским архиепископом, в начале своего существования был в зависимости от сего последнего, но потом, когда соединился с Тевтонским, сделался самостоятельным. В конце XIII ст. рыцари задумали было подчинить своей власти г. Ригу, но встретили протест со стороны архиепископа

и магистрата, потому что город был в зависимости от них. Тогда рыцари порешили достигнуть своей цели силой оружия, и вследствие этого началась упорная борьба рыцарей с архиепископом и магистратом г. Риги. Но так как последние собственными силами не в состоянии были одолеть первых, то пригласили на помощь литовского князя Витеня».

Включение западных земель Руси (территория современной Беларуси) в состав Великого княжества Литовского (XIII–XIV века)

1. Появление литовских князей в Новгородской земле

Впервые в Ипатьевской летописи Новгородок упоминается под 1235 годом. Однако, как показали археологические исследования, древнерусский город существовал здесь раньше — в конце X века. Из-за отсутствия летописных известий о Новгородке историю города в какой-то мере следует восстановить по материалам археологических раскопок, которые, в частности, свидетельствуют о широких и прочных экономических связях Новгородка со многими регионами Европы и Азии.

Многочисленные находки свидетельствуют о тесном общении Новгородка с Прибалтикой. Уже в слоях конца X–XI веков в Новгородке встречаются единичные куски янтаря, возможно служившие амулетами.

В XII–XIII веках связи города с Прибалтикой и Северо-Западными землями сохраняются. Янтарь, оружие, некоторые виды украшений, сделанные на территории пруссов, литовцев, латгалов и куршей, занимают определенное место в новгородском импорте.

Пути, по которым можно было проникнуть в Новгородок из Прибалтики, в известной степени воссоздаются бла-

годаря письменным свидетельствам, повествующим о военных походах. Согласно русским летописям, войска литовцев шли обычно в Новгородок через Вилию и Неман. Переправившись через Неман и одолев четыре мили к югу, они попадали в город. Это, кстати, еще одно свидетельство в пользу того, что летописная Литва находилась в Прибалтике, а не на территории, определенной М. Ермоловичем. Ведь если бы Литва «врезалась клином между Полоцкой, Турово-Пинской и Новгородской землями», как утверждает он, литовцам совершенно незачем было бы переходить Неман и тем более Вилию, чтобы попасть в Новгородок.

Под 1217 годом польский историк XVI века Мацей Стрыйковский приводит (ссылаясь на летописцев) описание похода литовского князя Эрдивила на Русь. Среди прочих городов он захватывает и Новгородок. Далее приводится титул Эрдивила: «Эрдивил Монтвилевич, наследник Жмудской и Литовской земли, первый великий князь русский Новгородский».

Однако датировку установления власти Литвы над Новгородком нельзя считать достоверной, потому что, согласно Ипатьевской летописи, здесь сидел в 1235 году князь Изяслав: «...по том же лете Даниил возведе на Кондрата Литву Миндовга, Изяслава Новьгородского». В этом тексте Литва Миндовга и Изяслав Новгородский упоминаются как две независимые друг от друга политические силы.

Исходя из этого, следует относить распространение власти литовских князей на Новгородок ко времени правления Миндовга, то есть начиная с середины 30-х годов XIII века. Как Миндовг стал властителем Черной Руси, не известно, но в Ипатьевской летописи под 1252 годом говорится, что волынские князья напали на владения Миндовга: Новгородок, Волковыск, Слоним и Здитов.

М. Ермолович выдвинул свою версию появления Миндовга в Новгородке: Миндовг был изгнан из Литвы и бежал с боярами в соседний Новгородок. Там его приняли, «учитывая богатый опыт Миндовга как наемника, который преданно борется за интересы своих хозяев». Однако ни изгнание Миндовга из Литвы, ни принятие его новгородцами не подтверждаются документальными известиями.

Если проанализировать результаты археологических раскопок, то можно убедиться, что в XIII веке в Новгороде появился не только «беглый Миндовг», но шло массовое проникновение на Черную Русь балтского этнического элемента. Если курганные могильники вблизи Новогрудка: д. Селец (X–XI века), д. Мольничи (XI век), д. Бротянка (X–XI века) принадлежат только дреговичам, то курганный могильник на западной окраине Новогрудка, известный под названием Батаровка, датируемый XII–XIII веками, принадлежит смешанному славяно-балтскому населению.

Численность балтских переселенцев в Черной Руси увеличивалась в связи с агрессией Тевтонского ордена. Сюда бежала уцелевшая после разгрома часть населения из Погезании и Бартии. Беглых пруссов расселял в Черной Руси и великий князь Литовский Тройден. Это, конечно, укрепляло власть литовских князей в Новгородской земле.

Итак, в середине XIII века в Черной Руси утвердился литовский князь Миндовг — личность в высшей степени примечательная. По крайней мере, вряд ли такой человек смог бы довольствоваться ролью «наемника, который преданно борется за интересы своих хозяев». Вот что писал о нем и его политике П. Д. Брянцев: «Рассматривая по летописным сказаниям деятельность Миндовга, мы видим, что этот человек был необыкновенной силы воли и характера. Он всю жизнь свою с неутомимой энергией и настойчивостью стремился к созданию прочного и сильного Литовского государства. Правда, при достижении этой цели он не разбирал средств: жестокость, хитрость и разного рода злодейства были законны в его глазах; там, где нельзя было взять откровенною силою, Миндовг сыпал золото, употреблял обман, ложь и убийство. Но только такого рода поступками он мог и удержаться в Черной Руси и образовать довольно сильное государство. Действуй Миндовг иначе — никогда бы ему не достигнуть своей цели среди тех обстоятельств, в которые он был поставлен».

Миндовгу пришлось вести длительную борьбу за обладание Черной Русью. Его основными противниками были галицко-волынские князья, имевшие также определенное влияние в Новгородской земле. Особого ожесточения эта

борьба достигла в 1252 году, когда волыньские князья захватили Черную Русь. Однако мудрая, а подчас коварная дипломатия Миндовга сумела разрушить коалицию враждебных государств и принудила волыньских князей к миру, который от имени Литвы заключил (около 1253 года) Войшелк. Договор был скреплен браком Шварна Даниловича с дочерью Миндовга. По условиям мира Черная Русь осталась за Литвой: в ней правил Войшелк. Но затем князь Войшелк решил оставить «княжение свое», постригся в монахи и передал Черную Русь князю Роману Даниловичу: он дал ему «Новгородок от Миндовга», а Слоним, Волковыск «и все города от себе».

Нам не известна причина такой щедрости Войшелка, но, вероятнее всего, Литва вновь оказалась в критическом положении. Нам неясны и условия, на которых галицко-волыньский князь получил Черную Русь: возможно, Роман Данилович владел ею на правах вассала великого князя Литовского, возможно, Новгородская земля отдавалась галицко-волыньским князьям как военная добыча. Впрочем, это не столь существенно, так как власть галицко-волыньских князей над Черной Русью длилась недолго.

После убийства Миндовга Войшелк вынужден был бежать в Пинск, но в 1264 году с войском пинян вернулся, овладел Новгородком и объявил себя великим князем Литовским.

Соперничество между литовцами и галицко-волыньскими князьями из-за Новгородка продолжалось и при преемниках Войшелка. В 1274 году Лев Данилович с татарами пришел к Новгородку и взял окольный город, но вынужден был отступить. В 1277 году галицко-волыньские князья вновь совершили поход на Черную Русь.

Постоянная борьба между галицко-волыньскими и литовскими князьями не прошла бесследно для города. Если во второй половине XIII века он считался столицей Великого княжества Литовского, то после 1268 года теряет этот статус, который переходит к Трокам, а с 1323 года — к Вильно.

В первой половине XIV века великий князь Литовский Гедимин отдал во владение своему сыну Кориату «Новгород княжество с Волковыськом и Мстибогом», а в 1394 году Новгородок становится одним из центров великокняжеского домена.

2. Установление власти литовских князей в Полоцком и Витебском княжествах

Одним из первых фактически независимых от Киева княжеств стало Полоцкое. Расположенное на северо-западной окраине Руси, оно занимало почти половину территории современной Беларуси и своими размерами превосходило многие европейские государства.

Владения полоцких князей в XI–XII веках простирались до Рижского залива, включая города в пределах нынешней Латвии — Кокнесе (Кукенойс) и Ерсикю (Герцике). К Полоцкой земле относились города Минск, Витебск, Друцк, Лукомль, Заславль, Логойск, Браслав, Борисов и др.

Единство Полоцкой земли не было прочным, и уже после смерти Всеслава (1101 год) она была разделена между его сыновьями. Феодалные междоусобицы и раздробленность на уделы ослабляли Полоцкую землю. Временами Полоцк оказывался в зависимости от смоленских и черниговских князей.

Витебск (Видбеск) впервые упоминается под 1021 годом. В XI веке он представлял собой крупный ремесленный и торговый центр Полоцкого княжества, однако с 1165 года Витебский удел обособился и стал фактически независимым от Полоцка.

М. Ермолович утверждает, что «к 1180 г. Полотчина встает не только в единстве своей метрополии, но и в тесной связи со своими колониями в Нижнем Подвинье и Верхнем Понеманье. Она опять набрала свою былую мощь и, известно, не могла мириться с тем, что такая важная часть ее, как Друцкий удел, еще была отрезана от нее, и потому послала туда свои соединенные силы».

Однако привлечение в войско литовских дружин свидетельствует не об усилении Полоцкого княжества, а об обратном, ибо как раз отсутствие собственных сил заставило Полоцк прибегать к разорительной помощи наемников. Не в пользу возросшей мощи Полоцка свидетельствуют и его войны с вассалами, которые отказываются признать верховную власть сюзерена.

Но если во второй половине XII века полоцкие, витебские и минские князья иной раз использовали литовские дружины во время феодальных усобиц (например, в 1162, 1180, 1198 годах), то в начале XIII века положение в корне меняется. Еще до образования Литовского государства местные племенные князья делали частые набеги на соседние русские земли. В то время их целью было не присоединение чужой территории, а грабеж, захват пленных, скота. О борьбе полоцких князей с литовцами свидетельствует автор «Слова о полку Игореве»: «Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские». М. Стрыйковский сообщает, что в 1205 и 1207 годах, «видя разлад и несогласие внутреннее между князьями русскими, охваченные жаждой добычи», литовцы организовали походы на русские земли. Об этом свидетельствует и «Хроника» Генриха Латвийского. Так, полоцкий князь Владимир в 1212 году вынужден был заключить невыгодное для себя соглашение с орденом, чтобы, «возобновив мир, тем легче противостоять литовцам». По сообщениям Я. Длугоша, в 1216 году литовские дружины, которые грабили окрестности Полоцка, были разгромлены и выгнаны смоленским князем Мстиславом Давыдовичем.

Иногда литовцы, вторгаясь в русские земли, получали достойный отпор, но в Полоцкой земле они почти не встречали сопротивления. Обессиленная внутренними усобицами, Полоцкая земля к началу XIII века пришла в полный политический и военный упадок. Это отмечается и русским историком В. Е. Данилевичем: «Между тем полочане, сознавая свое бессилие, впадают в совершенную апатию и почти не делают попыток защищаться, а потому Литва, разграбив Полоцкую землю, обыкновенно отправлялась в соседние с нею русские земли. Такой порядок вещей имел последствием то, что князья соседних областей должны были освобождать от литовцев не только свои земли, но и Полоцкую землю. Под 1216 годом у польских летописцев есть известие, что Литва напала на Полоцкую землю и, не встречая сопротивления, достигла уже Полоцка, но в это время явился Мстислав Давыдович со смоленским войском и нанес ей под самым Полоцком страшное поражение. В 1223 году Литва воевала То-

ропецкую волость; за нею погнался Ярослав с новгородцами и преследовал ее до Усвята, однако догнать не мог. В 1225 году Литва опять опустошила Полоцкую землю, а затем отправилась воевать Смоленскую и Новгородскую волости. Узнав об этом, Ярослав со своим полком, Владимир с новгородцами и новоторжцами и Давыд с торопчанами пустились за нею в погоню, нагнали ее около Усвята и разбили наголову, причем отняли не только всех взятых в плен русских, но захватили 2000 литовцев и перебили их тут же».

Об упадке Полоцкой земли в начале XIII века свидетельствуют ее взаимоотношения с обосновавшимися в Прибалтике крестоносцами.

Если в первые годы своего появления в устье Западной Двины немцы колонизировали Ливонию, не входившую в непосредственное владение Полотчины и только платившую в Полоцк дань, то с 1208 года вопрос встал о латгальских землях, непосредственно примыкавших к Полотчине, часть которых принадлежала полоцким князьям (Герцике, Кукенойсу).

«Еще в 1207 г. какие-то угрозы немцев по отношению к Кукенойсу заставили его князя Вячку разделить с ними пополам свои земли. Нападение на этот первый полоцкий город было совершено, и после нескольких столкновений с немцами Вячка поджег город и ушел на Русь (1208 г.). Захват города Герцике начался в следующем, 1209 г.», — описывает ситуацию Л. В. Алексеев в книге «Полоцкая земля».

Характерно, что правитель Герцике князь Всеволод был в более тесных отношениях с литовцами, нежели со своим сюзереном — Полоцком. «Он (Всеволод) был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев (Даугеруте) и, будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию. Власть литовская до такой степени тяготела тогда надо всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты...» — рассказывает Генрих Латвийский в «Хронике Ливонии».

Здесь мы имеем прямое указание на то, каким образом ближайшие к Литве западнорусские феодальные княжества втягивались в зависимость от литовских правителей. Князь Герцике не только ориентирует свою политику на Литву, но и вместе с ней участвует в набегах на русские княжества. Генрих Латвийский писал, что Всеволод вместе с литовцами разоряет землю русских христиан.

Постепенно в зависимость от литовских князей вовлекался и Полоцк, однако эта зависимость не носила характера единовременного завоевания. В 1239 году Ярослав выступил против Литвы, которая уже воевала в окрестностях Смоленска. Поскольку путь к Смоленску лежал через Полоцкое княжество, следовательно, литовцы либо силой заставили полочан покориться, либо проводили свои войска по каким-то соглашениям с полочанами. И еще одно событие Полоцкой земли относится к 1239 году. Под этим годом упоминается Брячислав — последний полоцкий князь, имя которого записано по случаю брака Александра Невского на его дочери. Следующим полоцким князем является уже в 1252 году литовец Товтивил, который оказался в Полоцке во время совместного похода с Викинтом и Ердвиллом к Смоленску.

В. Е. Данилевич считал, что литовские князья появились в Полоцке раньше 1252 года. В своем утверждении он ссылается на следующие события: «В 1239 году в Полоцке княжил еще один из Всеславичей, Брячислав, после которого уже нет известий о русских князьях в Полоцке до смерти Товтивила. Умер ли Брячислав до завоевания Полоцка Литвой, или Полоцк был завоеван при его жизни, летопись не указывает. Между тем под 1246 г. в летописях есть известие о том, что Александр Невский, зять Брячислава, заезжал за своим сыном в Витебск, где тот, видимо, гостил. Хотя Витебск принадлежал в это время, вероятно, тоже Васильковичам, тем не менее странно, почему Александр и его сын гостят у более дальних родственников и не заезжают в Полоцк, когда Брячислав или его дети, если они у него были, жили там. Но из указанного обстоятельства можно скорее заключить, что в это время ни Брячислава, ни его детей не было в Полоцке и Брячислав или его дети жили уже в Витебске. Причина выхода Васильковичей из Полоцка, вероятно, за-

ключается в том, что Товтивил уже успел завоевать Полоцк». Таким образом, время появления литовских князей в Полоцке В. Е. Данилевич определяет между 1239 и 1246 годом.

«Товтивил быстро поддался обрусению и пользовался расположением полочан, — отмечает В. Е. Данилевич. — ...Товтивил, по завоевании Полоцка, крестился по православному обряду, чтобы стать ближе к своим подданным». Жителей Полоцка вполне устраивал этот князь, потому, что после убийства Товтивила Тройнатом они отказываются выдать его сына литовцам. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что вокняжение Товтивила в Полоцке вряд ли носило характер завоевания. Скорее всего, Товтивил княжил в Полоцке по приглашению веча.

С помощью хитрости летом 1264 года покончив с Товтивилом, Тройнат решил подчинить своей власти владения последнего, то есть Полоцк. Новгородская летопись сообщает, что «убойци» Миндовга, его «родици», убив Товтивила, «исковаша» и полоцких бояр, которых «изымали» в Литве вместе с князем. Характерно, что Тройнат действовал в Полоцке осторожно, его посланники «просиша» у полочан выдать сына князя Товтивила, чтобы убить его, но тот бежал в Новгород «с мужи своими». Тогда Тройнат посадил «свой князь» в Полоцке, но сделал это по «ряду», так как полочане с Литвой «мир взяша». Одним из условий мира явилось освобождение захваченных бояр.

В Полоцке Тройнат посадил подручного князя, вероятно Константина (по В. Е. Данилевичу). О княжении Константина сохранилось мало сведений. Но насколько можно судить, он вынужден был вести борьбу с ливонскими рыцарями. Не имея достаточно сил, чтобы справиться с могущественным противником, он постарался расположить их в свою пользу путем земельных уступок.

Утвердившись в Литве, следующий великий князь Литовский Войшелк (правил в 1264–1267 годах) предпринял попытку подчинить своей власти и Полоцкую землю. В скором времени им был изгнан из Полоцка посаженный Тройнатом князь Константин. Летом или осенью 1264 года в Полоцке уже княжил Изяслав, признавший себя в «воли Молшелгове». Вместе с тем приверженность Войшелка к русской партии

служит подтверждением предположения, что новый полоцкий князь был русским и, вероятнее всего, из рода Всеславичей.

Однако в скором времени у полоцкого ставленника Войшелка появился соперник — литовский князь Гердень, и борьба с ним окончилась неудачно для Войшелка. В конце 1264 года Герденю удалось завладеть Полоцком и добиться полной независимости от Войшелка.

Таким образом, многострадальная Полоцкая земля, оказавшись втянутой в борьбу за литовский великокняжеский трон, в течение одного года поменяла трех князей. При каждом из князей зависимость Полоцка от Великого княжества Литовского, как мы видим, была различной, однако об окончательном включении Полоцкого княжества в состав Литовского государства говорить рано.

Со смертью князя Герденя наступает полувековой период, во все продолжение которого в летописях почти нет сведений о Полоцкой земле.

Во второй половине XIII столетия (скорее всего, в третьей четверти его, как предполагал В. Е. Данилевич) Полоцком овладел какой-то литовский князь. Этот князь сблизился с немцами и принял католичество. Не имея детей, он завещал всю Полоцкую землю рижской архиепископии. Действительно, после его смерти немцы завладели Полоцким княжеством и принялись обращать его в католичество. В Полоцкую землю нахлынули прелаты и клирики, были учреждены даже две архиепископии.

Подчинение немцам, исконным врагам полочан, само по себе не могло быть приятно им. Между тем немцы стали вводить свои порядки и заставляли жителей изменять вере своих отцов, а немецкие рыцари, появившиеся следом за духовенством, страшно их притесняли. Все это настолько озлобило полочан, что они около 1307 года обратились к великому князю Литовскому Витеню (правил в 1293—1316 годах) с просьбой помочь им избавиться от непрошенных гостей. В 1307 году войско Витеня вступило в Полоцкую землю и освободило ее от немцев: часть их была перебита, другие попали в плен и только немногие спаслись бегством. Несомненно, что полочане тоже помогали Витеню в этом, при-

чем они отвергли навязанную им насильно католическую религию и разрушили построенные немцами католические церкви.

Захватив Полоцк, Витень, как видно из грамоты епископа Якова, присоединил его к своим владениям и не давал его никому в удел. Однако из той же грамоты Якова видно, что Полоцк пользовался сравнительно большими правами в политических отношениях, так как он заключал договоры с Ригой, пользовался самостоятельностью во внутреннем управлении и управлялся вечем. Вместе с тем заключение договора полоцким епископом Яковом с рижским архиепископом указывает, что он пользовался большим влиянием в политическом быту Полоцка, а потому можно предположить, что в Полоцке не было княжеских наместников, а их роль исполнял епископ Яков, который, как видно из договора, разделял с вечем участие в суде и управлении Полоцка. Договор с Ригой был заключен, вероятно, по желанию самого Витеня, который в это время уже примирился с немцами. По указанному договору ни полочане, ни рижане не приобретали никаких новых прав; главная его цель заключалась в установлении мира между обеими сторонами.

В Витебске, согласно летописям, литовские князья появились одновременно с Полоцком, то есть во время похода к Смоленску в 1252 году. Витебском завладел князь Викинт. Возможно, литовские князья появились в Витебске и немногим раньше, но лишь после 1246 года. Как мы уже отмечали, в 1246 году князь Александр Невский, разбив литовцев, отправился в Витебск за сыном. Следовательно, Витебск в то время не принадлежал литовцам и мог попасть под их власть лишь в промежутке между 1246 и 1252 годом.

Кроме того, что Викинт завладел Витебском, о нем известий больше нет, а следующий князь Изяслав был посажен в городе Войшелком в 1264 году. Однако княжил он недолго; в конце 1264 года Полоцк и Витебск были завоеваны литовским князем Герденем, который стал в полную независимость от Войшелка. Весьма вероятно, что Константин, княживший раньше в Полоцке, оказался теперь тоже на сто-

роне Герденя и получил от него в удел Витебск, так как впоследствии упоминается в актах витебский князь Константин.

После убийства Герденя Константин, вероятно, снова стал княжить в Полоцке, так как в отрывке из не дошедшей до нас летописи упоминается «князь Константин Полотский» в рассказе о событиях, которые могли произойти только в период между 1271 и 1289 годом. Передал ли он Витебск после этого своему сыну Михаилу или оставил его за собой, не известно. Как бы то ни было, около третьей четверти XIII столетия Михаил был уже витебским князем.

Долго ли княжил Михаил в Витебске, установить невозможно из-за отсутствия сведений, но в 80-х годах XIII века Витебск находился в зависимости от смоленского князя Федора, который управлял им через своих наместников. Из грамоты рижского архиепископа видно, что подчинение Литве и сопровождавшие его смуты не уничтожили в Витебске вечевого начала, хотя витебляне пользовались значительно меньшей самостоятельностью, чем в предыдущий период. Так, они вели свои дела не прямо с Ригой, а через наместника смоленского князя, что указывает на стеснение их свободы.

В начале XIV столетия мы видим снова отдельного князя в Витебске, Ярослава Васильевича, происходившего, видимо, из рода смоленских князей. Это был последний русский князь в Витебске. В 1318 году он выдал свою единственную дочь Марию за Ольгерда Гедиминовича, а в 1320 году скончался, не оставив после себя мужского потомства, и Витебск перешел к его зятю. При Ольгерде Витебское княжество достигло значительного могущества, так как он владел еще и Кревским княжеством.

Некоторое время удельная система в Витебске еще продолжала существовать, пока наконец в 1393 году великий князь Литовский Витовт не посадил в нем своих наместников.

В правление Гедимины (1316–1341 годы) литовское влияние распространилось и на другие города некогда обширной Полоцкой земли, в частности на Минск, князь которого Василий фигурирует в составе литовского посольства 1326 года в Новгород.

В 1345 году великий князь Литовский Ольгерд и его брат Кейстут передали Изяславское княжество во владение своему единокровному брату Евнутию, свергнутому ими с великокняжеского престола. Следовательно, в первой половине XIV века город Изяславль считался собственностью великих князей Литовских.

Во время правления Гедимина полоцкие князья несколько отличались по своему положению от прежних удельных князей и скорее исполняли обязанности княжеских наместников, чем князей. Впрочем, во внутреннем управлении они пользовались полной самостоятельностью, что и отличало их в совокупности с титулом от обыкновенных княжеских наместников.

Довольно большим влиянием во внутренних делах Полоцка продолжало пользоваться вече. Без согласия свободолубивых полочан великий князь не мог даже назначить наместника. В начале 80-х годов XIV века Ягайло, не посчитавшись с религиозными чувствами и традициями полоцких жителей, назначил наместником в Полоцк своего брата Скиргайлу, отказавшегося принять крещение. Этот шаг великого князя оскорбил полочан, и рассвирепевшая толпа посадила Скиргайлу на лошадь задом наперед и под улюлюканье и свист погнала по улицам за городскую стену. Через несколько лет Скиргайло вновь явился в Полоцк в качестве наместника, но теперь уже, чтобы войти в доверие к полочанам, он крестился, приняв православие и взяв себе имя Иван.

Таким образом, в первой половине XIV века огромное Полоцкое княжество вошло в состав Великого княжества Литовского.

Литовское господство отнюдь не сдерживало культурного, экономического развития Полоцкой земли. «Ведя торговлю сухим путем и водою, — писал полоцкий краевед А. Морель, — Полоцк развивался, богател, ширился и считался важнейшим городом Русско-Литовского государства настолько, что к XVI веку, по словам иностранцев, народонаселением (более 100 000), числом монастырей (15) и церквей (10) перешеголял даже свою столицу Вильну».

3. Включение Берестейской земли в состав Великого княжества Литовского

Первое летописное упоминание Берестья в 1119 году связано с трагическим завершением длительной борьбы за киевский великокняжеский престол между сыновьями Владимира Святославича Святополком, князем Туровским, и Ярославом, князем Новгородским.

С началом периода феодальной раздробленности Берестье оказывается под властью галицко-волынских князей. После гибели в 1204 году в Польше галицко-волынского князя Романа Мстиславича берестяне предпринимают попытку выделиться в самостоятельное княжество и просят помощи у польского короля Лешко. В начале XIII века более частыми становятся пограничные конфликты с поляками и ятвяжскими племенами. Вскоре на Берестейскую землю обратили свой взор и литовцы. В 1229 году жители Бреста с князем Владимиром Пинским перебили в своих землях отряд литовцев.

В 1274 году литовский князь Тройдень захватил Дорогичин, принадлежавший Берестейской земле, но само Берестье находилось в руках галицко-волынских князей до конца XIII века. Подтверждение тому есть в отрывочных сведениях исторических документов.

«В 1279 г. был сильный голод по всей земле Русской и Польской, и у Литвы и ятвягов. Послы ятвяжские приехали к князю Владимиру волынскому просить продовольствие. Он послал к ним жито из Бреста в лодках по Бугу».

Постоянную борьбу галицко-волынским князьям из-за Берестья приходилось вести и с поляками. В начале XIII века войска Конрада Мазовецкого захватили Побужье и Берестье. Однако под давлением горожан Конрад вынужден был передать город галицко-волынским князьям. В 1281 году поляки вошли в волынские владения у Бреста, взяли десять сел и пошли назад. Берестейская земля вновь стала составной частью Галицко-Волынского княжества, однако на этот раз ненадолго.

Стрыйковский относит завоевание Гедимином Берестья к 1319–1320 годам. В «Хронике Литовской и Жмудской» говорится, что в 1321 году Гедимин воевал Луцк, «а на зиму до Берестья ехал и зимовал в нем». Следовательно, Берестье уже прочно принадлежало Великому княжеству Литовскому. Позже Берестейскую землю получил в наследство сын Гедимины Кейстут, владевший к тому же Гродно, Троками и Жмудью.

Как было сказано выше, галицко-волынским князьям пришлось вести ожесточенную борьбу из-за Берестья с поляками, впоследствии эта борьба как бы перешла по наследству к литовцам после занятия ими Берестейской земли. Кровавый спор между литовцами и поляками завершился договором 1366 года между великим князем Литовским Кейстутом Гедиминовичем и польским королем Казимиром III. Согласно этому договору, «пограничные волости с польской стороны были следующие (начиная с севера): Ратно, Кошер, Турыйск, Владимир, Перемиль, Броды, Кременец. — С Луцкой: Ветлы, Любязь, Камень, Мельница, Луцк, Стожек, Шумск, Данилов, Межибожье» (М. Довнар-Запольский, «Из истории литовско-польской борьбы за Волынь»).

То есть согласно этому договору Польша признала за Литвой право на обладание Берестьем.

4. Присоединение Турово-Пинского княжества к Литовскому государству

Турово-Пинская земля составляла отдельный экономический и политический комплекс в бассейне Припяти. Она связывала торговыми путями Русь с территориями по среднем течении Вислы. По Припяти и Бугу в Мазовию и Польшу шли товары из Киева, а также со стран Востока. Сухопутные дороги соединяли города Турово-Пинской земли с Берестьем. От Пинска шла дорога в направлении Владимира, на Волынь.

Главными городами Турово-Пинского княжества были Туров на Припяти, Пинск на Пине, Клецк на Лани, Слуцк

на Случи. Самый крупный среди них Пинск, который обогнал в своем развитии древний Туров.

Раздробленная и ослабленная междоусобицами Турово-Пинская земля в XIII столетии попадает в сферу влияния то галицко-волынских, то литовских князей. Чтобы сохранить в некоторой степени независимость, турово-пинские князья вынуждены были проводить политику лавирования.

Со второй четверти XIII века участились литовские набеги на Турово-Пинское княжество. В 1246 году галицко-волынские князья Даниил и Василько разбили литовские дружины под Пинском. В следующем году литовцы опять потерпели поражение возле Пинска.

С середины XIII века пинские князья активно втягиваются в жизнь и политику Великого княжества Литовского. В 1253 году пинские князья были вынуждены участвовать в войне против Миндовга. Причем летописец отмечает, что симпатии пинских князей были на стороне Миндовга («имяхоу леств») и шли они «неволею на войну». И не случайно сын Миндовга Войшелк после убийства отца (1263 год) «бежа до Пинска» и там жил. Затем он, собрав войско, «поиде с Пиняны к Новоугороду».

Иногда дружественные отношения пинских князей с литовскими, сложившиеся при Войшелке, сменялись враждебными. Есть известия об участии турово-пинских князей в походе с татарами в 1275 году на Литву. Тем не менее постепенно они окончательно попали в зависимость от литовских князей.

Включение Турово-Пинского княжества в состав Литовского государства произошло одновременно с Берестейской землей во время войны 1319–1320 годов Гедимины с галицко-волынскими князьями. М. Смирнов, в частности, пишет: «Гедимин в 1320 г. двинул на нее (землю Галицко-Волынско-го княжества) свои войска в отмщение за содействие, оказанное ее князем Ордену во время войны последнего с Литвою. Захватив Пинск и Берестье, литовский князь двинулся к Владимиру...» Первым литовским князем в Пинске с 1320 года стал Глеб (Наримунт) Гедиминович, получивший от отца «Пинско зо всеми околичностями над Припетю рекою, аж до Днепра».

В других городах Полесья некоторое время еще правили князья из династии Рюриковичей, но и они подчинились Литве.

Признав над собой власть Великого княжества Литовского, в то время уже сильного государства, Турово-Пинские земли, таким образом, ликвидировали свою зависимость от Золотой Орды.

В 20–30-е годы XIV века в состав Великого княжества Литовского вошло небольшое Слуцкое княжество. Правившая здесь династия Рюриковичей некоторое время сохранялась и при Гедиминовичах. Но с течением времени земли слуцких князей перешли в великокняжеское владение: последний слуцкий князь упоминается в 1387 году. Эту судьбу разделило рано или поздно большинство западнорусских княжеств.

Мирный характер завоевания

В первой половине XIV столетия в раздробленных землях бывшей Киевской Руси наметилась тенденция к централизации. В восточнорусских княжествах собирание уделов взяли в свои руки московские князья. В западнорусских же землях инициативу перехватило раннефеодальное Литовское государство.

Впрочем, М. Ермолович считает, что все было наоборот: процесс образования Великого княжества Литовского начался с завоевания Новгородком летописной Литвы. Чтобы опровергнуть устоявшиеся веками исторические факты, он использует малейшие зацепки, незначительные разночтения в летописях. Слишком большое значение М. Ермолович придает топонимике, вплоть до того, что выводит из названий населенных пунктов свои гипотезы, опровергающие и данные летописей, и исследования многих поколений историков. Не беда, если выводы автора «Старажытнай Беларусі» вступают в противоречие с фактическим материалом, — это объясняется ошибкой летописца или фальсификацией источника еще в древности.

Надо отметить, М. Ермолович немало преуспел, выставляя разрозненные западнорусские («белорусские») княжества

в качестве покорителя Литвы. У него появилось много последователей, стремящихся такой ценой поднять исторический престиж своей земли. Один из них, В. Орлов, безапелляционно пишет: «Сколько слов про “захват Беларуси литовскими феодалами”. Летописи неопровержимо свидетельствуют, что почти все земли предков объединились в новом государстве мирным путем, потому что имели в этом большую заинтересованность: никому не хотелось попасть ни под татар, ни под крестоносцев. А вот некоторые балтские земли наши прапрапрадеды вынуждены были действительно присоединять силой оружия. Таким образом, завоеватели были как раз “завоеваны”».

Скудность источников не позволяет детально восстановить картину образования Великого княжества Литовского. Однако попытаемся выяснить: что представляли собой земли, на территории которых возникло огромное государство. Вспомним прежде всего о том, что западнорусские, южнорусские княжества и восточные их соседи являлись некогда единым государством — Киевской Русью. Следовательно, в XIII веке они должны стоять на примерно одинаковой стадии развития.

В первой половине XIII века восточные и южные земли Руси, раздробленные на множество княжеств, стали добычей монголо-татар. Западнорусские земли монгольское нашествие миновало, но и они страдали от междоусобиц собственных князей, набегов литовцев, татар, поляков, походов крестоносцев и галицко-волинских князей. Могли ли западнорусские земли, находясь в состоянии глубокой феодальной раздробленности, помышлять о покорении литовцев?

В то время как русские земли распались на уделы, их соседи-литовцы вступили в эпоху раннего феодализма. Практически для любого государства вступление в пору феодальной юности сопровождалось широкими завоевательными походами. Причем жертвами молодых хищников часто становились государства, стоявшие на порядок выше в хозяйственном и культурном развитии. Вспомним огромную Франкскую империю, возникшую на развалинах некогда могущественного Рима.

Ближние соседи литовцев — викинги — покорили Англию, Северную Францию, основали свое Сицилийское королевство в Южной Италии, подвергали систематическому грабежу побережье Испании и Южной Франции. Киевская Русь при первых своих князьях выросла в огромное государство. И конечно, наиболее яркий пример силы, могущества и агрессивности раннефеодального государства — маленькая Монголия. Объединенная жестоким и мудрым Чингисханом, она заставила дрожать от страха едва ли не все народы Европы и Азии.

Вполне естественно, что литовское раннефеодальное государство явилось силой, объединившей Западную и Южную Русь в Великое княжество Литовское. В то же время противоестественно выглядит версия М. Ермоловича о завоевании Литвы Новгородком (Новогрудком), который не играл существенной роли в политической жизни средневековых русских княжеств и почти не упоминается в исторических документах.

Дробление на уделы, бесконечные войны из-за соседней деревушки или городка привели к тому, что западнорусские земли оказались на краю гибели. Кто-то с иронией говорит: белорусским княжествам надоело быть свободными и они дали завоевать себя литовцам... Но многие из них к приходу литовцев уже утратили свободу. В Полоцке — главном городе западнорусских земель — гордые тевтоны возводили устремленные в небеса готические храмы.

В XIII веке русский Запад лежал на наковальне, оставалось лишь дожидаться удара молота — и к этому молоту тянулись руки многих. Почему бы тогда не подружиться с ближайшим молотобойцем и вместо того, чтобы обреченно ожидать ударов, встать с наковальни, присоединиться с сильнейшему и разметать прочих недругов? Врагов было предостаточно — они кольцом смыкались вокруг разобщенных западнорусских земель.

Признать власть «лучшего» из врагов или погибнуть — стояла такая дилемма, и других вариантов не имелось. Литовские князья поняли суть человека, имеющего малую власть: он готов на все, лишь бы не лишиться своей вотчины. И ее великодушно оставляли... иногда до поры до времени, ино-

гда она переходила к детям и внукам князька, признавшего вассальную зависимость от литовского господара.

Пути и средства включения в Великое княжество Литовское земель Западной Руси были различны: дипломатические договоры, брачные связи, захват. Но следует особо отметить, что если и велись войны, то не с западными землями, а с другими государствами, пытавшимися подчинить их своей власти: Галицко-Волынским княжеством, Польшей, Орденом и другими.

Из этого можно сделать вывод, что западнорусские княжества были заинтересованы в объединении под патронажем литовских князей. Причем условия подчинения удовлетворяли практически все сословия. В сильной центральной власти были заинтересованы феодалы, ибо она могла защитить от более могущественных соседей и помогала держать в повиновении собственных подданных. В сильной власти нуждались горожане и крестьяне, мирный труд которых часто прерывался набегами чужеземцев. Образование обширного единого государства приветствовалось купеческим сословием. Стирание границ и относительная безопасность передвижения способствовали процветанию торговли и как результат — росту городов.

В союзе с русскими княжествами была заинтересована и Литва. У нее в Прибалтике появился сильный и опасный враг — крестоносцы. Между 1231 и 1283 годом ими была покорена Пруссия, причем не просто завоевана — прусский народ перестал существовать как этнос. Чтобы не разделить печальную участь соседей и успешно противостоять отлаженной машине Тевтонского ордена, литовцам нужны были союзники. Неоценимую помощь в борьбе с надвигающейся смертельной опасностью могли оказать богатые людскими ресурсами и высокоразвитые в хозяйственном отношении русские земли.

«Важным фактором синтеза литовского раннефеодального государства с западнорусскими княжествами было, видимо, совпадение их политических интересов», — справедливо заметил И. Б. Греков.

Как говорилось выше, литовцы фактически не встретили сопротивления со стороны западнорусских княжеств в процессе образования Великого княжества Литовского. Не последнюю роль в бескровном объединении сыграла мудрая, дальновидная политика литовских князей. Если Тевтонский орден присоединил Пруссию, целиком истребив пруссов как народность, а централизаторская политика Московского княжества сопровождалась перераспределением собственности, то Литва удовлетворилась вассальной формой зависимости. Поэтому общественная жизнь в этих землях продолжалась, сохраняя прямую преемственность от Киевской Руси.

«Народ тем более приобретал доверие к литовским князьям, — писал И. Беляев, — что при выступлении их на поприще исторической деятельности, в сущности, ничего не изменялось в Полоцкой и Литовской земле, — земля сия по-прежнему оставалась Русскою землею, переменилась только династия князей. Литовские князья даже не вели каких-либо общих войн с потомками Изяслава, не истребляли их, а жили вместе и даже роднились с ними, пока потомки Изяслава не перевелись сами собою; конечно, и здесь, как и везде при перемене династии, не обходилось без частых обид и притеснений того или другого князя из Изяславичей, но это не нарушало общего положения страны. В Полоцкой или Литовской земле все оставалось по-прежнему; по-прежнему господствующим языком был русский, а не литовский; по-прежнему в разных полоцких уделах, уже называвшихся Литовскою землею, сидели оставшиеся еще потомки Изяслава...» («История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии»).

Соглашение с литовскими князьями полоцкого, а позднее волынского и смоленского боярства носило традиционную форму «ряда», гарантировавшего сохранение «старины».

Особое государственно-правовое положение в Великом княжестве Литовском занимали полоцкая и витебская земли. Хотя здесь в 90-х годах XIV века были ликвидированы княжения и поставлены наместники, земли эти пользовались большими политическими правами, а их купцы находились под защитой государства далеко за пределами Великого княжества Литовского. Льготы и привилегии были закреплены за-

конами в виде уставных грамот, которые определяли взаимоотношения между центральной властью и этими землями. Великие князья гарантировали территориальную целостность земель и неприкосновенность частных владений, обязывались назначать наместников с согласия полоцких и витебских бояр и мещан. Наместники должны были присягать жителям Полоцка и Витебска.

Столь лояльное отношение к Витебску и Полоцку со стороны литовского правительства было вызвано многими причинами: это и огромная территория, занимаемая княжествами; и их ведущая роль среди остальных западнорусских княжеств; и их пограничное положение. В случае недовольства полочанам и витеблянам было к кому обратиться за помощью, было куда и бежать (например, полоцкий князь Андрей Ольгердович и брянский князь Дмитрий Ольгердович впоследствии занимали видное положение при дворе Дмитрия Донского).

В Западной Руси литовские территориальные князья и наместники сидели в окружении местного боярства, оно, а не литовское боярство значится во всех договорных документах той поры рядом с литовскими князьями западнорусских земель. Западнорусские феодалы принимали активное участие в политической жизни Великого княжества Литовского. Русский язык вошел в делопроизводство Великого княжества, его жизнь регулировалась русским правом. Многие великие князья Литовские приняли православие, которое также пользовалось покровительством государства.

Взаимоотношения Литвы с Новгородом и Псковом

Слияние западнорусских княжеств под властью литовских князей было лишь началом Великого княжества Литовского. Далее пошло наступление на юг, восток и север. Впрочем, жители ряда русских княжеств благосклонно воспринимали стремление литовских князей соединить их разрозненные земли, непрерывно враждующие между собой

и с трудом отбивающиеся от внешних агрессоров: монголов, крестоносцев, поляков, шведов...

В стремительно расширяющемся Литовском государстве виделась сила, способная спасти от текущих бед и обещающая благополучное существование в будущем. Перед глазами был пример западнорусских княжеств, для которых последствия объединения имели положительный характер.

Отношения Литвы с новгородской и псковской землями складывались по уже описанному сценарию. Обе стороны принесли немало зла друг другу, прежде чем поняли, что им выгоднее дружить, что у них общие интересы и враги.

В 1236 году магистр Ливонского ордена Волквин совершил поход на литовцев. Закончился он более чем неудачно: литовцы окружили войско крестоносцев и перебили их во главе с магистром. На стороне немцев сражался отряд псковичей в 200 человек: им тоже досталось немало — домой вернулось около двадцати человек из всех участвовавших в походе. В летописях упоминается о литовских набегах на владения Новгорода и Пскова в 1229, 1234, 1245 годах. Речь идет о немногочисленных отрядах, грабивших на свой страх и риск и часто получавших достойный отпор. А тем временем у обоих народов появился и окреп сильный, коварный и беспощадный противник. Опасность пришла издалека...

С. М. Соловьев описывает образ существования тевтонских рыцарей, призванных для борьбы с пруссами мазовецким князем Конрадом:

«В 1192 году во время последних попыток христиан удержаться в Палестине Тевтонский орден рыцарей Богородицы получил окончательное утверждение. Новые рыцари носили черную тунику и белый плащ с черным крестом на левом плече; кроме обыкновенных монашеских обетов, они обязывались ходить за больными и биться с врагами веры; только немец и член старого дворянского рода имел право на вступление в орден.

Устав его был строгий: рыцари жили вместе, спали на твердых ложах, ели скудную пищу за общею трапезой, не могли без позволения начальников выходить из дому, писать и получать письма; не смели ничего держать под замком, чтобы не иметь и мысли об отдельной собственности, не

смели разговаривать с женщиной. Каждого вновь вступающего брата встречали суровыми словами: “Жестоко ошибаешься, если думаешь жить у нас спокойно и весело; наш устав — когда хочешь есть, то должен поститься, когда хочешь поститься, тогда должен есть; когда хочешь идти спать, должен бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, должен идти спать. Для Ордена ты должен отречься от отца, от матери, от брата и сестры, и в награду за это Орден даст тебе хлеб, воду да рубище”.

К этому-то ордену обратился Конрад мазовецкий с просьбой о помощи против пруссов. Тевтонские рыцари были славны своими подвигами в Палестине, богаты недвижимым имуществом, которое приобрели в дар от государей в разных странах Европы; но они хорошо видели, что им нельзя долго держаться в Палестине, и потому не могли не согласиться на предложение Конрада. Оно обещало им новое поприще, новое средство продлить существование Ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы с врагами креста Христова. В 1225 году послы Конрада предложили магистру Ордена Герману фон Зальца землю Хельмскую, или Кульмскую, с обязанностью защитить польские владения от язычников; в 1226 году император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмскою землею и всеми странами, которые он отнимет вперед у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей; в 1228 году явился в новых владениях Ордена первый областной магистр Пруссии, Герман Балк, с сильным отрядом рыцарей; в 1230 году последовало окончательное утверждение условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новой почве».

Тевтонские рыцари справились со своей миссией: в течение 52 лет они полностью завоевали Пруссию, усеяли ее территорию непреступными замками, дав понять соседям, что на эту землю они пришли навсегда. Исполненные обязательства не позволили крестоносцам почивать на лаврах, — наоборот, только возбудили их аппетит. Они упорно шли вперед, не слишком разбираясь, кто им противостоит: язычник или христианин. Одновременно литва и русские земли подверглись атаке со стороны Ливонского ордена.

В 1253 году немцы явились ко Пскову, сожгли посад, но с помощью новгородцев псковичи отбили от врагов. Также в 1253 году совершили поход в новгородские земли литовцы, но были разбиты; в 1258 году Литва воевала под Смоленском, затем в окрестностях Торжка.

Но в 1262 году отношения Новгорода и Пскова с литовцами в корне меняются, и эта новизна отмечена С. М. Соловьевым:

«В 1262 году собрались князья идти к старой отчине своей, к Юрьеву ливонскому. Этот поход замечателен тем, что здесь в первый раз видим русских князей в союзе с литовскими для наступательного движения против немцев. Русские князья — брат Невского Ярослав и сын Дмитрий с Миндовгом литовским, Тройнатом жмудским и Тевтивилом полоцким уговорились ударить вместе на Орден».

Примерно в это же время в Пскове появляется литовский князь Довмонт вместе с дружиной, женами дружинников и детьми (согласно летописи, 300 человек). Он крестился по православному обряду и был принят на стол псковичами. С. М. Соловьев вновь отмечает неординарность события:

«...Здесь в первый раз видим то явление, что русский город призывает к себе в князья литвина вместо Рюриковича; явление любопытное, потому что оно объясняет нам тогдашние понятия и отношения, объясняет древнее призвание самого Рюрика, объясняет ту легкость, с какою и другие западные русские города в это время и после подчинялись династии князей литовских. Псковичи не ошиблись в выборе: Довмонт своими доблестями, своей ревностью по новой вере в новом отечестве напомнил Руси лучших князей ее из рода Рюрикова — Мстиславов, Александра Невского».

Еще один интересный факт: выбор псковичей не понравился новгородскому князю Ярославу, но, когда он стал собирать дружину, чтобы свергнуть Довмонта, новгородцы оказались идти в поход. Впоследствии новгородские дружины с успехом сражались с крестоносцами под началом Довмонта.

После смерти Довмонта псковичи приглашали русских князей, но, не получая от них реальной помощи, были вынуждены опять ориентироваться на Литву. В 1322 году крестоносцы, нарушив мирное соглашение, перебили псков-

ских купцов и рыбаков, а затем опустошили некоторые земли, принадлежавшие Пскову. На помощь пришел литовский князь Давыд; вместе с его войском псковичи отомстили немцам, разграбив их земли до самого Ревеля.

В следующем году сильное войско крестоносцев вновь подошло к Пскову. Восемнадцать дней немцы пытались ворваться в город с помощью штурмовых машин. Горожане защищались из последних сил и непрерывно слали просьбы о помощи в соседний Новгород и к другим русским князьям. Откликнулся только литовский князь Давыд; вместе с его дружиной псковичи вынудили крестоносцев с позором бежать от города, бросив осадные машины.

В Литве обретали приют русские князья, не находившие его в своих землях. В 1327 году тверской князь Александр возглавил мятеж против золотоордынского посла Щелкана. Всех татар, бывших в то время в Твери, перебили. Опасаясь мести, Александр пытался найти убежище в Новгороде, но даже этот город, менее всего зависевший от Золотой Орды, ему отказал. Беглеца принял Псков. Тогда московский князь Иван Калита уговорил митрополита отлучить от церкви Александра и весь Псков, если его жители не выдадут князя Орде. Но псковичи позволили Александру беспрепятственно выехать в Литву, где он прожил полтора года.

Чуть позже в Литве найдет убежище и помощь для борьбы с Москвой тверской князь Михаил.

Согласно новгородской летописи, в 1333 году сын великого князя Гедимины Наримант-Глеб обратился к Новгороду с просьбой позволить ему поклониться Святой Софии. Просьба польстила новгородцам. Сын великого князя Литовского принят был с великой честью; Наримант целовал крест на верность Новгороду и получил в управление Ладугу, Орешек, Корельский городок и Корельскую землю, а также половину Копорья.

В 1342 году Псков снова шлет гонцов к литовскому князю Ольгерду с просьбой помочь отбиться от немцев: «Братья наши, новгородцы, нас покинули, не помогают нам; помоги нам ты, господин!» Ольгерд послал в помощь своего воеводу Юрия Витовтовича с дружиной, благодаря которому устоял Изборск.

Псковичам очень хотелось заполучить в князя Ольгерда, но тот отказался, посчитав псковский удел слишком малой для себя честью (в то время Ольгерд правил Витебском, а через несколько лет он получил литовский великокняжеский трон). Вместо себя Ольгерд согласился прислать псковичам старшего сына Андрея. А воевода Юрий Витовтович так и остался в Пскове. Он погиб в 1349 году, защищая псковскую землю от крестоносцев: «была тогда во Пскове скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его в церкви св. Троицы».

Таким образом, Псков оказался теснее привязан к Великому княжеству Литовскому, чем к своему соседу Новгороду и прочим русским княжествам.

Впрочем, Новгород тоже с удовольствием принимал в качестве наместников литовских князей. В 1379 году здесь появился литовец Юрий Наримантович, а в 1383 году его брат Патрикий, которому жители северной русской республики отдали в кормление Орехов, Корельский город, половину Копорья и Лузское село.

Таким образом, Новгород и Псков прочно втянулись в литовскую орбиту, хотя присоединить их к Великому княжеству Литовскому не удалось. Большой успех ждал литовцев на юге и востоке.

Литовская попытка объединить все русские земли

В южнорусских землях мы наблюдаем тот же процесс, что и на севере. Русско-литовские отношения прошли все этапы: от вражды до дружбы и в конечном итоге — до соединения в одно государство.

Древний Киев влачил жалкое существование. С. М. Соловьев описал положение когда-то самых богатых и процветающих русских областей в середине XIII века:

«Плано Карпини, проехавший через древнюю собственную Русь (Киевскую область) в 1245 году, говорит, что он во все продолжение пути находился в беспрестанном страхе пе-

ред литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднепровье благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита, или взята в плен татарами; Киев после Батыева опустошения сделался ничтожным городком, в котором едва насчитывалось домов с двести, жители находились в страшном рабстве; по окрестностям путешественники находили бесчисленное множество черепов и костей человеческих, разбросанных по полям. Таким образом, Русь находилась между двумя страшными врагами, татарами с востока и Литвою с запада, которые не замедлят вступить в борьбу за нее».

В 1320 году великий князь Литовский Гедимин появился с сильным войском на землях Галицко-Волынского княжества. Примечательно то, что в войске литовцы составляли лишь малую часть, в основном оно состояло из жителей Полоцка, Новгорода, Гродна.

Судьба южнорусских земель с этого момента оказалась решенной. По одним сведениям, Владимир-Волынский пал после ожесточенного сопротивления. По другим известиям, Луцк и вся Волынская земля попали под литовскую власть путем династического брака: сын Гедимины Любарт женился на дочери местного князя — сыновей последний русский властитель Волыни не имел. Впрочем, и от предложенного брака русский князь не смог бы отказаться, когда у его границ стояло сильнейшее литовское войско.

«На следующий, 1321 год, — описывает дальнейшие события С. М. Соловьев, — Гедимин двинулся к Киеву, которым владел какой-то князь Станислав; на помощь к нему пришел Олег переяславский, Святослав и Василий, князья брянские, и вместе с ними бежавший из Волыни князь Лев. Над рекою Ирпенем сошлись неприятели — и Гедимин победил; князья Олег и Лев были убиты, Станислав убежал в Брянск с тамошними князьями; Белгород сдался победителю, но Киев выдержал двухмесячную осаду; наконец, граждане, не видя ниоткуда помощи, собрались на вече и решили поддаться литовскому князю, который с триумфом въехал в Золотые ворота. Другие города русские последовали примеру Киева; Гедимин оставил везде старый порядок, только посажал своих наместников и гарнизоны по го-

родам. Наместником в Киеве был назначен Миндовг, князь гольшанский».

Автор «Хроники Быховца» отмечает, что киевляне отнюдь не собирались бороться с Гедимином до последней капли крови:

«И услышав то, что государь их князь Святослав убежал от Гедимины, и что войско государя их все побито, и им в помощь никакой силы князь их не оставил, и они, сговорившись единодушно, предались великому князю Гедимину. И вышли из города с крестами игумены, попы и дьяконы, и открыли ворота городские и встретили великого князя Гедимины с честью, и ударили ему челом, и начали служить ему и на том присягнули великому князю, и били челом, чтобы у них отчин не отнимал». Ситуация напоминает встречу Тохтамыша московскими лучшими людьми — тогда головы начали падать без разбора под кривыми татарскими саблями. Теперь... «И князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в город Киев».

В то время как литовские князья собирали русские земли на западе и юге, аналогичный процесс шел на востоке — там его возглавила Москва. Обе половинки, обрастая территориями, неминуемо приближались друг к другу. Однако соединиться единокровные народы не могли: ни Москва, ни Вильно не желали поступиться властью. Даже в мыслях невозможно представить, чтобы литовские князья передали свои полномочия московским либо наоборот — хотя для русского народа это был бы идеальный вариант. Два русских государства были обречены на столкновение.

В 1339 году умер Гедимин. После дворцового переворота власть в Литве перешла в руки энергичного сына Гедимины — Ольгерда. По характеристике летописца, он был умен, говорил на разных языках, не любил забав и занимался делами государственными день и ночь, был воздержан, вина, пива, меду и никакого хмельного напитка не пил и от этого приобрел великий разум и смысл, коварством многие земли завоевал и увеличил свое княжество.

Еще в 1341 году Ольгерд появился под Можайском, разграбил окрестности, сжег посад и ушел. То был своеобразный вызов Москве.

Чтобы разбить своего главного врага — Московское княжество, — Ольгерд не гнушался никакими средствами. В 1349 году он послал своего брата Кориада в Золотую Орду с предложением о совместном нападении на Москву. Хан Джанибек раскусил коварство литовского князя: разгромленное Московское княжество становилось легкой добычей литовских князей и Орда потеряла бы ту огромную дань, которую тогда еще регулярно платила русская земля. Дальновидный Джанибек отдал Кориада тому, против кого замышлялся поход, — московскому князю Симеону.

Ольгерду после этого ничего не оставалось, как слать посольство с дарами и челобитьем к Симеону. Литовский князь без лишних эмоций оценил обстановку и пришел к выводу, что дружба с московским князем в сложившихся обстоятельствах выгоднее, чем война. Два брата, Ольгерд и Любарт, женатые и прежде на русских княжнах и овдовевшие, прислали сватов к Симеону просить за себя двух его родственниц. Любарт — племянницу, княжну ростовскую, а Ольгерд — свояченицу, княжну тверскую.

Но союз Москвы с Литвою, даже скрепленный двумя браками одновременно, не мог быть прочным. То была лишь временная вынужденная уступка Ольгерда. Ибо он, стремясь к распространению своей власти на Северо-Восточную Русь, понимал, что достичь цели можно только после разгрома Московского княжества...

В 1356 году Ольгерд овладел Ржевом, продолжив войну в смоленских и брянских землях. Интересно, что едва Ольгерд появился вблизи Брянска, как, по словам летописца, здесь вспыхнул мятеж от лихих людей, смута была великая и опустение города, после чего Брянск перешел во владение Великого княжества Литовского.

С конца 60-х годов XIV века началась длительная борьба между великим князем Московским и тверским князем Михаилом Александровичем. Эту вражду, как и недовольство других князей объединительной политикой Дмитрия Ивановича московского, умело использовал Ольгерд. В 1368 году тверской князь обратился к нему за помощью, и Ольгерд не упустил возможности вмешаться в распри соседей. С большой ратью он неожиданно вторгся в пределы русских кня-

жесть, разбил князя Семена Дмитриевича стародубского, потом в Оболенске убил князя Константина Юрьевича; наконец, 21 ноября на реке Тросне разбил московский сторожевой полк и беспрепятственно подошел к Москве.

Три дня стоял Ольгерд под новым Московским Кремлем, но взять его не смог. Отступая, литовцы разорили окрестности Москвы, забрали в плен бесчисленное множество народа и весь скот, который нашли в окрестных селах. Несмотря на то что литовцам так и не удалось взять Москву, урон был нанесен ощутимый. Впервые за сорок лет, то есть начиная от первого года княжения Ивана Калиты, Московское княжество испытало неприятельское нашествие.

В 1370 году Ольгерд предпринял новый поход — и опять по просьбе князя Михаила Александровича тверского. Зимой, в Рождественский пост, Ольгерд двинулся на Москву с братом Кейстутом, Михаилом тверским и Святославом смоленским. Разорив посад у Волока-Ламского, они 6 декабря осадили Москву. Однако боязнь перед собиравшейся в Перемышле московской ратью заставила Ольгерда снять безуспешную осаду Кремля и уйти в свое княжество.

В 1372 году вечно обиженный и неугомонный Михаил тверской вновь обратился за помощью к литовцам. Последнее, как обычно, с удовольствием откликнулись на зов: на помощь князю Михаилу пришли брат Ольгерда — Кейстут с сыном Витовтом, сын Ольгерда — Андрей полоцкий, а также Дмитрий друцкий.

Единоплеменники и единоверцы сражались с небывалой жестокостью, один из ярких эпизодов — война между тверским и новгородским войском за город Торжок. В открытой битве новгородцы потерпели сокрушительное поражение: часть их бежала в сторону Новгорода, другие укрылись в Торжке. С. М. Соловьев, на основании сведений летописей, приводит следующий эпизод:

«...Тверичи скоро зажгли посад, сильный ветер потянул на город, и пошел огонь по всему городу; несчастные новгородцы побросались оттуда с женами и детьми прямо в руки врагам, иные сгорели, другие задохнулись в церкви св. Спаса или перетонули в реке; добрые женщины и девицы, видя себя раздетыми донага, от стыда сами бросались в реку, тверичи

чи донага обдирали всех, даже чернецов и черниц, иконных окладов и всякого серебра много побрали, чего и поганые не делают, заключает летописец: кто из оставшихся в живых не поплачет, видя, сколько людей приняло горькую смерть, святые церкви пожжены, город весь пуст; и от поганых никогда не бывало такого зла; убитых, погорелых, утопших наметали пять скудельниц, а иные сгорели без остатка, другие потонули и без вести поплыли вниз по Тверце».

Расправившись с Торжком, тверской князь поспешил на соединение с Ольгердом. Тот в очередной раз готовился помериться силами с традиционным соперником. Третий поход на Москву оказался менее удачным, чем предыдущие два. На этот раз Дмитрий московский встретил Ольгерда у Любутска и разбил сторожевой литовский полк.

Оба войска долгое время стояли здесь же, под Любутском, не решаясь испытать судьбу в генеральном сражении. В результате враждующие стороны решили заключить мирный договор, причем его подписывал на стороне Ольгерда князь Святослав смоленский — давний союзник Литвы.

В 1395 году великий князь Литовский Витовт овладевает Смоленском. Литовской победе способствовала распря между смоленским князем Юрием Святославичем и его братьями из-за уделов. В 1401 году Юрию с помощью недовольных литовским владычеством жителей Смоленска удалось вернуть свою вотчину.

Князь Витовт отличался фантастическим упорством, и он не собирался, несмотря на неудачу, отказываться от намеченной цели. В том же 1401 году он пытается вновь заполучить Смоленск, но неудачно. В 1404 году Витовт опять осаждает этот русский город, и снова безуспешно.

Зная упрямство литовского князя, Юрий Святославич отправился в Москву за подмогой. Но лучше бы ему полагаться на собственные силы — смоленские бояре, которые симпатизировали Витовту, воспользовавшись отсутствием собственного князя, сдали Смоленск литовцам.

Тевтонский орден, терзавший самое сердце Литвы, не давал возможности Ольгерду и его преемникам исполнить грандиозный план по захвату русских земель. Московским князьям

не позволяли собраться с силами Орда и сепаратистские настроения князей Северо-Восточной Руси. Так и существовали столетиями две половинки русской земли, периодически воюя друг с другом.

Чье же это государство?

В последние годы в некоторых исторических работах и средствах массовой информации настойчиво проводится мысль, что Великое княжество Литовское было белорусским государством. В связи с этим попытаемся выяснить, что стояло за термином «Белая Русь» во времена Великого княжества Литовского. Существенно облегчает нашу задачу картографический материал в работе Е. Е. Ширяева «Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах». Как отмечает автор, «помещенные в книге этнографические и лингвистические карты составлены преимущественно в странах, не граничащих с Белоруссией и поэтому не имеющих территориальных притязаний. Такие страны, как Голландия, Германия, Австрия, Англия, карты которых здесь представлены, являются странами с традиционно высокой картографической культурой. Их карты отличаются научной обоснованностью и математической точностью отображения информации».

На карте 3, датируемой 1539 годом, Белая Русь находится на севере Новгородской земли. На карте, датируемой 1540 годом, она находится уже южнее Московского княжества. Надпись на карте 5 (1575 год) гласит, что Москва относится к Белой Руси. На картах 6, 10, 14 этот термин появляется в разных местах на территории нынешней Беларуси. Таким образом, этот термин блуждающий и не является названием какой-либо конкретной территории.

Далее Е. Е. Ширяев пишет: «На карте 26... надпись “Белая Русь”... полностью размещается на территории современной этнической Белоруссии. Она охватывает восточную часть Великого княжества Литовского и западную часть Московского княжества».

Что же мы видим на этой карте? Надпись «Weiss» лежит между городами Рогачев и Смоленск, покрывая Могилев (то

есть самую восточную часть современной Беларуси), а относящееся к этому словосочетанию «Russland» на карте расположено на северо-запад от Смоленска, полностью на территории Московского княжества. Карта датирована 1572 годом, а тремя годами ранее была заключена Люблинская уния, провозгласившая образование Речи Посполитой — то есть Великое княжество Литовское и Польша объединились в одно государство. Таким образом, вряд ли правомерно называть Великое княжество Литовское белорусским государством, если даже ко времени Люблинской унии к Белой Руси отнесена только восточная часть (причем малая часть) собственно белорусских земель.

Эти несоответствия можно было бы списать на небрежность или неполноту знаний средневекового картографа, но обратимся к летописным источникам. Французский капитан Жак Маржерет в качестве наемника служил в Москве с 1600 года. Маржерет умело владел не только шпагой, но и пером; в начале XVII века вышла его книга «Состояние Российской империи и великого княжества Московии». Он относит Москву к Белой Руси, и даже больше — Белая Русь, по Маржерету, не имеет никакого отношения к Великому княжеству Литовскому:

«Нужно также знать, что есть две России, именно: та, что носит титул империи, которую поляки называют Белая Русь, и другая — Черная Русь, которой владеет Польское королевство и которая примыкает к Подолии. Господином этой Черной Руси называет себя польский король в своих титулах, когда говорит: великий князь литовский, русский, прусский и т. д.».

Что же касается языка, то утверждение, что белорусский язык являлся государственным языком Великого княжества Литовского, весьма сомнительно. Важнейший документ государства Статут Великого княжества Литовского 1588 года написан отнюдь не белорусским языком, как утверждают некоторые исследователи и журналисты. Даже не посвященному в лингвистические тонкости ясно, что текст документа представляет собой смесь польского и русского языков.

Впрочем, современные белорусские языковеды не оставили без внимания нашествие полонизмов в язык Велико-

го княжества Литовского. «Среди заимствований, характерных для старобелорусского литературно-письменного языка конца XV — начала XVI в., по количеству единиц первое место занимали слова польского происхождения. Причины такого перевеса польской лексики в памятниках письменности довольно выразительны. Они возникают из той исторической ситуации, которая сложилась на белорусской территории в процессе усиления контактов между Великим княжеством Литовским и Польшей, существования между ними прочной дипломатической переписки и все большего расширения на восток полонизации» (Чамярыцкі і інш., «Скарына і яго эпоха»).

Е. Е. Ширяев пишет: «Выдающимся памятником белорусского делового языка, общественно-политической и правовой мысли, которым пользовались на протяжении нескольких столетий белорусы и литовцы, был Статут Великого княжества Литовского». Однако чуть ниже, на этой же странице, он именует «белорусский деловой язык» уже «старобелорусским». С тем же успехом, и не без оснований, язык Статута можно было назвать староукраинским. В нем можно найти много слов, характерных для украинского языка. Однако повторяем, язык документа прежде всего является смесью русского и польского. Именно сближение Великого княжества Литовского с Польшей явилось толчком для возникновения белорусского языка. Вторым фактором, способствовавшим возникновению нового славянского языка, явилась оторванность западнорусских земель от восточно-русских.

Белорусский язык явился синтезом русского и польского, при участии в меньшей степени литовского, немецкого и некоторых других языков. Однако заметим, ко времени образования Великого княжества Литовского язык полочанина и витеблянина отличался от языка жителя Москвы не больше, чем речь псковича или новгородца от речи того же подданного Московского княжества.

Великое княжество Литовское было крупнейшим государственным объединением в Европе. В его состав, помимо земель нынешних Литвы и Беларуси, входили почти вся тер-

ритория современной Украины и ряд собственно русских земель. С таким же успехом княжество можно назвать и украинским государством, так как украинские земли во второй половине XIV—XV веке преобладали в пространственном отношении над белорусскими, литовскими и русскими.

Однако вопрос в многолетней дискуссии стоит так: белорусским или литовским было Великое княжество Литовское? Видимо, украинцы удовлетворены тем, что на их территории образовалась Киевская Русь. Да и следует ли вступать в полемику, у которой есть начало, но конца не видно? Вопрос, казалось бы, чисто исторический становится политическим, и это отнюдь не способствует росту взаимопонимания, добрососедства между белорусами, литовцами, поляками, украинцами, русскими.

Гигантское по европейским меркам государство нельзя отдать в наследие одному народу, как нельзя единолично объявить итальянцев единственными наследниками Римской империи. На необъятных просторах Великого княжества Литовского мирно жили литовцы и русские, татары и евреи, поляки и беженцы-пруссы. Их равенство закреплялось законодательными актами и всей политикой великих князей. В частности, в Статуте Великого княжества Литовского 1588 года в разделе первом, артикуле первом записано:

«Все жители Великого княжества Литовского этим одним правом писаным и от нас изданным должны быть судимы.

Прежде всего мы, государь, обещаем и обязуемся под той же присягою, которую учинили всем жителям всех земель государства нашего Великого княжества Литовского, что всех княжат, панов рад духовных и светских, панов хоруговных, шляхту, города и всех подданных наших, и всех сословий в этом государстве нашем Великом княжестве Литовском, и иных всех земель издавна тому государству принадлежащих, начиная от высшего чина и звания до низшего, этими правами и артикулами, в этом статуте ниже писаными и от нас данными, будем судить и действовать. Также чужеземцы и заграничники Великого княжества Литовского, приезжие и каким-либо обычаем прибывшие люди, тем же правом должны быть судимы и в тех в рядах, где кто провинится».

Религиозная политика Великого княжества Литовского нашла отражение в разделе третьем, артикуле третьем Статута, который гласит:

«О сохранении в мире всех подданных наших жителей этого государства со стороны разного понимания и употребления христианского богослужения.

А также привилеем и присягой нашей решено мир между разными религиями оберегать... А так как в Речи Посполитой существует немалая рознь в отношении веры христианской, предупреждая то, чтобы по этой причине между людьми столкновения какие-либо вредные не начались, которые в иных королевствах ясно видим, обещаем то себе совместно за нас и за потомков наших на вечные времена под обязанностью присяги, под верою, честью и совестью нашей, что мы, которые являемся разными в вере, мир между собой сохранять, а в связи с разностью веры и отличия в церквах крови не проливать и не наказывать отчуждением имущества, лишением чести, тюремным заключением и изгнанием, и ни какому верховенству, ни вряду, к таковому поступку никаким способом не помогать, и наоборот, где бы ее кто проливать хотел по той причине, будем защищаться, о том все будем обязаны хотя бы также под страхом осуждения либо за каким судебным действием кто бы то хотел учинить».

Хорошие привычки западной соседки пыталась перенять и Московская Русь, но получалось у нее гораздо хуже. Сохранилось любопытное свидетельство француза Жака Маржерета: «Император (царь) дарует каждому свободу совести при отправлении обрядов и верований, за исключением римских католиков». Это исключение постоянно расширялось и множилось, как следует из дальнейшего текста: «Они не допускают у себя ни одного еврея с тех пор, как Иван Васильевич, прозванный Грозным, приказал собрать всех их, сколько было в стране, и, связав им руки и ноги, привести на мост, велел им отречься от своей веры и заставил сказать, что они хотят окреститься и веровать в Бога Отца, Сына и Святого Духа, и в тот же момент приказал всех их побросать в воду. Ливонцы, которые были взяты в плен тридцать восемь или сорок лет назад, когда упомянутый Иван Васильевич захва-

тил большую часть Ливонии и вывел всех жителей Дерпта и Нарвы в Московию, сказанные ливонцы, исповедующие лютеранскую веру, получив два храма внутри города Москвы, отправляли там публичную службу; но, в конце концов, из-за их гордости и тщеславия сказанные храмы по приказанию... Ивана Васильевича были разрушены и все их дома были разорены без внимания к возрасту и к полу».

Великое княжество Литовское избежало костров инквизиции, полыхавших в странах средневековой Европы, избежало Варфоломеевской ночи и межнациональных войн, столь характерных для государств с огромной территорией и этнически неоднородным населением.

«Все жители Великого княжества Литовского», «все подданные наши», «жители всех земель государства нашего» — такие обращения к населению Великого княжества Литовского характерны в Статуте. Население княжества разделено на сословия, но в этом поистине великом документе мы не найдем различий по национальному признаку. Нет здесь белорусов, русских, литовцев — все «подданные наши».

На белорусов и литовцев население Великого княжества Литовского начали делить в XX веке. Причем не просто делить, а выяснять, чей народ был главенствующим в государстве, переставшем существовать сотни лет назад. Не лучше ли взглянуть на Великое княжество Литовское глазами наших далеких предков, считавших огромное государство своим общим домом. Ведь как гласит знаменитый афоризм немецкого историка XIX века Леопольда фон Ранке: история — это лишь то, что «было на самом деле».

В 1772 году Пруссия, Россия и Австрия провели первый насильственный раздел Речи Посполитой. Часть владений Великого княжества Литовского оказалась под властью России. Русская императрица Екатерина II пожелала лично осмотреть свои новые владения. В книге В. Орлова приводится письмо императрицы к своему сыну Павлу, в котором она делится первыми впечатлениями: «Вчера приехала я из Острова в Опочку; а оттуда выехала сего утра и на 18-й версте въехала в Белоруссию; с самого Острова тянутся все холмы да холмики, между которыми множество озер, что очень

красиво; здесь население самое разнородное, сплошь да рядом обитают православные, католики, униаты, евреи, русские, чухонцы, немцы, курляндцы, словом, не увидишь двух крестьян одинаково одетых и говорящих правильно на одном наречии; смешение племен и наречий напоминает Вавилонское столпотворение».

Кревская уния

Как мы помним, Ольгерд долго и упорно, но неудачно пытался завоевать Московское княжество. Его сын — великий князь Ягайло — изменил тактику. Он хотел оформить союз с Москвой традиционным для Литвы способом. У Дмитрия Донского имелась дочь Софья, к ней и решил посвататься Ягайло. Но слишком много смысла вкладывали обе стороны в династический брак; естественно, каждый стремился извлечь из него максимальную пользу. Но также естественно, что желания у Вильно и Москвы были диаметрально противоположными. Брак Ягайлы и Софьи не мог удовлетворить аппетиты ни одной из сторон и потому не состоялся.

Тем временем блестящие перспективы открылись на Западе. В Польше появилась королева, которую подданные желали выгодно отдать замуж. Сложившаяся ситуация накануне судьбоносного брака окажется характерной для будущего польско-литовского государства; поэтому уделим немного внимания наиболее важным ее моментам...

Не имея детей, польский король Казимир, из династии Пястов, заблаговременно позаботился о наследнике. Выбор пал на венгерского короля Людовика, который приходился Казимиру племянником по сестре.

В 1355 году польские вельможи направили в Венгрию делегацию с перечнем требований, которые надлежало выполнить Людовику в случае избрания его королем польским. Будущего наследника Казимира вынудили дать обещания: вернуть Польше отторгнутые земли, не назначать на государственные должности иностранцев, не увеличивать податей и т. д. Обязательствами со стороны Людовика была

положена традиция выманивать уступки в пользу магнатов и шляхты у каждого претендента на польский трон. Сие правило в будущем превратило польских королей в простую игрушку в руках влиятельных семейств, и в конечном итоге прав у шляхты и магнатов станет так много, что это приведет к анархии в Речи Посполитой.

Казимир умер в 1370 году, и корона Польши перешла к Людовику. Новый король своими подданными почти не интересовался и большую часть времени пребывал в Венгрии. Однако это не помешало появиться у него желанию оставить польский престол за старшей дочерью, хотя одна из статей договора 1355 года запрещала занятие польского трона дочерью Людовика.

С неутомимой энергией венгерско-польский король принялся добиваться отмены злосчастной статьи. Людовик действовал золотом, обещаниями новых льгот и доходных мест, привлекая на свою сторону влиятельных польских вельмож. Получив согласие последних, Людовик хитроумным способом принялся склонять на свою сторону шляхту.

С давних пор в Польше существовала подать в пользу короля, именуемая кролевщицной. Первоначально ее размер составлял два гроша с лана земли. Однако во времена правления Владислава Локетка и Казимира она, постепенно возрастая, дошла до шести грошей. Чрезвычайное усиление налога вызвало всеобщее недовольство, и только авторитет Казимира, подкрепленный силой оружия, заставлял платить увеличенную подать. Но в годы правления Людовика поляки стали платить столь неаккуратно, что король не досчитался в своих сундуках изрядной суммы даже из расчета двухгрошовой подати.

Но вдруг, неожиданно для поляков, в 1374 году королевские сборщики налогов стали требовать шестигрошовую подать с лана. Такой поворот событий поверг в шок доблестных шляхтичей, большинство из которых не в состоянии были уплатить требуемую сумму. А кто мог — платить не хотел. Попугав своих подданных, Людовик, однако, через пару месяцев милостиво объявил, что готов довольствоваться двумя грошами — при условии, что поляки признают за его дочерью право на польскую корону.

Какая разница, кто будет управлять, лишь бы меньше платить — решила шляхта и, не долго думая, послала к королю депутацию. Договор был заключен в Кошицах, причем поляки не только отменили злосчастную статью первого договора, но и согласились признать польской королевой ту из дочерей Людовика, которую назначит сам король или его супруга.

Король незамедлительно воспользовался своим новым правом и выбрал наследницей старшую дочь Екатерину. Здесь же, в Кошицах, польская шляхта с редким для нее единодушием принесла наследнице присягу на верность.

Таким образом, на голове Екатерины должны были соединиться две короны — польская и венгерская. Однако юной принцессе не суждено было носить ни одной из них: помехой тому стала ее внезапная смерть.

Людовик, желая передать права безвременно почившей наследницы другой своей дочери Марии, снова созвал депутатов от польской шляхты и потребовал от них вторичной присяги, но неожиданно натолкнулся на противодействие своих подданных. Против его воли восстал Ян, архиепископ Гнезненский, который пользовался большим влиянием среди шляхты. Почтенный старец во всеуслышание заявил, что Людовик желает превратить Польшу в провинцию Венгрии, и призвал отклонить требования короля. Его поддержали представители Малой Польши. Депутаты Великой Польши под предводительством канцлера Завиши, во многом обязанного Людовику своим положением, выступили в поддержку требований короля. Депутация поляков разделилась на две партии, и не было видно конца их жарким спорам.

Тогда король, опираясь на великополян во главе с Завишей, принял решительные меры. Он приказал запереть городские ворота Кошиц и не выпускать ни одного шляхтича, пока депутация не придет к единому мнению — естественно, удобному Людовику. Это распоряжение возымело действие, и через три дня обе партии присягнули на верность Марии.

В 1380 году Мария вступила в брак с маркграфом бранденбургским Сигизмундом, и снова потребовалась корректировка договора короля с поляками. Людовик вновь созвал депутатов в Зволин, на этот раз венгерских и польских вместе, и потребовал от них присяги Сигизмунду как будущему

му королю Венгрии и Польши. Желание Людовика было исполнено и оставалось в силе вплоть до смерти его в 1382 году.

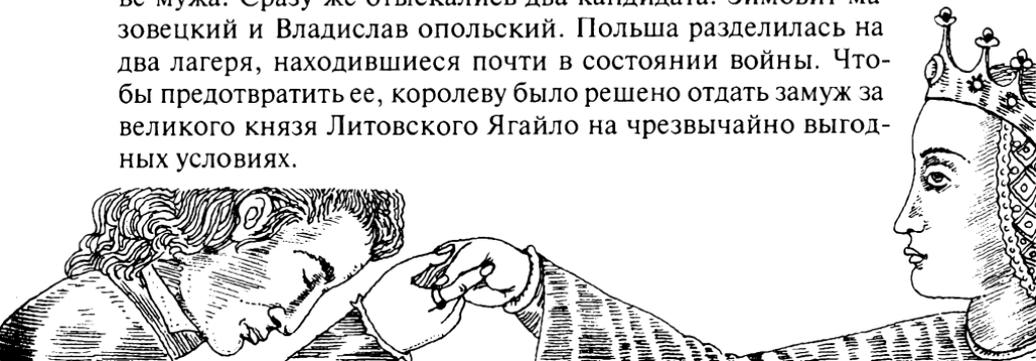
Приехавший в Польшу сразу же после смерти Людовика Сигизмунд был встречен поляками, мягко говоря, неблагоприятно. Они наотрез отказались признать его королем, несмотря на недавние клятвы. Марии, уже дважды признанной в правах на трон, они поставили ряд условий, среди которых выражалось желание, чтобы она постоянно жила в Польше.

Однако Мария слишком была привязана к Венгрии, в которой родилась и выросла, и не пожелала променять ее на Польшу. Упорство дочери Людовика породило междоусобицы и смуты, в разных местах начали появляться национальные кандидаты на трон. При всей вражде и разнообразии мнений поляки были едины в одном: Марию следует лишить престола.

На Серадзском сейме, состоявшемся в марте 1383 года, Мария была объявлена низложенной. С тех пор польский трон был окончательно потерян для нее и тем более для Сигизмунда. Все попытки Сигизмунда поправить дело были тщетны: ни военное вмешательство, ни попытка утвердиться в Польше в качестве губернатора не имели ни малейшего успеха.

И тем не менее поляки были далеки от мысли совсем отказаться от услуг представителей венгерской династии. На том же Серадзском сейме королевой Польши была избрана младшая дочь Людовика Ядвига — при условии, что она согласится постоянно проживать в Кракове. К Елизавете венгерской срочно отправилось именованное посольство, добившееся от венгерского двора признания решений сейма. Наконец-то поляки обрели королеву, избранную народом, а не навязанную угрозами и принуждением.

Впрочем, это событие не добавило покоя в стране. Добродушные поляки решили выбрать малолетней королеве мужа. Сразу же отыскивались два кандидата: Зимовит мазовецкий и Владислав опольский. Польша разделилась на два лагеря, находившиеся почти в состоянии войны. Чтобы предотвратить ее, королеву было решено отдать замуж за великого князя Литовского Ягайло на чрезвычайно выгодных условиях.

И тут развернулась любовная история, которую трудно отыскать и в сюжетах знаменитых романов. Оказывается, Ядвигу мало волновали польские кандидаты в мужа — у нее был любимый, с которым королева не имела намерений расставаться.

Будущая королева Польши воспитывалась при венгерском дворе вместе с эрцгерцогом австрийским Вильгельмом. С разлукой детская привязанность не угасла, как обычно бывает, но переросла в более глубокие чувства. И вот, в то время как польские вельможи ежедневно убеждают Ядвигу в том, что для страны жизненно необходим брак с Ягайло, распиывают королеве всю значимость для многих народов ее апостольского подвига... в Кракове появляется Вильгельм.

Заботливо охраняя честь королевы, польские магнаты запретили пускать юношу в Краковский замок. Запрет, как известно, только разжигает желание. Изобретательная не по летам Ядвига тайно встретила с Вильгельмом во францисканском монастыре, здесь же влюбленные обвенчались.

Подозревая, что добродушным полякам может не понравиться еще один претендент на трон, супружеская чета не рискнула войти в дверь королевского замка. Парадным входом воспользовалась только королева, а ее супруг был поднят в ивовой корзине в окно Краковского замка и на правах хозяина расположился в почивальне Ядвиги.

Однако воспользоваться правами супруга Вильгельм не успел.

Польские вельможи буквально вытащили новобрачного из спальни своей королевы, а затем предложили выкупить у него руку и сердце Ядвиги за 200 тысяч золотых флоринов. Австрийский эрцгерцог, видя решительные лица польских панов, без лишних возражений покинул Краков. Ядвига, как порядочная жена, хотела последовать за мужем, но была остановлена подданными.

Вышеуказанную сумму магнаты вовсе не собирались платить из собственного кармана или государственной казны; покрыть неустойку должен более удачливый и приемлемый кандидат в мужа.

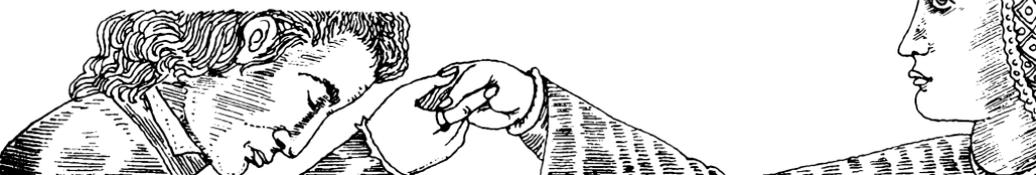
«Между тем Ягайло приближался к этому городу, — описывает бурно развивавшиеся дальнейшие события С. М. Со-

ловьев. — Вельможи и прелаты снова подступили к Ядвиге с просьбами не отказаться от брака с литовским князем и заслужить название просветительницы его народа; молодая королева, охлажденная несколько отсутствием Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно беспокоила молва, что Ягайло был варвар нравом и урод телом; чтоб утвердиться в справедливости этих слухов, она отправила к нему навстречу самого преданного себе человека с поручением рассмотреть хорошенько наружность жениха и изведать его нрав. Ягайло предупредили о цели посольства; он принял посланного с необыкновенною ласкою, и тот, возвратившись к Ядвиге, донес ей, что литовский князь наружностью приятен, красив и строен, роста среднего, длиннолиц, во всем теле нет у него никакого порока, в обхождении важен и смотрит государем. Ядвига успокоилась на этот счет и позволила убедить себя».

Великое княжество Литовское на то время собрало под великокняжеским скипетром гигантскую по размерам территорию — от Балтийского до Черного моря. Но большой — еще не значит сильный. Накануне судьбоносной свадьбы жестокие родственные междоусобицы сотрясали Литву. Как всегда, она была окружена плотным кольцом внешних врагов. С Московским княжеством шла долгая и упорная борьба. Поляки периодически претендовали на Берестье и земли Южной Руси; немцы в Прибалтике нависали подобно дамклову мечу над самым сердцем Литвы; на юге поднимал голову один из уцелевших осколков Монгольской империи — крымские татары.

Союзник был жизненно необходим. Но почему им были избраны чуждые по вере и языку поляки? Как мы уже заметили, с восточными православными братьями шла борьба на полное завоевание друг друга. Русские земли охотно принимали легкую форму зависимости от литовских князей, пока не появился отечественный признанный лидер — Москва, которая прибирала к рукам все, что не успело подобрать Вильно.

Многочисленные войны и конфликты между противоборствующими русскими центрами, не обходившиеся без жесто-

костей, выработали прочный образ врага. Общие по языку и вере народы стали чужими по образу мышления, жизни. Религиозная терпимость в Литве предвосхитила даже Реформацию в Европе и, уж конечно, не сочеталась со строгим православием Восточной Руси. Еще меньше будет сочетаться гражданская свобода в Литовском княжестве с рождающейся тоталитарной державой, претендующей на роль третьего Рима, с претензиями если не на мировое господство, то на полную власть над всем православным миром.

Гораздо привлекательнее были поляки с их вольностями и свободами, с королем не тираном, но игрушкой в руках магнатов и шляхты. С Польшей у Великого княжества Литовского были общие серьезные враги: Тевтонский орден и татары; а враг моего врага — мне друг. Только по одному этому принципу составляются самые крепкие международные коалиции...

14 августа 1385 года в замке Крево (родовом владении отца Ягайлы — Ольгерда) была заключена уния между Польшей и Литвой. Юная королева Ядвига, с короной Польши в качестве приданного, отдавалась Великому князю Литовскому. Цена удовольствия была для Вильно немалая.

Ягайло обязался «со всеми своими братьями, еще не крещенными, также с родственниками, со шляхтой, дворянами большими и меньшими, в землях его живущими... принять веру католическую святой Римской церкви». Невесту необходимо было выкупить у эрцгерцога Вильгельма за 200 тысяч флоринов. Кроме того, Ягайло обещал «собственными затратами и стараниями вернуть королевству польскому все земли, кем-либо оторванные от него и отнятые... вернуть первоначальную свободу всем христианам, особенно людям обоего пола из земли польской, по праву войны захваченным и переселенным, и таким образом, что каждый или каждая смогут отправиться куда захотят». И наконец, великий князь Ягайло пообещал «земли свои литовские и русские на вечные времена к короне Королевства Польского присоединить».

Новый польский король сменил при переходе в католичество имя Ягайло (в православии Яков) на Владислава и при-

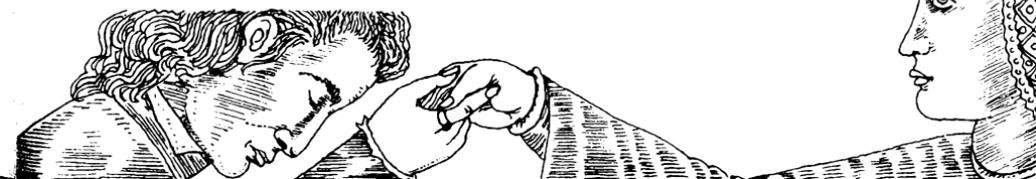
нялся ревностно исполнять обещания. Он прибыл в Вильно с архиепископом Гнезненским, множеством светских и духовных особ. Братья короля и верхушка литовского общества приняли католичество в надежде на льготы и щедрые пожалования.

Затем принялись уничтожать языческие символы, что находились вблизи литовской столицы. Ягайло распорядился потушить негасимый священный огонь на глазах у язычников. По свидетельству Яна Длугоша, «капище и жертвенник, на котором совершалось заклятие жертв, король также приказал разрушить; сверх того, он повелел вырубить рощи в лесах, почитавшиеся священными, и сломать в них ограды; а ужей и гадов, которые имелись в каждом доме в качестве домашних богов, перебить и уничтожить. При этом варвары только плачем и стенаниями провожали ниспровержение и гибель своих ложных богов и божеств, не осмеливаясь роптать на повеление короля».

Поскольку ничего плохого не происходило после издевательств над древними богами, то литовцы начали склоняться к принятию христианства. Священники убеждали людей в преимуществах новой веры, и не последнюю роль сыграло материальное стимулирование:

«Щедротами благочестивого короля Владислава каждому из простых людей были розданы новые одежды — рубашки и штаны из привезенного из Польши сукна. Этой прозорливой милостью и щедростью король достиг того, что этот темный и бедно одетый народ, до того времени довольствовавшийся льняными одеждами, как только распространилась молва о такой щедрости, начал со всех областей толпами стекаться для восприятия крещения и ради получения шерстяных одежд».

Не возникло больших трудностей с язычниками Вильно и окрестностей, которые с давних пор жили в христианском окружении, многие из них уже перешли в православие. Труднее было убедить Жмудь обратиться в веру, под знаменем которой крестоносцы разоряли ее селения, убивали, уводили в рабство жителей. Еще сложнее обстояли дела с православными землями, занимавшими львиную часть территории Великого княжества Литовского. Православные традиции здесь

насчитывали не одно столетие, и веру дедов и прадедов никто не собирался менять за рубашку и штаны.

Владислав-Ягайло был вынужден ограничиться постановлением, что русские женщины, выходявшие замуж за католиков, обязаны принимать вероисповедание мужей своих, а мужа православной веры должны переходить в римскую церковь, если к таковой принадлежали жены. Подобные условия приносили дополнительные проблемы жителям Великого княжества Литовского, но совсем не прибавляли уважения православной составляющей княжества к родственной христианской церкви — католической.

Еще хуже обстояли дела с исполнением обещания присоединить земли «литовские и русские на вечные времена к короне Королевства Польского». Литва погрузилась в смуту, в которой приняли деятельное участие крестоносцы — им эта уния грозила катастрофой. В результате власть над Великим княжеством Литовским Ягайло был вынужден передать двоюродному брату — Витовту. Этой жертвой он избежал худшего варианта развития событий, ибо давление короны польской на Великое княжество Литовское привело к тому, что оно начало склоняться к союзу с Москвой. С. М. Соловьев описывает следующие события:

«Когда еще в 1386 году Василий Дмитриевич (сын Дмитрия Донского) спасался бегством из Орды от Тохтамыша, то, разумеется, не мог бежать прямою дорогою, а направляя путь к западным странам, свободным от татарского влияния; сначала он укрывался в Молдавии, а оттуда пробирался в Москву чрез литовские владения; известия разногласят насчет того, где именно Василий встретился с Витовтом, ведущим тогда борьбу с Ягайлом; но согласны в том, что молодой московский князь дал или принужден был дать Кейстутову сыну слово жениться на его дочери Софии. Слово было сдержано, как только Василий стал великим князем; в 1390 году трое бояр великокняжеских привезли невесту в Москву из-за моря, от немцев, по выражению летописца, то есть из владений Ордена, где жил тогда Витовт. Но эта близкая родственная связь не принесла Москве никакой пользы, когда Витовт, помирившись с Ягайлом, стал великим князем литовским и начал стремиться к увеличению своих владений,

ибо это увеличение единственно могло произойти чрез покорение областей Руси Восточной».

Естественно, не все было исполнено, что обещано, однако практический результат Кревской унии был налицо. В 1410 году объединенное польско-литовское войско нанесло жесточайшее поражение Тевтонскому ордену под Грюнвальдом. Польский хронист перечисляет хоругви Великого княжества Литовского, которые участвовали в судьбоносном сражении рядом с поляками: «Трокская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская; некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими...»

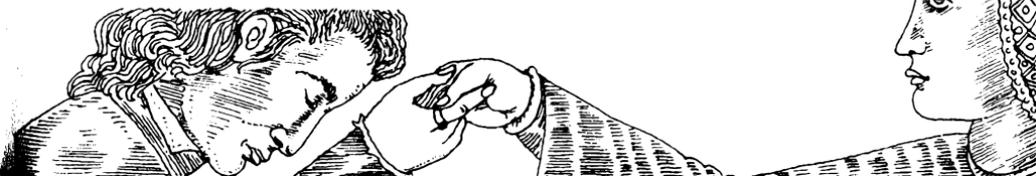
Плохо вооруженные литовско-русские дружины не выдержали натиска закованных в броню крестоносцев, но Ян Длугош восхищается мужеством смоленских полков. Собственно, они и спасли положение:

«В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении...»

В битве нашел конец великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген, погибли также маршал Фридрих Валлерод, великий командор Конрад Лихтенштейн, множество «командоров и знатных и благородных особ».

Русский историк С. М. Соловьев также высоко оценил событие, положившее конец многовековому противостоянию Тевтонского ордена и народов Восточной Европы:

«Грюнвальдская битва была одна из тех битв, которые решают судьбы народов: слава и сила Ордена погибли в ней

окончательно, покорители разъединенных пруссов встретили громадное ополчение из трех соединенных народов Восточной Европы, пред которым силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имело более ни средств, ни цели для борьбы; силы его поникли пред соединенными силами трех народов христианских...»

На милость победителя один за другим сдавались орденские замки, лишённые защитников. Если бы союзники не промедлили, в их руках могла оказаться главная твердыня крестоносцев, а за ней и вся Пруссия.

Столицу крестоносцев спас Генрих фон Плауэн — командор Свеце. Он, по свидетельству Длугоша, «набрав с помощью уговоров и за деньги пятьсот наемников, прибыл в Мариенбургский замок, чтобы взять на себя его охрану и защиту. До его прибытия замок охраняло едва пятьдесят человек, объятых страхом...»

Увы! Успешная битва на долгое время отодвинула тесный союз между державами-победителями. Коварный враг, державший в страхе Польшу и Литву, был разбит, и надобность в объединении двух государств стала менее актуальна — то есть Польша вновь возжелала поглотить Великое княжество Литовское, а Литва не видела причин спешить в объятия соседки. Но по крайней мере, они не воевали друг с другом — это дорогого стоило по тем временам.

Витовт и восточнорусские княжества

Союз с Польшей развязал Витовту руки для активной восточной политики, которую можно рассматривать, как очередную попытку объединить все русские земли под властью Литвы. Московский князь во время этого наступления занял странную позицию. Он не только не пытался противодействовать Витовту и не оказывал помощи терпящим бедствие близким ему по крови Рюриковичам, но, скорее, даже наоборот — благоприятствовал агрессивному тестю.

В 1395 году разгорелась долгая и упорная борьба Витовта со смоленскими князьями. С. М. Соловьев отмечает следующие моменты:

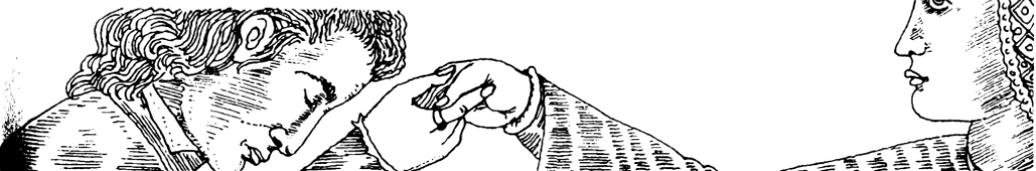
«Великий князь Московский при всех этих событиях явно держал сторону тестя: в 1396 году он ездил на свидание с ним в Смоленск, праздновал здесь Пасху, и когда рязанский князь снова вошел с полками в землю литовскую и осадил Любутск, то Василий отправил к нему посла и отвел его от этого города. Потом, когда Витовт вошел в рязанские владения и пролил здесь кровь, как воду, по выражению летописей, и людей побивал, сажая их улицами, то из Москвы не было ему никакого препятствия, напротив, зять встретил его в Коломне, поднес дары и оказал большую честь».

В 1397 году оба князя — Витовт и Василий московский — требуют от Новгорода, чтобы тот разорвал мирные соглашения с крестоносцами. Но воспользовался ситуацией как поводом для нападения на этот русский город опять же Витовт. В 1399 году он фактически объявляет Новгороду войну, причем литовский князь прибегнет к помощи тех, из-за кого и затеялась его ссора с Новгородом.

«Намерение Витовта овладеть Новгородом обнаруживается и в договоре его с Орденом в 1398 году; здесь Витовт обещался Ордену помогать ему в завоевании Пскова, за что Орден, со своей стороны, обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода».

Новгород спасло то, что у Витовта созрел более грандиозный план. При его дворе появляется хан Тохтамыш — тот самый, что в 1382 году сжег Москву и разорил многие земли Восточной Руси. Теперь хан сам оказался в положении беглеца и надеялся на помощь литовского князя. Витовт решил разыграть самую крупную ставку, что может только стоять на русских землях: он пообещал Тохтамышу помочь вернуть власть в Золотой Орде (которой в тот момент владел хан Темир-Кутлуй), а взамен Тохтамыш обязался помочь Витовту овладеть Москвой.

Витовту удалось собрать огромное войско: под его знамена сошлись, кроме литовцев, жмуди, русских, искатели приключений из Валахии, отряды из союзной Польши, та-

тары Тохтамыша и даже крестоносцы, с которыми на время было заключено мирное соглашение.

Перед самым походом в лагерь Витовта явились посланники от Темир-Кутлюя.

«Выдай мне беглого Тохтамыша, — передали они литовскому князю просьбу хана, — он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша; нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе».

Темир-Кутлуй недаром опасался Тохтамыша; уж больно удачлив был этот хан — он не раз оказывался в положении беглеца, за которым идут по пятам, без денег и друзей, но затем вдруг самым чудесным образом оказывался на верхней ступеньке золотоордынской власти и одерживал фантастические победы над врагами. Поверил в удачу беглеца и Витовт: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

Да и что мог ответить великий князь, когда у него за спиной стояло войско, каких Литва не собирала, пожалуй, за всю свою историю! Одних только князей летописцы насчитывали до пятидесяти человек.

Они увиделись на берегах Ворсклы — как и хотел того Витовт. Войско хана было намного скромнее, и потому он желал договориться с князем через послов: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих».

Витовт передал ответ: «Бог покори́л мне все земли, покори́сь и ты мне, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и давай мне всякий год дани и оброки; если же не хочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу».

Хан согласился на условия Витовта. Но уступчивость Темир-Кутлюя была расценена как слабость; к тому же ни князь, ни войско не хотели уходить без победы и добычи. И вот в татарский стан поспешил посланец с новым требованием: на ордынских деньгах должно чеканиться клеймо великого князя.

Хан попросил три дня для размышлений. За это время с его войском соединились отряды Эдигея. Теперь татары

могли говорить с Витовтом на его языке. Много повидавший на своем веку Эдигей произнес: «По праву взял ты нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод; но я старше тебя, так следует тебе быть моим сыном, дань давать каждый год, клеймо мое чеканить на литовских деньгах».

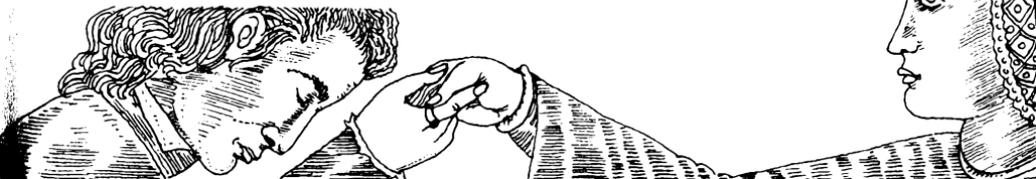
Витовт вышел из себя и приказал немедленно начинать битву, но злость плохой помощник. В начале сражения, несмотря на губительный дождь татарских стрел, хоругви Витовта теснили войско Эдигея, но тут Темир-Кутлуй обошел разноплеменное воинство литовского князя и ударил с тыла. Разгром был полный; Витовту едва удалось уйти с небольшим отрядом — татары гнались за ним пятьсот верст, до самого Киева. Более двадцати князей осталось лежать на поле битвы.

Поражение на Ворскле лишило Витовта шанса овладеть Восточной Русью — как оказалось, навсегда. Но воинственный литовский князь отказывался верить в крах своих планов. Ради продолжения восточной политики он даже пожертвовал частью литовской территории. В обмен на мир и обещание помощи непримиримому врагу Литвы — Тевтонскому ордену — была отдана Жмудь. В 1404 году с крестоносцами был заключен так называемый вечный мир; причем Витовт, в случае восстания жмудинов, обязался военной силой принуждать их покориться Ордену.

Щедрый подарок крестоносцам принес мало пользы Великому княжеству Литовскому, сил для осуществления задуманного катастрофически не хватало. В 1400 году Витовт был вынужден заключить мир с Новгородом. В 1401 году князь Юрий отнял у Литвы свою прежнюю вотчину — Смоленск. Витовт пытался вернуть обратно город — разгорелась долгая упорная борьба. Юрий смоленский, чувствуя, что против Витовта ему не выстоять, обратился за помощью к московскому князю.

«Тебе все возможно, — говорил он, — потому что он тебе тесть, и дружба между вами большая, помири и меня с ним, чтоб не обижал меня. Если же он ни слез моих, ни твоего дружеского совета не послушает, то помоги мне, бедному, не отдавай меня на съедение Витовту, если же и этого не хочешь,

то возьми город мой за себя; владей лучше ты им, а не поганая Литва».

Московский князь обещал помощь, но слишком долго размышлял, какого рода она будет. Нерешительность Василия привела к тому, что Смоленск вновь оказался во власти Витовта.

В 1405 году Витовт совершил еще одну попытку подчинить своей власти Новгород и Псков. Война переполнилась жестокостями. В псковской земле «Витовт взял город Коложе и вывел 11 000 пленных, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых; потом стоял два дня под другим городом, Вороначем, где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стал» (С. М. Соловьев). Тут следует отметить, что изменился сам характер войн: кончилось время легких побед на русских землях для Литвы. С принятием литовской знатью и частью народа католичества они стали для православных восточно-русских княжеств иноверцами.

Псков и Новгород обратились за помощью к московскому князю. Мы видели, сколько колебаний стоило Василию Дмитриевичу подобное обращение со стороны Смоленска, — и город, который сам шел в объятья Москвы, в конце концов был присоединен к Великому княжеству Литовскому. Теперь отношения зятя и тестя в корне меняются, отныне между двумя государствами начинается непрерывная кровавая беспощадная борьба.

Хотя у Москвы с Новгородом и Псковом всегда существовали напряженные отношения, князь Василий действует с удивительной решительностью. Он понял, что тесть не удовлетворится поглощением Смоленска, а в случае успеха — Новгорода и Пскова; опять же, колоссальные потери литовцев в битве на Ворскле добавляли надежды на успех. Московский князь объявляет войну Витовту и в союзе с тверским князем вторгается на территорию Великого княжества Литовского.

Впрочем, больших успехов московское войско не достигло, разве что привело в ярость Витовта: он приказал перебить всех москвитян, что находились в его владениях.

Корона для великого князя

Кроме войны с восточнорусскими княжествами Витовту приходилось вести упорную дипломатическую борьбу с Польшей: здесь на кону стояла самостоятельность Великого княжества Литовского. Витовт желал ее сохранить в первоизданном виде, несмотря на обещание Ягайлы присоединить земли литовские и русские к Польше.

Поляки не торопились с исполнением главного пункта Кревской унии, понимая, что в этом вопросе поспешность ни к чему хорошему не приведет, но и не оставляли надежды прибрать к рукам крупнейшее княжество. В 1398 году поляки предприняли попытку утвердить некий элемент зависимости: королева Ядвига в письме к Витовту напомнила, что Великое княжество Литовское и Русское Ягайло передал ей в вено и, следовательно, она должна получать от него ежегодную дань.

Для требования дани был избран не совсем удобный момент: Витовт находился на вершине могущества, он готовился расправиться с татарами, а затем покорить Восточную Русь. Чтобы придать отказу видимость законности, Витовт созвал сейм и задал боярам вопрос: «Считают ли они себя подданными короны Польской в такой степени, что обязаны платить дань королеве?»

Ответ был единогласным: «Мы не подданные Польши ни под каким видом; мы всегда были вольны, наши предки никогда полякам дани не платили, не будем и мы платить, останемся при нашей прежней вольности».

«После этого поляки больше уже не толковали о дани, — рассказывает С. М. Соловьев о том, к чему привело требование королевы. — Но Витовт и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польши и должны были подумать о том, как бы высвободиться и из-под номинального подчинения. Однажды на обеде, данном по случаю заключения мира с Орденом, бояре провозгласили тост Витовта, короля литовского и русского, и просили его, чтоб он позволил всегда так величать себя. Витовт на этот раз притворился скромником и от-

вечал, что не смеет еще почитать себя достойным такого высокого титула».

Отнюдь не из скромности Витовт отказался от титула — он будет мечтать о нем остаток жизни; просто объявление королем на пьяной пирушке стоило немного.

Польша продолжила дипломатическое наступление на Великое княжество Литовское после поражения Витовта на Ворскле; пусть не удалось присоединить его сразу — расчет брался на перспективу. В 1401 году на Виленском сейме, проходившем с участием Ягайлы и Витовта, было решено, что после смерти Витовта Великое княжество Литовское перейдет под власть польского короля.

В 1413 году на Городельском сейме Польша сделала еще один хитроумный ход с целью привлечения на свою сторону литовской шляхты и магнатов. Согласно Городельскому привилею, литовское дворянство уравнивалось в правах с дворянством польским — но только то, что приняло католичество. На православных льготы и вольности, вырванные польской шляхтой у королей, не распространялись.

На склоне лет Витовт развил кипучую деятельность, целью которой было преобразование Великого княжества Литовского в королевство и получение короны. Он обратился с этой просьбой к императору Священной Римской империи Сигизмунду. Время было выбрано удачно: Сигизмунд вел тяжелейшую борьбу с гуситами и турками, а потому сам нуждался в союзниках, помощи и поддержке.

В 1429 году в Луцке состоялась встреча трех властителей: императора Сигизмунда, короля Владислава-Ягайлы и великого князя Витовта. По всему видно, что Сигизмунд очень рассчитывал на союз с Витовтом; если Рим и католический мир относились к православным христианам как к схизматикам и даже еретикам, то из уст императора было озвучено совсем другое мнение:

«Я понуждаю папу, чтоб он созвал собор для примирения с гуситами и для преобразования церкви; отправлюсь туда сам, если он согласится; если же не согласится, созову собор собственной моею властью. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну

с нами веру, отличаясь от нас только бородами да тем, что священники у них женатые. Но этого, однако, не должно ставить им в порок, потому что греческие священники довольствуются одною женою, а латинские держат их по десяти и больше».

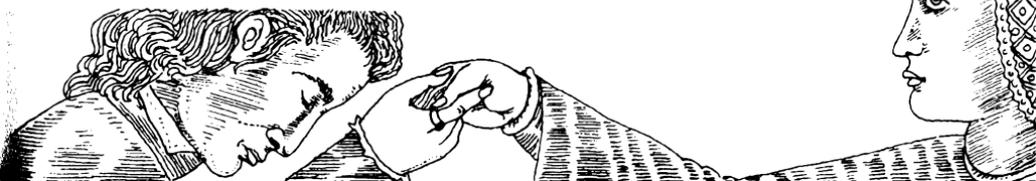
Слова Сигизмунда вызвали недовольство делегации поляков, среди которых было много духовных особ. Бедняги не знали главного: за их спиной успешно шли переговоры о признании Витовта королем литовских и русских земель. Император дал согласие на появление в Европе еще одного королевства; более того, им с Витовтом удалось добиться одобрения этого акта со стороны слабовольного Ягайлы.

Когда все обстоятельства происходящего в Луцке стали известны полякам, то последних поразил шок от того, что мечта о присоединении Литвы и Руси, к которой они продвигались не один десяток лет, за которую пролили много польской крови, рушится в одночасье — причем в этом есть вина их собственного короля. Лояльное отношение Сигизмунда к православию в этом свете показалось намеком, что следует забыть о планах обращения православных Великого княжества Литовского в католическую веру.

Светские и духовные именитые вельможи ругались как сапожники, досталось всем, и королю в том числе. «Разве ты нас затем сюда позвал, чтобы быть свидетелями отделения от Польши таких знатных владений?» — спрашивали Владислава польские прелаты и вельможи.

Ягайло, обливаясь слезами, клялся, что никогда не давал согласия на отделение Литовского княжества от Польши, но его заверения ничуть не успокоили подданных. Возмущенные поляки оставили Луцк; король, покинутый всеми, ближайшей ночью бежал следом.

Раздражение довольно скоро уступило место здравому размышлению. Поляки поняли, что угрожать Витовту и германскому императору — себе дороже, и попытались отвлечь Витовта от рокового шага уговорами. В Вильно отправился Збигнев Олесницкий, епископ Краковский, тот самый, что недавно в Луцке довольно пренебрежительно отозвался о Витовте и его княжестве вообще. На этот раз опытный ди-

пломат и талантливый оратор обрушил на князя неиссякаемый поток красноречия.

«Знай, — говорил он, — что корона королевская скорее уменьшит твоё величие, чем возвысит: между князьями ты первый, а между королями будешь последний; что за честь в преклонных летах окружить голову небольшим количеством золота и дорогих камней, а целые народы окружить ужасами кровопролитных войн?»

Витовт оказался не менее искусным демагогом.

«Никогда, — отвечал он епископу, — у меня и в голове не было намерения стать независимым королем; давно уже император убеждал меня принять королевский титул, но я не соглашался. Теперь же сам король Владислав потребовал этого от меня; уступая его мольбам, повинуюсь его приказанию, я дал публично своё согласие, после чего постыдно было бы для меня отречься от своего слова».

Свою миссию епископ Краковский позорно провалил, чтобы удержать Витовта и ускользающую Литву предпринимались шаги один другого отчаяннее. «Поляки были в страшной тревоге, — пишет С. М. Соловьев, — после долгих совещаний положено было опять слать послов к Витовту, и опять отправлен был Збигнев Олесницкий вместе с Яном Тарновским, палатином Краковским. Послы удивили Витовта предложением принять корону польскую, которую уступает ему Ягайло, по старости лет уже чувствующий себя неспособным к правлению. Витовт отвечал, что считает гнусным делом принять польскую корону, отнявши её у брата, и прибавил, что сам не станет более добиваться королевской короны, но если её пришлют, то не откажется принять».

Почему Витовт отказался от польской короны? Собственно, как и Ягайло, он был на то время стариком, и перспектива стать «калифом на час» великого князя не устраивала. Польский трон для Витовта был бы одновременно и концом Великого княжества Литовского как независимого государства. Он предпочел стать первым королем Литвы и Руси, тогда Польша вряд ли бы смогла поглотить его государство, несмотря на решение Виленского сейма.

В последний год жизни Витовта борьба за корону литовскую — явная и тайная — разгорелась с невероятной силой.

Поляки отправили послание Папе Римскому, в котором самыми мрачными красками расписали последствия коронации Витовта и отделения Литвы от Польши: смысл его был в том, что католичество, которое успешно начало утверждаться в Княжестве Литовском и Русском, находится на краю гибели. Встревоженный папа запретил императору Сигизмунду отправлять корону Витовту, а последнему запретил ее принимать.

Упорства Витовту было не занимать — мы помним, с какой настойчивостью он ежегодно воевал Смоленск, пока не присоединил город к своим владениям. Действия папы и поляков лишь поставили два государства на грань войны. Витовт взял со своих бояр клятву верности на случай, если придется воевать с Польшей, и принялся укреплять замки. Был назначен день коронации Витовта на праздник Успения Богородицы. Однако корона от германского императора не успела прибыть к этому дню, и коронацию перенесли на праздник Рождества Богородицы. Были разосланы приглашения, в том числе его получил и великий князь Московский — внук Витовта.

В ответ поляки расставили по всему пограничью сторожевые отряды, чтобы не пропустить корону в Вильно. Им повезло: на границе Саксонии и Пруссии были захвачены послы от Сигизмунда, которые везли грамоты о присвоении Витовту королевского титула, а также известие, что корона движется следом. На охоту за ней отправились три польских рыцаря с отрядом воинов, поклявшиеся перехватить корону, хотя бы за ней пришлось отправиться на край света. И посольство Сигизмунда, видя невозможность добраться до двора Витовта, вернулось обратно вместе со злосчастной короной.

Весть об этом ужасно расстроила Витовта, он разболелся, однако надежда продолжала теплиться в старике — она уйдет только вместе с жизнью. Он понимал, что прибытие короны в Вильно зависит исключительно от поляков, и потому пригласил в гости польского короля. Зная своего слабовольного двоюродного брата, Витовт рассчитывал вырвать у него согласие на коронацию и пропуск недостающего для этого мероприятия реквизита.

Ягайло приехал; впрочем, польского короля менее всего волновала политика — он питал страсть к охоте, а в Литве располагались знакомые с юности великолепные охотничьи угодья. Польские вельможи также прекрасно знали слабохарактерность своего короля и настойчивость Витовта и потому приставили к Ягайле твердого, как камень, все того же епископа Краковского.

Витовт принял польского короля со всеми полагающимися его особе почестями, но при этом, не переставая, просил у него согласия на коронацию. Ягайло был бы рад его дать, чтобы отвязаться от двоюродного брата и наконец отправиться на охоту, однако Збигнев Олесницкий не оставлял своего повелителя ни на мгновение.

Король намекнул Витовту, что надо сначала размягнуть этот камень, имея в виду несговорчивого епископа, потому что без его согласия ничего не получится. Литовский князь предпринял массированную атаку на Олесницкого, используя в качестве оружия просьбы и подарки, «каких никто до сих пор не получал еще в Литве», но прелат не сдавался.

«Тогда Витовт прибегнул к угрозам, давая знать, что употребит все средства, рассыплет повсюду то самое золото, раздаст те самые дары, которые были приготовлены для Збигнева, чтобы лишить его краковской епископии. Но угрозы не испугали, а только ожесточили Збигнева, и Витовт должен был оставить всякую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болезнь заставила его отложить все другие надежды. Витовт умер 27 октября 1430 года; главною причиною смерти полагают тяжкую скорбь о несбывшихся намерениях» (С. М. Соловьев).

Смерть Витовта обрадовала польских магнатов, но радость оказалась преждевременной. Объединения Польши и Литвы, какое было запланировано на Виленском сейме в 1401 году, не последовало.

Русская партия воспротивилась политике ополячивания и окатоличивания. После смерти Витовта часть вельмож Великого княжества Литовского избрала великим князем Свидригайло Ольгердовича, который покровительствовал православию. Свидригайло высказал недвусмысленное намерение

отложиться от Польши и подкрепил его действиями. Его отряды принялись отвоевывать у союзницы отошедшие к ней южнорусские земли. Не было пощады и католическому духовенству, пленные поляки безжалостно уничтожались.

Заварушкой не преминул воспользоваться недобитый Тевтонский орден и заключил союз с мятежным литовским князем. В августе 1431 года рыцари вторглись на территорию Польши, чьи войска были заняты борьбой со Свидригайлом, и потому тевтонцы, не получая отпора, сожгли дотла 24 города и около 1000 деревень.

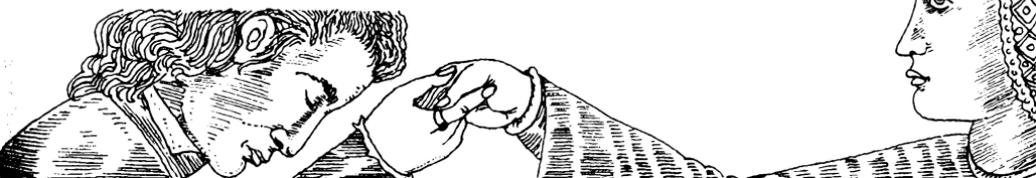
Однако часть литовского дворянства уже приняли католичество и не собирались терять льготы, гарантированные двумя государствами. Борьбу против Свидригайлы, опираясь на поддержку поляков, начал князь Сигизмунд Кейстутович.

В 1434 году умирает Владислав-Ягайло. Поляки избрали королем его сына Владислава. Номинально он считался и правителем Литовского княжества, а в скором времени получил и венгерский престол. То был наивысший момент торжества литовской династии Ягеллонов, под скипетром Владислава находилась огромнейшая часть Европы.

Однако присутствия короля требовали три страны — Венгрия, Польша и Литва, а поскольку Владислав не мог разделиться на части, то он в очередной раз попытался занять объединительной политикой. В Литву отправился брат короля — юный Казимир, но не в качестве великого князя, а в должности наместника польского короля. Литовцы приняли Казимира, но все равно сделали по-своему, провозгласив его великим князем Литовским.

В 1444 году польско-венгерский король Владислав пал в битве с турками при Варне, но представители литовской династии Ягеллонов еще долго будут занимать троны европейских государств. Одно из знаковых для Европы событий красочно описано в предисловии к «Московии» австрийского посланника Сигизмунда Герберштейна:

«В разгар лета 1515 г., 22 июля, к собору Святого Стефана в центре Вены одна за другой подъезжали кареты. Лошади были украшены лентами, кареты усыпаны цветами. Через раскрытую дверь собора слышался орган. Горожане толпами сходились на просторную площадь перед высоким готи-

ческим храмом, но их оттесняла имперская стража. Был отдан строгий приказ следить, чтобы никакая случайность не помешала четко расписанному течению церемонии.

В этот день союз Габсбургов и Ягеллонов скреплялся двойными узлами. Юному внуку Максимилиана предназначалась в жены Анна, двенадцатилетняя дочь чешского и венгерского короля Владислава II Ягелло, а наследник Владислава, его восьмилетний сын Людовик, обручался с внучкой императора Марией».

Смуты в Княжестве Литовском заставили его на некоторое время забыть о традиционном восточном сопернике, но и Москва не смогла воспользоваться неприятностями соседа — здесь также кипела жестокая борьба за княжеский стол.

Москва наступает

Если в прежнее время Великое княжество Литовское стремилось объединить все русские земли, то в конце XV века ситуация изменилась. Значительно выросла мощь второй русской половины — восточной. Московские князья подавили сепаратистские тенденции внутри государства, на всякий случай уничтожили представителей древних влиятельных родов и ликвидировали остатки феодальной демократии в виде веча. Теперь руки были развязаны для активной внешней политики.

Была оформлена великодержавная доктрина: «Москва — третий Рим». Согласно ей Москва объявлялась главенствующей над всеми православными землями. Естественно, в первую очередь под ее власть должны перейти западные и южные русские земли, составлявшие основу Великого княжества Литовского.

Для большей обоснованности претензий великий князь Московский Иван III Васильевич (правил в 1462—1505 годах) женился на Софье (Зое) Палеолог — племяннице последнего византийского императора Константина XI, внучке императора Мануила II. Иван III принял византийского двуглавого орла в качестве великокняжеского герба; таким обра-

зом, Москва объявляла себя преемницей почившей под ударами турок Византии.

«Современники заметили, что Иоанн после брака на племяннице императора византийского явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание, возвысился до царственной недосягаемой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимины должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных; по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе» (С. М. Соловьев).

Иван III именуется государем всея Руси. Пока этот титул не соответствует действительности: Псковское и Рязанское княжества будут присоединены только при его сыне, а западные и южные русские земли находились в составе Великого княжества Литовского. Титул этот стал политической программой Рюриковичей, и в жизнь ее начал воплощать именно Иван III.

Однако жители Литовского княжества познали вкус свободы, собственные великие князья и короли щедро жаловали подданных привилегиями и вольностями. Без особых на то причин никто не желал соединяться с восточными братьями, никто не стремился попадать на пшеничное поле, где колосья немного выше других безжалостно вырывались с корнем. И разгорелась жестокая длительная беспощадная борьба между двумя русскими государствами.

Сильными столкновениями Москвы и Литвы отмечено правление московского князя Ивана III, но теперь противоборствующие стороны поменялись ролями: Москва нападала, а Вильно защищалось.

Вначале создается впечатление, что оба государства собирались мирно сосуществовать и даже по сложившейся традиции пытались скрепить дружбу с помощью династического брака. «У великого князя Ивана от Софьи была дочь Елена, — рассказывает Сигизмунд Герберштейн, — которую он выдал за Александра, великого князя Литовского, кото-

рый был впоследствии избран королем польским. Литовцы надеялись, что через этот брак утихнут раздоры между тем и другим государями, достигшие весьма значительных размеров, но вышло так, что раздоры эти от этого еще больше усилились. Именно в брачном договоре было положено выстроить в определенном месте Виленской крепости храм по русскому обряду и дать в провожатые невесте известных женщин и девиц одной с ней веры».

Иван III с помощью династического брака рассчитывал укрепить позиции православия на территории Великого княжества Литовского. Так как великий князь Литовский медлил с исполнением соглашений, то московское войско тремя отрядами вторглось на его земли. Литовцы потерпели поражение в битве под Дорогобужем 14 июля 1500 года, множество их попало в плен, в том числе знаменитый военачальник — гетман Константин Острожский.

Неудачная битва дорого обошлась Литве. Согласно перемирию, заключенному 25 марта 1503 года, Москва забрала земли: «князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища, 13 сел» (по подсчетам С. М. Соловьева).

А что же потерпевший поражение Константин Острожский? Московскому князю хотелось привлечь на свою сторону знаменитого литовского военачальника, оказавшегося в плену из-за ранения. Он «повел переговоры, чтобы тот оставил своего природного господина и поступил на службу к нему. Так как у того не было иной надежды на освобождение, то он принял условие и был освобожден, связав себя самой страшной клятвой. Хотя ему затем были выделены соответственные его достоинству поместья и владения, однако его не удалось ни умиловить, ни удержать ими, и при первом удобном случае он через непроходимые леса вернулся домой».

Константин Острожский был одним из немногих литовских магнатов, что остались верными православию. Более

того, он всемерно покровительствовал православным Великому княжеству Литовскому, открыл много новых церквей и монастырей. То есть гетман оставался белой вороной среди принявших католичество вельмож, а затем увлекшихся новомодными течениями: лютеранством, кальвинизмом... И тем не менее он оставляет поборника истинного православия — московского князя и бежит на родину, где не может надеяться на почести и награды после крупнейшей за последнее столетие неудачи под Дорогобужем.

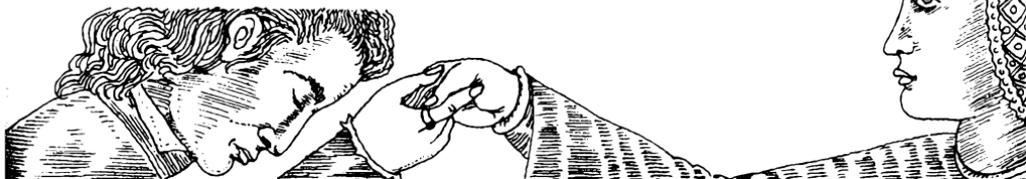
Впрочем, в Литве не существовало карфагенской традиции распинать на крестах военачальников, проигравших сражение. Острожский был принят и даже получил гетманскую булаву исходя из соображений: за одного битого двух небитых дают.

Идея соединения русских земель продолжала жить, но, как мы уже отмечали, инициатива переходит к Москве. В августе 1506 года умирает король польский и великий князь Литовский Александр. С. М. Соловьев описывает следующий план московского князя:

«Василий хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литовской Руси с Московскою: он послал сказать сестре, чтоб она “пожелала и говорила бы епископу, панам, всей Раде и земским людям, чтоб пожелали иметь его, Василия, своим государем и служить бы ему пожелали; а станут опасаться за веру, то государь их в этом ни в чем не порушит, как было при короле, так все и останется, да еще хочет жаловать свыше того”. К князю Войтеху, епископу Виленскому, к пану Николаю Радзивиллу и ко всей Раде Василий приказывал о том же “чтоб пожелали его на государство Литовское”. Елена отвечала, что Александр назначил преемником себе брата своего, Сигизмунда; но в Литве встала сильная смута и усобица, которую Василий московский хотел воспользоваться теперь в свою очередь».

Сын Ивана III Василий III (правил в 1505–1533 годах) продолжил отнимать русские земли у Великого княжества Литовского. Самое интересное, что опять поводом для войны послужила женщина, которая в результате династического

брака призвана была нести мир между Москвой и Вильно. Елена — это имя когда-то стало причиной гибели Трои, теперь из-за него начало рассыпаться Великое княжество Литовское. Рассказывает Сигизмунд Герберштейн:

«Хотя после смерти Александра у Василия не было никакого повода к войне с братом Александра Сигизмундом, королем польским и великим князем Литовским, он, видя, что король склонен более к миру, чем к войне, и что литовцы тоже не желают сражаться, все же нашел случай к войне. Он стал говорить, что сестра его, вдова Александра, отнюдь не встречает с их стороны подобающего ее сану обхождения...»

Результатом этой войны стало взятие русскими Смоленска — города, который более ста лет находился в составе Великого княжества Литовского, на завоевание которого князь Витовт потратил несколько лет жизни, который стоил немало литовской крови, хоругви которого спасли от разгрома под Грюнвальдом литовско-польское войско и принесли победу над тевтонскими рыцарями.

Московский князь долго и упорно его осаждал, но Смоленск выстоял, не помогли даже новейшие пушки огромного калибра.

Город пал в результате измены. Накануне видный литовский магнат Михаил Глинский поднял мятеж против короля Сигизмунда. Он был подавлен, а организатору бунта пришлось бежать в Москву. Там Глинский уговорил Василия III опять осадить Смоленск, обещая его взять, «но с условием, чтоб москвит уступил ему это княжество». У Глинского среди осажденных оказалось много знакомых; их-то перебежчик и склонил к сдаче города путем переговоров и подкупа.

Окрыленный успехом, Василий III приказал войску наступать в глубь Литвы, а сам остался в Смоленске. Московское войско захватило несколько городов и подошло к Орше. Сюда же приблизилось литовское войско, усиленное поляками и иностранными наемниками. Вел его наш старый знакомый — князь Константин Острожский. Соотношение сил было не в пользу последнего: московское войско «числом приблизительно в восемьдесят тысяч человек, тогда как литовское не превышало тридцати пяти тысяч, хотя имело несколько полевых пушек. 8 сентября 1514 года Константин,

наведя плавучий мост, покрытый камышовыми плетенками, переправил пехоту через Борисфен возле города Орши; конница же переправилась по узкому броду...» (С. Герберштейн).

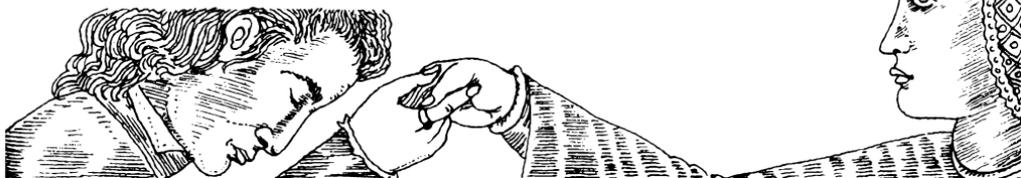
Когда половина литовского войска перешла реку, об этом доложили главному московскому воеводе Ивану Андреевичу Челяднину, советуя разбить врага по частям. На что знатный боярин горделиво ответил: «Подождем до тех пор, пока не переправится все войско, ибо наши силы настолько велики, что, без сомнения, мы без особого усилия сможем либо смять это войско, либо окружить его и гнать, как скот, до самой Москвы. В конце концов нам не останется ничего другого, как занять всю Литву».

Битва долгое время шла с переменным успехом, пока Константин Острожский не применил тактическую хитрость: «Литовцы умышленно отступив к тому месту, где у них были спрятаны пушки, направили их против наседавших московитов и поразили задние их ряды, выстроенные в резерве, но слишком скученные, привели их в замешательство и рассеяли. Такой неожиданный боевой прием поверг московитов в ужас, ибо они считали, что в опасности находится только первый ряд, бьющийся с врагом. Придя в смятении и полагая, что первые ряды уже разбиты, они обратились в бегство. Литовцы, развернувшись и двинув все свои силы, преследовали их, гнали и убивали. Завидев это бегство, отступили и оба русских фланга. Только ночь и леса положили конец этому избиению. Между Оршей и Дубровно, которые отстоят друг от друга на четыре немецких мили, есть река Кропивна; предавшись бегству по ее опасным и крутым берегам, московиты потонули в таком количестве, что запрудили течение реки. В этом бою были взяты в плен все военачальники и советники московитов...»

Боярин Иван Челяднин содержался в Вильно в железных оковах, где и умер в 1538 году.

После победы под Оршей Острожский направился к Смоленску, но взять город не смог — Василий хорошо укрепил его и разместил там сильный гарнизон.

Смоленск, как мы помним, был обещан Михаилу Глинскому в наследственное владение, но московский князь явно не желал отдавать ему стратегически важный город. Разоча-

рованный Михаил Глинский вступил в переговоры с польским королем, надеясь получить прощение и вернуться в Литву. Однако его сношения с королевским двором были раскрыты, и перебежчика заковали в тяжелые цепи.

О даровании свободы Глинскому ходатайствовал даже австрийский император Максимилиан; сохранилась его «Особая инструкция... барону Герберштейну об освобождении князя Михаила Глинского». Особых успехов австриец не добился, но вскоре опальный князь снова будет в милости московского государя. Дело в том, что Василий III заточил в монастырь свою бездетную супругу и в 1526 году женился на племяннице Михаила — Елене Васильевне Глинской.

По свидетельству Герберштейна, «государь возлагал на него большие надежды, так как видел в доблестях Михаила залог безопасности царского престола для своих детей от угрозы со стороны дядей и, в конце концов, назначил его в завещании наряду с некоторыми другими опекуном над своими сыновьями. По смерти государя Михаил неоднократно укорял его вдову, как свою близкую родственницу, в распутной жизни; за это она возвела на него обвинение в измене ее детям, и он, несчастный, скончался в заключении. Немного спустя и сама жестокая племянница погибла от яда, а любовник ее, по прозвищу Овчина, как говорят, был растерзан и изрублен на части».

Михаил Глинский был потомком татарского князя, переселившегося в Литву во времена Витовта — легенда выводит его род от одного из сыновей знаменитого татарского эмира Мамайя. Он воспитывался при дворе императора Максимилиана I Габсбурга, двенадцать лет прожил в Италии. Глинский получил прекраснейшее образование, знал несколько европейских языков. У себя на родине он числился любимцем короля Александра. Князь был очень богат — «владея обширными землями и замками, почти половиною всего государства Литовского, Глинский приобрел многочисленную толпу приверженцев, преимущественно из русских».

Вдобавок ко всему Глинский был наделен талантом военачальника; последним его делом в бытность в Литве явилась блистательная победа над войском крымских татар, которые

безжалостно опустошали страну. Но тут король Александр умирает, а у нового короля Сигизмунда появляются новые любимчики — они и нашептывают государю о том, что Глинский желает завладеть тронном Великого княжества Литовского.

Король забрал у брата Михаила Глинского — Ивана — Киевское воеводство и вместо него дал второстепенное Новгородское. В грамоте, данной Ивану по этому поводу, король оправдывается, что этой перестановкой он не уменьшил чести князя, который сохраняет прежний титул и получает место в Раде подле старосты жмудского. Однако все поняли: тучи сгущаются над Глинскими; Ян Заберезинский — воевода трокский — прямо назвал Михаила изменником. Глинский требовал королевского суда за подобное оскорбление, но монарх был занят более важными, как ему казалось, делами.

Тогда разозлившийся Михаил Глинский произнес в адрес короля: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором оба мы после горько жалеть будем». Он сам расправился с обвинителем: трокскому воеводе отрубили голову и на сабле доставили Глинскому; тот велел ее нести перед собою на древке четыре мили и потом утопить в озере. А далее... пожалели все... Как мы уже писали, король потерял Смоленск, а Глинский все — включая собственную жизнь.

1 ноября 1517 года начались переговоры о мире между Польшей, Великим княжеством Литовским и Москвой. В общем-то, не важно, как они протекали и чем закончились. Но одну важную особенность отмечает С. М. Соловьев — она и сделает невозможным дальнейшее мирное сосуществование этих государств:

«Мы видели, что уже Иоанн III объявил Киев и все русские города своею отчиною; теперь бояре сына его начинают переговоры требованием от Сигизмунда прародительской отчины их государя — Киева, Полоцка, Витебска и других городов, которые король держит за собою неправдою; с этих пор это требование сделалось обычным, сделалось необходимою формою при всех переговорах с Литвою; форма эта имеет важное историческое значение: она показывает характер борьбы между двумя государями, из которых один называл-

ся великим князем литовским и русским, а другой — великим князем всея Руси; чем бы ни кончились переговоры, на каких бы условиях на этот раз ни заключены были мир или перемирие, в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявить права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли...»

Грозные времена

В январе 1558 года войско русского царя Ивана IV (правил в 1533—1584 годах) вошло на земли Ливонии. Почти не встречая сопротивления, армия на расстоянии в течение месяца грабила и уничтожала все на своем пути; затем отягощенная добычей вернулась на свою территорию.

Разведка боем укрепила иллюзию, что можно без особых усилий поглотить Ливонию и обрести заветный берег Балтийского моря. Собственно, потомки воинственных немецких рыцарей и впрямь переживали не лучшие времена.

Война продолжилась. За успехами русского царя завистливо наблюдали Польша, Дания, Швеция — никому не хотелось отдавать толстый ливонский пирог на съедение Московии. Но если шведский и датский короли, не имея сил тягаться с московским государем, лишь пожурили его в письмах, то польский король Сигизмунд-Август (в 1545 году сменивший на троне Сигизмунда Старого) 16 сентября 1559 года заключил с Ливонией договор, по которому обязался защищать ее владения.

Поляки желали получить новые земли, тогда как перед литовцами стояла другая задача: сохранить уже имевшую огромную территорию. Последние понимали, чем грозит им новая война с Москвой. Посол от польского короля Мартин Володков в январе 1560 года доставил в Москву грамоту с требованием, чтобы царь прекратил войну с Ливонией, — фактически это было объявлением войны. Исполнив свой долг, посол повидался с приближенным царя Адашевым и среди прочего сказал такие слова: «Поляки всею землею хотят того, чтоб государь наш с вашим государем начал войну; но воевода виленский Николай Радзивилл и писарь литов-

ский Волович стоят крепко, чтоб король с государем вашим был в любви. Поляки с Радзивиллом сильно бранятся, говорят, что воевода за подарки помогает русскому государю...»

Впрочем, Ливонию уже никто не мог спасти, развернулась жестокая борьба за ее земли. Польша, согласно договору, заняла некоторые территории в Прибалтике, но не спешила в русско-ливонскую мясорубку. Наконец, в середине 1561 года литовский гетман Радзивилл начал действия против русских в Ливонии; ему удалось даже взять один город, но вскоре литовцы были разбиты.

В начале 1563 года царь с огромным войском пересек литовскую границу, а 15 февраля был захвачен важнейший город Великого княжества Литовского — Полоцк. Поначалу Иван Грозный пытается быть милосердным: более 500 пленных королевских наемников были одарены шубами и отпущены на свободу; правда, всех евреев, отказавшихся немедленно принять крещение, царь велел утопить в Двине.

Люблинская уния. Рождение титана

Великое княжество Литовское и Польша шли навстречу друг другу долгим тернистым путем. Долго тянулся и Люблинский сейм — с 10 января по 12 августа 1569 года. Каждая из сторон — поляки и литовцы — имела свои интересы, часто они не совпадали, а иногда были диаметрально противоположными. Собственно, соединить два государства в одно — дело не простое, и удивляться тут нечему. Но похоже, это был единственный шанс спасти Великое княжество Литовское от инкорпорации в состав Московского государства — родственного по языку, национальному составу, вере, но ужасно далекого по менталитету, образу жизнедеятельности, государственному устройству; в общем, за столетия раздельного существования ставшего абсолютно чужим.

С востока наседали опасный враг, грозивший поглотить Великое княжество Литовское, а на сейме торжествовал принцип: требовать всегда надо больше, чем рассчитываешь получить, тогда и получишь хотя бы то, что ожидаешь. Литовские послы уверяли поляков в горячем желании заключить унию

«на основании сердечной любви», но хотели в составе объединенного королевства иметь больше свободы и прав, чем их было во время существования государств порознь. В частности, они упорно пытались протолкнуть пункт, по которому запрещалось полякам занимать в княжестве любые должности и вообще владеть каким-либо имуществом — «чинов, должностей и арендных пожалований чужеземцам давать не будем».

Упорство немедленно подтвердили делами: «решено отнять литовские должности у тех поляков, которые их занимали, а именно: должность кухмистра отнята у Крочовского, конюшего — у Пясецкого...» Польский король заметил, «что должность конюшего дана поляку, поселившемуся в Литве, женившемуся там, и притом дана по просьбе самих литовских сенаторов, что точно так же пожалована и должность кухмистра. Литовцы отвечали, что тогда обстоятельства были иные, чем теперь, когда нужно решать и кончать дело унии. Настоящая мера нужна будто бы для того, чтобы потом поляки не ссылались, что в таком положении застали дела».

По этому поводу епископ Краковский выразил недоумение: «...вы точно решеткою отгораживаетесь... от нас. Вы хотите считать нас чужеземцами, отстраняете народ польский от должностей и других дел, и уже у вас отнимают должности у поляков без всякого основательного повода, и этим-то начинается этот сейм!»

В результате сейм более месяца фактически не работал. Литовцы, несмотря на свое бедственное положение, отказывались обсуждать с поляками условия унии и пытались вырвать у короля как можно больше привилегий. Все это изрядно злило гордых поляков, и наконец 12 февраля они вручают литовцам свой проект унии.

Вот его основные пункты:

«Прежде всего: Польское королевство и Великое княжество Литовское, согласно прежней инкорпорации между ними, составляют из обоих вышесказанных народов одно, неразличное, нераздельное тело, одно собрание, один народ, так что отныне у этого из двух народов одного собрания... будет на вечные времена одна глава, не особые государи, а один — король польский, который, согласно давнему

обычаю и привилегии, общими голосами Поляков и Литвы будет избираться в Польше, а не в ином месте.

Главный сейм всегда должен быть один, а не отдельные; кроме того, должен быть один, никогда не разделяющийся сенат для всех дел и нужд тех народов, и никогда уже не должен быть он иным, то есть не должен состоять лишь из сенаторов того или другого народа.

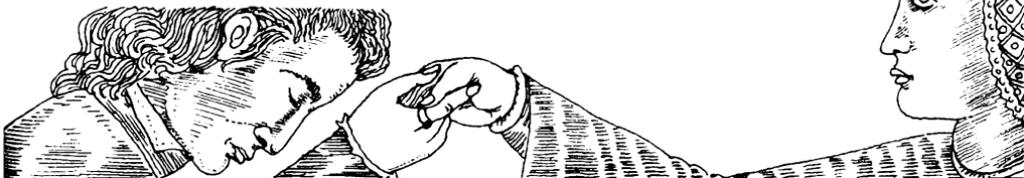
Монета должна быть однообразная и одинаковая по весу, пробе, подразделению и по надписи...

Что касается до договоров и союзов, то сделано такое постановление: отныне все соглашения, заключение мира, посылка послов в дальние и пограничные страны должны быть делаемы не иначе, как с ведома и по общему совету обоих этих народов; мир же и постановления, учиненные перед тем с каким бы то ни было народом и с каким бы то ни было государем, если они вредны которой-либо стороне (Польше или Литве), должны быть объявлены потерявшими силу и не должны быть соблюдаемы.

Обдуманы и приняты также меры к тому, чтобы это единение, уния Великого княжества Литовского с Польшей ни в чем не подрывали, не оскорбляли и не уменьшали тех прав, привилегий, вольностей и обычаев Великого княжества Литовского, которые не противны польскому народу; напротив, такие права, привилегии, вольности и обычаи обе стороны, по взаимному совету, будут усиливать и умножать.

Как в Польше, так и в Литве должны быть уничтожены все торговые пошлины и поборы на земле и на воде, под каким бы то ни было названием...

Все законы и постановления, какие бы то ни было и по какой бы то ни было причине изданные в Литве против польского народа, касательно занятия высших и каких бы то ни было должностей, вверяемых и поручаемых нами, также касательно имений и земель, касательно приобретения земель и владения ими в Великом княжестве Литовском, приобретаемых за женой или по выслуге, покупкой, по наследству или по дару и каким-либо другим способом, сообразным с законом и обычаем, — все такие законы, по согласию всех чинов, разрушаем и обращаем в ничто. Отныне они не должны иметь никакой силы и значения, как законы, противные

справедливости и взаимной любви и унии. Отныне как Поляк в Литве, так Литовец в Польше может приобретать имение и поселиться всяким законным способом и может по закону занимать должность в той земле, в которой будет иметь оседлость. Что же касается до духовных должностей, то вольно нам будет раздавать их безразлично, как было и до сих пор, не обращая внимания на оседлость лица в той стране».

Казалось бы, польская сторона предложила идеальный вариант союза двух держав, который не ущемлял ничьих интересов и предоставлял двум народам равные права. Но этот проект вызвал яростное сопротивление литовцев. Их абсолютно не устраивала равная возможность приобретать земли и получать государственные должности везде и для всех. Литовские магнаты опасались потерять влияние и власть, существовала реальная угроза не выдержать конкуренции с многочисленной польской шляхтой. Они не рассчитывали на какие-либо приобретения в Польше; просторов Великого княжества Литовского им было достаточно для деятельности, и литовская знать не желала делиться с «братьями-поляками» даже нереализованными возможностями.

Через несколько дней последовал литовский ответ на польское предложение. То, что больше всего волновало восточных союзников, было высказано открытым текстом. Литовцы понимали, что поляки устали за безрезультатно прошедший месяц сейма и новых витиеватых уверток могли не снести.

«Не меньшее унижение для нас и то, что в этой записке вы, господа, хотите от нас вещей, противных нашим законам и вольностям, — вы хотите, чтобы почести и должности Великого княжества Литовского давались безразлично вам и Литовцам, если у вас будет какая-нибудь оседлость в Литве, а иные должности хотите получать даже независимо от оседлости. Какая, господа, нам польза от таких должностей, которых бы Литовец не мог занимать?»

Яростной литовской атаке подверглись и другие пункты унии; зажатая со всех сторон врагами, Литва упорно не желала жить в «братской любви» по польским правилам. Она требовала больших прав для себя, чем полагалось Польше.

«Королевство Польское и Великое княжество Литовское вечные времена будут избирать одного общего государя — короля Польского и его же великого князя Литовского, общими голосами, при равном числе избирателей». А ведь население Польши было многочисленнее и по логике должно выставить большее количество избирателей.

«Место избрания должно быть на границе обоих государств, чтобы с равным удобством можно было прибыть на этот акт избрания как господам Полякам, так и господам Литовцам».

«Акт утверждения присягой всех прав, вольностей как королевства Польского, так и Великого княжества Литовского будет дан королевству за печатью королевства, а Великому княжеству Литовскому — за печатью Литовскою».

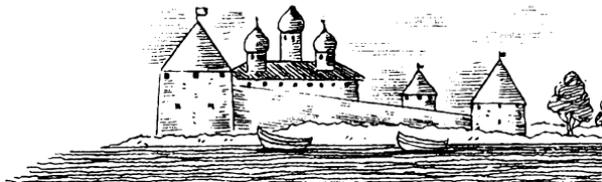
«Всякая монета должна быть в обоих государствах одинакова и одинакового весу. Поэтому для лучшего порядка в этом деле новая монета и монетный двор могут быть разрешаемы в королевстве и в Литве... притом монета должна быть с надписью великого князя Литовского».

Литовцы продолжали цепляться за все мыслимые и немыслимые атрибуты самостоятельности. Лишь в одном вопросе они выразили безоговорочную готовность объединиться с Польшей:

«О защите. Всегда, на вечные, последующие времена, у обоих этих государств и народов — королевства и Литовского княжества, против всякого неприятеля имеет быть общая защита, какая по взаимному согласию будет обдумана и постановлена, как самая лучшая и самая полезная».

Поляки оставались непреклонны, и их можно было понять. Общую мысль выразил один из участников сейма:

«Если мне придется иметь унию, похожую на тень человека, то на такую унию я и мои избиратели не согласны, потому что я знаю, что меня ждет, когда я соглашусь на унию: я должен буду давать Литве помощь моею жизнью, моим имуществом. Таких жертв я не желал бы приносить, если уния будет такою, какая была до сих пор; но на хорошую унию я соглашусь. Если мы получим такую унию, как обсудили, то мои избиратели охотно согласятся принять на себя вышеуказан-

ные тягости, увидев, что государство распространилось и составляет уже одно целое...»

Столкнулись польская и литовская гордыни, но поскольку польская сторона на тот момент была значительно могущественнее, то результат нетрудно предугадать. Поляки не торопились оказывать военную помощь, ничего не получая взамен. Польский сейм, видя безнадежность попыток склонить литовцев к подписанию унии, обратился к королю Сигизмунду. Монарху тоже изрядно надоело затянувшееся дело, и он решил своей высочайшей властью соединить два государства. Вот только объявлять высочайшую волю было некому: 28 февраля королю донесли, что многие литовцы уехали с сейма, а 1 марта последние депутаты покинули Люблин и бежали к себе на родину.

Разозленный король приказал аннексировать часть литовских земель — Волынь, Подлесье, а также отдал Польше свои литовские имения. При этом Сигизмунд пригрозил шляхте присоединенных земель, что если кто откажется присягнуть на верность королю, то лишится своих имений и должностей. Собственно, никто и не собирался сильно сопротивляться: слишком уж манили вольности польской шляхты, а для депутатов от присоединенных земель тотчас же отвели места в польском сенате.

Лишь один человек, владения которого находились на аннексированных землях, отказался принести присягу королю. То был подканцлер Великого княжества Литовского Евстафий Волович. Высокий сановник заявил, «что он уже раз присягал в Литве, что другому государству не может принести присяги». Спустя некоторое время его примеру последовали подлесский воевода и подлесский кастелян — за что и поплатились своими должностями.

Тем временем жители Бельска и Брянска заявили о своем желании присоединиться к Польше. Тут даже литовские магнаты поняли, что у них нет иного пути, кроме как продолжить переговоры об унии. Чтобы поторопить литовцев с принятием правильного решения, король 5 июня 1569 года объявил о присоединении Киева к Польше. Буря возмущения с литовской стороны по поводу этого акта прошла ско-

ро, и 24 июня, как гласит дневник сейма, «литовцы уже на все согласны».

27 июня польские и литовские депутаты наконец достигли соглашения по унии. Она была принята в первоначальном польском варианте, лишь за немногим смягчением формулировок статей по просьбе литовской стороны.

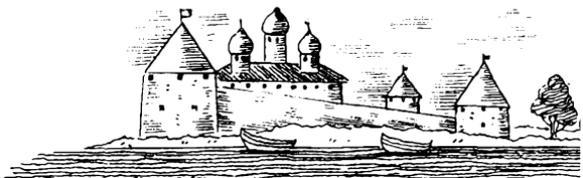
На следующий день документы были подписаны в торжественной обстановке. 28 июня 1569 года считается днем официального соединения Польши и Литвы в одно государство — Речь Посполитую.

Реванш Речи Посполитой

В 1572 году умирает король Сигизмунд-Август. Он не оставил наследников и потому стал последним правителем из литовской династии Ягеллонов. Начались поиски нового монарха. Они, как правило, были долгими, потому что поляки привыкли устраивать что-то вроде аукциона: какой претендент больше пообещает сделать для Польши, а главное, для шляхты, тот и получал трон. В числе соискателей назывались Иван Грозный и его сын. Впрочем, поляки не рассчитывали много получить от русского царя и потому едва ли рассматривали его кандидатуру всерьез. Но литовцы повели дипломатическую игру...

Переговоры разожгли аппетит Ивана Грозного. Их дальнейшее затягивание грозило неприятностями для Литвы, ее земли в случае конфликта попадали под удар, а царь, подозревая, что его водят за нос, потребовал от Речи Посполитой послов для принятия окончательного решения. Поляки игнорировали нетерпение царя, и литовская Рада в начале 1573 года вынуждена была отправить к Ивану от себя посла Михаила Гарабурду.

Надо отдать должное Ивану Грозному, он считал нереальной перспективу своего избрания польским королем и даже обрадовался, что в переговоры вступили одни литовцы. Трудное положение Литвы вселяло в него надежду на объединение русских земель под владычеством московского царя.

Михаил Гарабурда изложил царю условия избрания в короли его или сына: прежде всего требовалась гарантия ненарушения прав и вольностей шляхетских; далее Иван должен уступить Литве четыре города — Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище; если же царевич Феодор будет избран в короли, то отец должен дать ему еще несколько городов и волостей.

Царя такие требования изрядно разозлили, но все же он продолжил торг:

«...Ты говорил о подтверждении прав и вольностей: дело известное, что в каких землях какие обычаи есть, отменять их не годится. Ты говорил, чтоб мы возвратили Литве Смоленск и Полоцк, Усвят и Озерище. Это пустое: для чего нам уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вам дам сына своего, князя Феодора, к убытку для своего государства?.. Корона Польская и Великое княжество Литовское — государства не голые, пробыть на них можно, а наш сын не девка, чтоб за ним еще приданое давать».

И далее Иван Васильевич высказывает свое главное желание:

«А если бы Великое княжество Литовское захотело наше-го государствования одно, без Короны Польской, то нам еще приятнее. Мы на Великом княжестве Литовском быть хотим: хотим держать государство Московское и Великое княжество Литовское заодно, как были прежде Польша и Литва; титул наш будет, как прежде было сказано; а которые земли литовские забраны к Короне Польской, те будем отыскивать и присоединим их к Литве, кроме одного Киева, который должен отойти к Москве».

Уже перед самым отъездом из Москвы к литовскому послу пришли окольных Умный-Колычов, думный дворянин Плещеев, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы и сказали от имени Ивана:

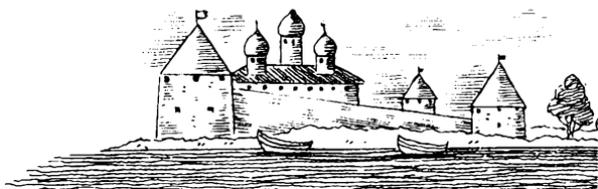
«Если Великое княжество Литовское хочет видеть его своим государем, то он на это согласен; и будьте покойны, Польша не бойтесь: государь помирит с нею Литву».

Если бы Москва имела достаточно сил надавить на Литву военной силой, то, возможно, объединение русских земель состоялось бы во времена Ивана Грозного. Но силы

оказались растрчены на борьбу с внешними и внутренними врагами. А тем временем поляки, вдоволь поиздевавшись над французским принцем Генрихом, избрали в короли воинственного семиградского князя Стефана Батория. Среди прочего он пообещал отвоевать все земли, отнятые Москвой.

Стефан Баторий принялся исполнять предвыборные обещания даже вопреки желанию подданных. Послы Ивана Грозного Карпов и Головин, вернувшиеся из Польши летом 1579 года, доносили, «что из литовской шляхты идут с Баторием немногие охочие люди, которые захотели идти на своих грошах, а которые не захотели, те нейдут; из польских панов и шляхты никто нейдет, кроме наемных людей. Говорил король панам и шляхте, чтоб шли с ним всею землею к Смоленску или Полоцку; но паны радные королю отговаривают, чтоб он от литовских границ войны не начинал. Король говорил им: если вы сами со мною идти не хотите, то дайте людей, я и без вас пойду; но паны ему отговаривают, чтоб к Полоцку и Смоленску никак не ходил, а стоял бы за Ливонию».

Упрямый венгр много перетерпел от своих подданных, привыкших за несколько столетий пользоваться королями, словно игрушками, однако в деле войны Баторий поступал по собственному усмотрению. «Величие Батория оказалось именно в том, что он успел преодолеть все эти препятствия. Как полководец, Баторий в Восточной Европе произвел тот переворот в способе ведения войны, какой уже давно произведен был на Западе», — восхищается военачальником русский историк. И далее С. М. Соловьев раскрывает причины успеха Батория: «...на престоле Польши и Литвы явился государь энергический, славлюбивый, полководец искусный, понявший, какими средствами он может победить соперника, располагавшего большими, но только одними материальными средствами. Средства Батория были: искусная, закалившаяся в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество над врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения».

Первейшей задачей стало отвоевание Полоцка, так как обладание древним городом открывало москвитам путь к литовской столице. Объединенное польско-литовское войско, усиленное отрядами немцев, венгров и прочих наемников, приблизилось к Полоцку.

Война была жестокой, словно сражались не братья-христиане, а чуждые друг другу культуры. «В то время как войско направлялось к Полоцку, — рассказывает Рейнгольд Гейденштейн, — москвиты умертвили мучительным образом польских и литовских пленников, которых с давнего времени держали в тяжелых оковах, и, привязав их трупы к бревнам, они спустили их по реке Двине навстречу шедшим, полагая тем возбудить в них ужас». Они лишь добавили решимости осаждавшим. Войско Батория из-за бездорожья лишилось подвоза провианта; поляки и венгры ели трупы падших лошадей, но все равно продолжали упорно штурмовать неприступные стены.

Однажды едва не погиб Стефан Баторий, ядро сразило всадника «подле самого короля». Наконец полусожженный город был взят. «Прежде всего, король хотел совершить богослужение и принести за настоящую победу благодарность Богу, но не мог войти в город вследствие сильного запаха от разбросанных повсюду трупов...»

Если осажденные безжалостно уничтожали пленных, а попавших и их руки немцев варили в котлах заживо, то Стефан Баторий проявил к пленным невиданную милость. Он не только сохранил им жизни и отпустил на свободу, но лично защищал имущество врагов от мародеров. «Король приложил величайшее старание, чтобы они не подвергались обидам со стороны солдат, и сам с крепости смотрел на уходящих; когда же один солдат, надеясь в толпе остаться незамеченным, стал некоторых грабить, то король бросился на него с булавою и прибил его. Такой поступок короля внушил неприятелям большое уважение к нему; чем больше до сих пор милость, верность (данному обещанию) неизвестны были людям, находившимся в крайнем порабощении, тем более удивлялись они в нем этим добрым качествам».

Не столько христианским состраданием руководствовался Баторий; у него были далеко идущие планы на русской

земле, и превосходный не только военачальник, но и политик играл в доброго царя — в противовес злему Ивану Грозному.

Старания польского короля оказались напрасными; война повелась без жалости и пощады — и с обеих сторон. При взятии небольшого городка Сокола отличилось разноплеменное войско Батория. Немцы, «желая отомстить за бедствия, претерпеваемые их соплеменниками в продолжение стольких лет от московской свирепой жестокости, новейший образец которой мы недавно видели при взятии Полоцка, умертвили всех и в том числе Шеина. Оставшиеся в крепости на коленах стали просить о пощаде, но при вторжении немецких солдат, убивавших без разбора всех, отчаявшись в спасении, опустили подъемную решетку, висевшую над воротами сверху, и перебили до 500 немцев, заперев их в крепости. Между тем Разражевский и некоторые немцы и поляки скоро разломали ворота, и когда последние были открыты, тогда одна часть защитников была перебита, другая, отчаявшись во всем, сгорела, бросившись в пламя. Повсюду происходило великое убийство, так что многие и, между прочими, Вейер, старый полковник, говоря о своем участии во многих сражениях, не задумывались утверждать, что никогда ни в одном месте битвы не видели они, чтобы так густо и тесно друг с другом лежали трупы. Многие из убитых отличались тучностью; немецкие маркитантки, взрезывая такие тела, вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это сделано было также у Шеина».

В 1580 году Стефан Баторий совершил новый поход против Московии. Выдающийся стратег до последнего момента скрывал направление главного удара: назначенное для войска место сбора находилось на равном расстоянии от Великих Лук и Смоленска. Учитывая давнее стремление Речи Посполитой вернуть Смоленск, воинственного короля московиты ждали именно под его стенами, а поляки упорно желали продолжать войну в Ливонии, но просчитались все. Баторий решил отрезать Ливонию от Московии и таким образом убить сразу несколько зайцев.

Польско-литовскому войску, как обычно усиленному разноплеменными наемниками, удалось довольно легко овла-

деть Великими Луками, Велижем, Усвятами и в следующем году подойти к Пскову. Город успел подготовиться к встрече: по данным польской стороны, его защищало до 7000 конницы и до 50 000 пехоты, а включая городских жителей, которые несли воинскую службу, Баторию противостояло до 100 000 человек. Король скоро понял, что на пути встало неодолимое препятствие, но почти пять месяцев потратил на его осаду, надеясь либо на ошибку врага, либо на чудо. Однако чуда не произошло.

Героическая оборона Пскова смогла остановить опасного врага, но в целом Ливонская война для Москвы была проиграна. В январе 1582 года было заключено Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой. Россия отказывалась от Ливонии и земель Великого княжества Литовского (включая Полоцк), завоеванных Стефаном Баторием во время первого похода. Великие Луки и близлежащие городки были возвращены Московии.

Стефану Баторию удалось остановить процесс поглощения Москвой Великого княжества Литовского. Он лишил Москву завоеваний в Ливонии, и вновь Россия начнет мечтать о Балтийских берегах лишь при Петре I. Лишь одной победы не смог одержать воинственный король — не удалось ему победить своеволие собственных подданных, которое в итоге и погубило великую державу.

Как когда-то римские историки восхищались гением их заклятого врага — Ганнибала, так истинный патриот России С. М. Соловьев не может удержаться от лестных слов в адрес короля, доставившего множество неприятностей его родине:

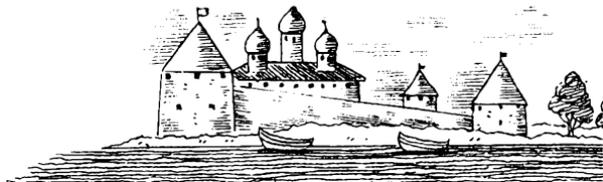
«Баторий принадлежал к числу тех исторических лиц, которые, опираясь на свои личные силы, решаются идти наперекор уже установившемуся порядку вещей, наперекор делу веков и целых поколений, и успевают вовремя остановить ход неотразимых событий; эти люди показывают, какое значение может иметь в известное время одна великая личность, и в то же время показывают, как ничтожны силы одного человека, если они становятся на дороге тому, чему рано или поздно суждено быть. Явившись случайно на польском пре-

столе, Баторий предположил себе целью утвердить могущество Польши, уничтожив могущество Московского государства, и, по-видимому, достиг своей цели: победил, унизил Иоанна IV, отнял у него балтийские берега, обладание которыми было необходимым условием для дальнейшего преуспения, для могущества Московского государства; но когда он вздумал нанести этому государству решительный удар, то внутри собственной страны встретил тому препятствия, приготовленные веками и сокрушить которые он был не в состоянии: то было могущество вельмож, преследующих свои личные цели и согласных только в одном стремлении — не давать усилиться королевской власти».

Лев Сапега

Как мы видели, образование Великого княжества Литовского произошло без кровопролитных битв и сожженных городов, настолько тихо и мирно, что даже летописцы в основном пропустили это событие. Однако и далее множество судьбоносных событий решалось не острием меча, но кончиком пера. Умнейшие образованные люди как солдаты из сказочной табакерки появлялись на политическом небосклоне Великого княжества Литовского и упрямо вели государство, окруженное могущественными врагами, словно корабль между Сциллой и Харибдой. Одним из таких лоцманов был Лев Сапега.

Его страсть к знаниям может служить примером для всех, кто стремится достичь в жизни каких-либо высот. В семилетнем возрасте он стал учеником частной школы при дворе князя Николая Радзивилла Черного. Образовательный уровень заведения был весьма высок: здесь изучали философию и богословие, иностранные языки и литературу. В тринадцать лет Сапега мог изъясняться, кроме родного, на немецком, польском, латинском и греческом языках. Затем он продолжил обучение в Германии, в Лейпцигском университете. Юная душа жадно впитывала все: идеи Платона и Аристотеля, вольнолюбивые веяния Реформации и европейского Возрождения.

После окончания Лейпцигского университета Сапега остался наедине со своими знаниями и мечтами. Он желал быть полезным отечеству, но не представлял, где его место. Тем более сложно было устроиться на службу, что за время, проведенное в Европе, Лев успел вдохнуть полной грудью воздуха свободы. «До этого времени не умел подхалимничать, а учиться уже поздно...» — жалуется Сапега в письме Крыштофу Радзивиллу.

Радзивилл помог юноше необычным способом. Он послал Сапегу к Стефану Баторию — королю Речи Посполитой по мелким имущественным делам. Расчет оказался верным: Сапега попал на прием к монарху; его безукоризненное владение латынью, рассудительность, блестящая образованность были замечены Баторием. 23-летний Лев Сапега получает должность королевского писаря, а в следующем году назначается писарем Великого княжества Литовского.

В 1584 году король поручает 27-летнему Сапеге возглавить посольство в Москву, целью которого было достижение мирного соглашения. Сапегу сопровождало 275 человек прислуги и охраны; также с ним двигались купцы, которые везли товары на 177 возах.

Свою миссию Сапега исполнял в труднейших условиях. Когда посольство находилось в пути, умер царь Иван Грозный. Бояре дрались между собой за власть, черный люд занялся грабежами и поджогами богатых дворов и торговых лавок, Московия погружалась в хаос. В такой ситуации с людьми Сапеги не церемонились.

Сапега выказал твердость невзирая на то, что он и все посольство подвергались опасности. По словам С. М. Соловьева, «Лев Сапега, с целью застрашать новое московское правительство, объявил, что султан готовится к войне с Москвой; требовал, чтобы царь дал королю 120 тысяч золотых за московских пленников, а литовских освободил без выкупа на том основании, что у короля пленники все знатные люди, а у царя простые; чтоб все жалобы литовских людей были удовлетворены и чтоб Федор исключил из своего титула название Ливонского».

Новый царь и его погрязшие в склоках бояре меньше всего хотели воевать с энергичным Стефаном Баторием и по-

тому пошли на многие уступки. От титула царя Ливонского Федор не отказался, мотивируя тем, что он достался от отца, а вот 900 литовских пленников, которые не чаяли остаться в живых, были отпущены на свободу. Между Речью Посполитой и Москвой было заключено перемирие сроком на десять лет.

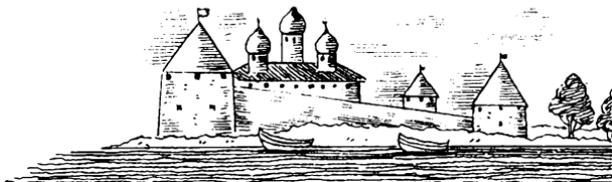
Дипломатический успех Сапеги был оценен и вознагражден королем. В феврале 1585 года он получает должность подканцлера Великого княжества Литовского, а в июле 1586 года назначается пожизненным старостой Слонимского воеводства — доходы с которого шли непосредственно Сапеге. То были последние милости могущественного покровителя: 12 декабря 1586 года король Стефан Баторий умер.

К этому времени Лев Сапега имел опыт, общественное положение и мог не только обходиться без покровителя, но сам делал политику Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, да и всей Восточной Европы.

Во времена бескоролья положение Великого княжества Литовского было сложным, ситуацией собиралась воспользоваться Москва. И тогда политик предлагает фантастический план объединения Польши, Великого княжества Литовского и Московского государства в одну федерацию с единым королем. Возглавить супердержаву было предложено царю Федору Ивановичу.

Почему Сапега с легкостью предложил общий скипетр московскому царю? Сохранился портрет русского государя в письме Сапеги к папскому легату Болоньетти от 10 июля 1584 года: «Великий князь мал ростом; говорит он тихо и очень медленно; рассудка у него мало, или, как другие говорят и как я сам заметил, вовсе нет. Когда он во время моего представления сидел на престоле во всех царских украшениях, то, несмотря на скипетр и державу, все смеялся. Между вельможами раздоры и схватки беспрестанные; так и нынче, сказывали мне, чуть-чуть дело не дошло у них до кровопролития, а государь не таков, чтобы мог этому воспрепятствовать». В общем, при таком короле Сапега мог надеяться и далее проводить нужную ему политику.

Русский царь некоторое время был озадачен грандиозным планом, а затем включился в соперничество за польский

трон. Но там вели ожесточенную борьбу два более реальных конкурента: шведский королевич Сигизмунд Ваза и брат австрийского императора — эрцгерцог Максимилиан.

Идея объединения Польши, Великого княжества Литовского и Московии позволила некоторым исследователям представить Льва Сапегу сторонником идеи панславинизма — то есть объединения всех славянских государств. Но... Блистательный политик не мог не понимать, что народы Великого княжества Литовского и Московии, несмотря на родственность языка и религии, за времена оторванности друг от друга приобрели настолько разные взгляды на жизнь, что объединение могло произойти не иначе как через завоевание одного государства другим. Шляхта и магнаты Речи Посполитой, вырывавшие права и вольности у каждого нового короля, никогда бы не согласились добровольно жить по законам Москвы. Льву Сапеге просто необходимо было выиграть время. Он был настоящим господином ситуации и даже неблагоприятные моменты умел обратить в свою пользу, а заботился политик по большому счету только о Великом княжестве Литовском. Последующие события это подтвердят.

Сапега в полной мере воспользовался и польской неурядицей — вполне обычной в период междоусобия, когда один король умирает, а выборы следующего растягиваются на долгие месяцы. В это время он возглавлял комиссию по подготовке третьего Статута Великого княжества Литовского. За девятнадцать лет до этого состоялось соглашение с Польшей, получившее название Люблинской унии, которое многие литовцы продолжали считать национальным позором. Фактически новый Статут позиционировал Великое княжество Литовское как независимое государство, имеющее собственные законы и атрибуты власти, а Речь Посполитая становилась федерацией двух держав.

Литовский свод законов был составлен таким образом, что мог вызвать только ненависть поляков, но Сапега хитроумным способом заставил признать его.

Литовцы поддержали Сигизмунда Вазу накануне решающей битвы с Максимилианом. Послы Великого княжества Литовского — Глебович и Сапега — находились в это дра-

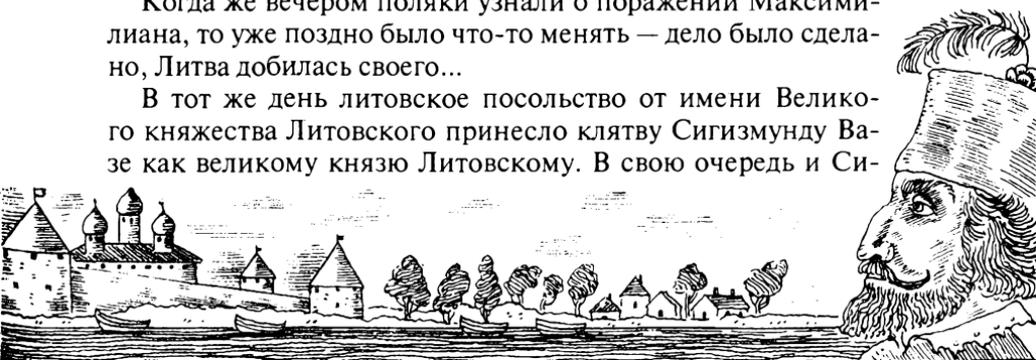
матическое время при его дворе, однако не спешили решать с ним свои вопросы.

«Литовцы сознательно затягивали переговоры, — описывает дальнейшие события В. Чаропка. — Война между Сигизмундом и Максимилианом еще не закончилась. Если б победил Максимилиан, то все договоренности с Сигизмундом утратили б свою силу. Не стоило спешить. Глебович и Сапега внимательно следили за событиями. Литовские шпионы находились в двух враждующих войсках. Все время оттуда шли вести. Приближалась решающая битва. Литовцы сделали все возможное, чтобы иметь новости с поля битвы раньше, чем Сигизмунд и его окружение. По дороге в Краков стояли смелые лошадей. Свои действия литовцы сохраняли в тайне. Наконец, 24 января под местечком Бычина в Силезии состоялась решающая битва. Войско Яна Замойского разгромило войско Максимилиана. Эрцгерцог попал в плен. Литовские шпионы понесли эту весть в Краков. Не отдыхали, меняли коней — и в путь. На полтора дня опередили они польских вестников. Глебович и Сапега единственные в Кракове узнали о победе Замойского. Вот он подходящий момент для удара в этой напряженной и хитрой дипломатической битве. 27 января литовское посольство заявило, что если Сигизмунд и польский коронационный сейм не примут условий Великого княжества, то послы, не признав Вазу великим князем, покинут Краков. Ультиматум!

Решительность литовцев испугала Сигизмунда и его приближенных. Не зная о победе Замойского и испугавшись перехода Литвы на сторону Максимилиана, коронационный сейм уступил литовским требованиям и вынудил признать их и Сигизмунда. Таким образом Сигизмунд... обещал передать половину Ливонии Литве и без изучения и обсуждения утвердил Статут. Это была одна из самых ярких побед в истории литовской дипломатии...

Когда же вечером поляки узнали о поражении Максимилиана, то уже поздно было что-то менять — дело было сделано, Литва добила своего...

В тот же день литовское посольство от имени Великого княжества Литовского принесло клятву Сигизмунду Вазе как великому князю Литовскому. В свою очередь и Си-

гизмунд дал клятву послам в сохранении и преумножении прав, свобод и вольностей княжества. А 28 января он утвердил и Статут...»

Этот Статут действовал 252 года и был отменен лишь в 1840 году при Николае I.

Сапега был разным: коварным и благородным, бескомпромиссным и склонным учитывать чужие мнения, щедрым и бережливым, — но всегда высшим мерилom для него была общественная польза. В донесении королю Сигизмунду о делах московских Сапега выражает свое видение благополучного государства:

«В обществе благоустроенном позволительно быть другом или сродником, но прежде всего должно быть гражданином; разум и опыт согласны в том между собою. Величие Греции и Рима с тех пор поколебалось в основании своем, как начали уклоняться от строгого наблюдения сей истины и перетолковали ее наоборот; гибельны были следствия такового заблуждения. Скоро выгоды частные взяли перевес над выгодами общественными, голос любви к отечеству замолк перед голосом корысти; повреждение нравов не мешало порыву страстей, число продажных душ увеличивалось, потухла любовь к отечеству в Греции, в Риме не видать стало ничего римского; наконец преступления и пороки, терпимость злодеяния и бесчеловечия приблизили мгновение совершенного разрушения толикой славы этих колоссов, которая и теперь еще нас изумляет. Так отмщевает истина за пренебрежение законов справедливости!»

Союз христианских церквей

9 октября 1596 года на церковном соборе в Бресте был подписан документ, провозгласивший объединение католической и православной церквей на территории Великого княжества Литовского. Давняя мечта лучших умов человечества о воссоединении христиан сбылась (по крайней мере, в границах одного государства).

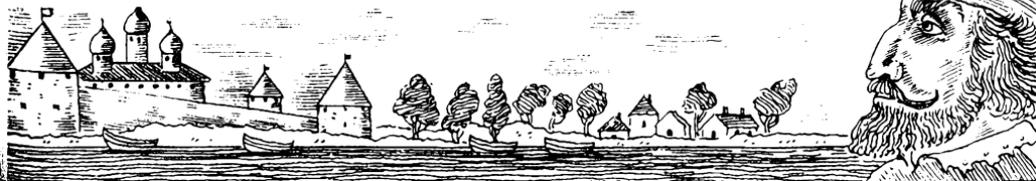
Великое княжество Литовское с начала своего существования было государством, чрезвычайно пестрым в религиозном плане. Веротерпимость охранялась государством, но одних лишь его усилий было недостаточно для избегания конфликтов на религиозной основе. Толерантность укоренилась в умах и простолюдинов, и представителей знати.

Обычным явлением стали браки между православными и католиками, лютеранами, кальвинистами... Общество перемешивалось задолго до знаменитого акта унии. Исследователь этого процесса в религиозной жизни Великого княжества Литовского С. А. Подокшин приводит следующий факт о главе православной антиуниатской партии Константине Острожском:

«Его отец — великий гетман Великого княжества Литовского К. И. Острожский, который прославился победой в битве под Оршей (1514 год), — происходил из туровских князей, мать — княгиня Александра Слуцкая, жена — дочь краковского каштеляна Софья Тарновская — католичка, сын Януш — также католик, дочери — замужем за протестантами Христофором Радзивиллом, Янушем Кишкой. Таким образом, надо было вернуть мир в общество, согласие в семье, и многие надеялись, что это может сделать уния».

Православная церковь Великого княжества Литовского имела свои особенности. Она лояльно относилась к прочим христианским конфессиям и к новым демократическим веяниям, которые мощным потоком шли с Запада.

«Характер западного, белорусско-украинского, православия очень метко подметил русский православный князь-эмигрант Андрей Курбский, — анализирует тот же С. А. Подокшин. — В своих посланиях к Ивану Грозному Курбский отмечал, что православное сообщество Великого княжества Литовского существенно отличается от московского, потому что здесь в почете не только богословие, но и светские науки, философия, логика». То есть западное православие было вполне готово к трансформации, вроде союза с католиками. Пылкий ум жаждет изменений, новизны; лишь равнодушный к познанию человек может довольствоваться застывшими догмами и не желает ничего менять ни в себе, ни вокруг

себя. Возрождение привело к возникновению новых христианских течений: англиканства, кальвинизма, лютеранства, — и в этой связи уния православных и католиков не кажется таким уж удивительным и необычным явлением.

Казалось, православный мир Великого княжества Литовского должен был тянуться к восточной соседке — духовная общность предполагала такое явление. Но... Западное православное духовенство принимало материальную помощь Москвы, пользовалось дипломатической поддержкой, но не стремилось к тесному союзу. Более того, восточная сестра пугала и невольно отталкивала западных православных концепцией истинного единого православия, которое должно существовать непременно под эгидой московского патриарха. А над патриархом, согласно византийской традиции стоял царь. Пугал и жестокий диктат, произвол самодержавия, тем более неприемлемый в сравнении с веками поощрявшейся гражданской и религиозной свободой, охраняемой правовыми нормами и сложившимися традициями. Православный мир Великого княжества Литовского отнюдь не стремился оказаться под властью московского самодержавия, не терпящего никакого другого мнения, кроме собственного. Инкорпорация, даже в духовном плане, не устраивала западное православие до такой степени, что оказался предпочтительнее союз с католическим Римом.

Еще один момент... В XVI веке православная церковь фактически не имела единого центра. Номинально православный мир подчинялся константинопольскому патриарху. Последний находился в полной власти у турецкого султана и не осуществлял практического руководства церковью: для отца церкви главной была проблема собственного выживания. Естественно, такой патриарх не мог пользоваться большим уважением паствы.

Само западное православное духовенство порядком растеряло авторитет у прихожан своим стяжательством. Для XVI века характерны позорные имущественные процессы в среде духовенства, на которых в конечном итоге наживались королевские и великокняжеские чиновники.

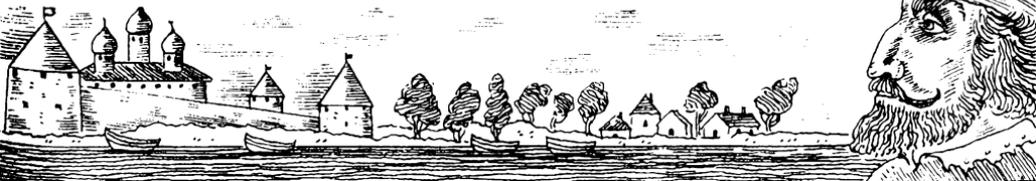
В 1534 году полоцкий воевода судил монахов Предтеченского монастыря с их архимандритом; монахи жаловались, что архимандрит берет себе следующую им половину доходов. Архимандрит оправдывался тем, что когда полоцкий воевода или его урядники приезжали в монастырь, то архимандрит и чернецы вместе их угощали и одаривали, но затем чернецы не перестали помогать ему в приеме пана воеводы.

В 1540 году девятью шляхтичами, четырьмя мещанами и возным рассматривалась жалоба монахов Уневского монастыря на львовского епископа Макария, поданная королю и митрополиту. Макарий оправдался, но потом признался, что дело это стоило ему двадцати волов, которых он подарил пану Краковскому. Монахи, в свою очередь, были вынуждены сознаться, что жаловались на епископа только для того, чтоб высвободиться из-под его управления вопреки королевской грамоте, по которой монастырь их был отдан в управление Макарию.

Через пятнадцать лет, в 1555 году, в криминальных хрониках Средневековья возникает все тот же Уневский монастырь; его архимандрит жаловался митрополиту Макарию на грабительство львовского епископа Арсения.

В дела церкви активно вмешивалась светская власть, что никому не шло на пользу. «В 1554 году митрополит Макарий жаловался королю, — рассказывает С. М. Соловьев, — что княгиня Слуцкая приказывает заместникам своим вступать в дела духовные, судить священников, сажать их в заключение, разводить мужей с женами; когда митрополит за двукратную неявку к суду запретил отправлять службу слуцкому архимандриту Никандру, то последний митрополичьей грамоты не захотел и читать, службу, присланного с нею, прибил, а сам прибегнул к покровительству княгини Слуцкой, которая за него заступилась. Король запретил княгине подобные поступки». Речь здесь идет о воинственной княгине Слуцкой, которая участвовала в походе Стефана Батория на Московию.

Шляхетская греховная гордыня не исчезала с принятием духовного сана: в 1548 году полоцкий архиепископ Симеон подал жалобу королю на митрополита Макария, что тот поставил его ниже владыки Владимирского.

Печальные события происходили даже в такой православной святыне, как Киево-Печерский монастырь. «В 1522 году вследствие челобитной, — описывает события С. М. Соловьев, — поданной королю Сигизмунду I монахами Киево-Печерского монастыря, восстановлена была у них община, которая пала от обнищания монастыря после татарских нашествий. Но восстановленная община существовала только при одном архимандрите Игнатии, преемники которого уничтожили ее для своих выгод, отдавая доходы монастырские детям своим и родственникам. Монастырь начал приходить в упадок, и старцы в половине века снова обратились к королю Сигизмунду-Августу с просьбою о восстановлении общины». Королю пришлось регламентировать жизнь монастыря, чтобы вновь избежать его разорения. Среди рекомендаций числятся и такие: «за погребение монахи должны брать то, что им дадут, а не торговаться», «монах, желающий выйти из монастыря, келью свою не продает, берет только движимое имущество», «чернецы не могут держать у себя бельцов, мальчиков и никакой живности».

Идея объединения христианства много столетий витала над миром, и впервые материализовалась во Флорентийской унии 1439 года. Однако слишком сильными оказались обстоятельства, которые препятствовали союзу Константинополя и Рима, а скорая гибель Византии отодвинула грандиозный проект. Ему было суждено возродиться на территории Великого княжества Литовского. Толерантная земля Великого княжества оказалась благодатной почвой. Горький опыт Флорентийской унии был учтен на землях Великого княжества Литовского, новый церковный союз пытался удовлетворить интересы двух сторон как можно более полно — без широких компромиссов он просто бы не состоялся. Собственно, потому уния и осуществилась, что религиозно пестрое население Великого княжества Литовского привыкло искать компромиссы и знаковый союз был воспринят, как один из путей решения проблем совместного проживания.

Интересно отношение к унии канцлера Великого княжества Литовского. Сапега неоднократно демонстрировал ре-

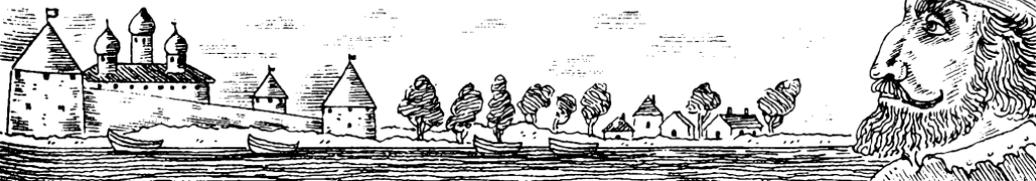
лигиозную всеядность. Во время учебы в Лейпцигском университете он сменил свое православное вероисповедание на протестантское (кальвинизм). В 1586 году Сапега переходит из кальвинизма в католичество; на этот раз его религиозные воззрения не имели значения — католику было проще сделать политическую карьеру. На церковном соборе он выступил с пламенной речью в защиту унии.

Лев Сапега понимал, что с подписанием унии не установится сразу мир между католиками и православными, что создание национальной церкви — это долгий и трудный процесс. И это при том, что многие из знати не поняли значение унии, еще меньше понимания было у крестьян и горожан. Но Сапега проявлял истинно христианское терпение и твердо придерживался им же написанного Статута. В. Чаропка пишет по этому поводу: «На своем примере Сапега показывал идеал, как он это понимал, межконфессиональных отношений».

В то время, когда увеличивалась в Речи Посполитой нетерпимость к иному вероисповеданию, когда православный Константин Острожский называл папу антихристом и угрожал католикам и униатам войной, когда католик Юрий Радзивилл жег Библию, напечатанную его отцом-протестантом, когда униат Кунцевич закрывал православные церкви, Сапега строит и католические, и униатские, и православные храмы, основывает при них школы, издает православную литературу. Грозно звучит предупреждение Сапеги тем, кто сеял рознь между христианами: «Каждого такого я сейчас вызываю на суд Божий страшный, и с ним на том на страшном суде Христовом судиться хочу, где ему это пусть не будет прощено».

Ревностный проводник унии — могилевский архиепископ Юзафат Кунцевич проповедовал соединение церквей не только словом, но и делом. Он закрыл православные церкви в своей епархии. Сапега почувствовал, что ничем хорошим такое усердие не закончится. В письме к Кунцевичу от 12 марта 1621 года он настоятельно советует отказаться от насилия и не насаждать унию принудительно.

Архиепископ не услышал мудрые слова канцлера, православных в епархии Юзафата Кунцевича все так же встречали

заколотые двери церквей. Кончилось тем, что в 1623 году восстали жители Витебска и убили Кунцевича, а также несколько человек из его окружения.

Лев Сапега считал, что в происшедшем более всего виновен сам растерзанный могилевский архиепископ, но закон есть закон, и убийцы должны быть наказаны. Канцлер сам возглавил комиссию по розыску виновных. Двадцать человек было приговорено к смертной казни.

Канцлер литовский и Смутное время России

В 1601–1603 годах Россию поразил страшный голод, жертвами которого стало около полумиллиона человек. Крестьяне объединялись в разбойничьи ватаги и таким образом добывали себе пропитание. Россия напоминала пороховую бочку, когда в 1604 году в Польше появился молодой человек и объявил себя чудесным образом спасшимся царевичем Дмитрием — сыном Ивана Грозного. Появился очень вовремя...

«Доцарская» жизнь Лжедмитрия I полна разноречивых сведений. Впрочем, достаточно ясно, что без поддержки сильной руки подобная авантюра была бы не по плечу юноше, еще недавно безвестному, не обладавшему авторитетом ни в каких кругах, ни в какой стране. Талантливый кукловод подготовил сцену и зрительный зал для появления этого чертика из табакерки.

Опытный следователь начинает разматывать клубок преступления с постановки вопроса: кому это выгодно? В нашем случае ослабление Московской Руси с любыми последствиями было выгодно в первую очередь ее извечному сопернику — Великому княжеству Литовскому. А здесь у руля находился наш старый знакомый — канцлер Лев Иванович Сапега.

В октябре 1600 года в Москву прибыло посольство; его задачей было заключение мира между Речью Посполитой и Россией.

Посольство возглавил канцлер — номинально второе лицо в Великом княжестве Литовском по должностному рангу, а фактически первое. Даже для миссии заключения вечного мира — это уж слишком. Другое дело, если у посольства имелись другие цели. И действительно, Лев Сапега вновь принялся зондировать фантастическую идею: объединения в одно государство Польши, Литвы и Московской Руси. Канцлер предложил царю примерно такие же условия, на которых была заключена Люблинская уния между Польшей и Литвой.

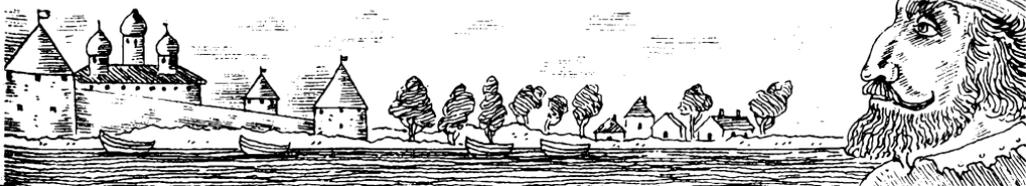
Борис Годунов, недавно избранный царем и чувствовавший себя неуверенно, не мог решиться на подобный шаг. Впрочем, в проекте Сапеги были статьи, согласиться на которые русские в принципе не могли. Например, такая: «Тем русским, которые приедут в Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать веру русскую; а которые из них поселятся там, приобретут земли, таким вольно на своих землях строить церкви русские. Тем же правом пользуются поляки и литовцы в Московском государстве, держат веру римскую и ставят римские церкви на своих землях».

Восточнорусское православие в отличие от западного, литовского, не терпело никаких компромиссов в вопросах веры, а католиков в Москве считали более вредоносными, чем протестантов и даже мусульман.

Московские власти долго и упорно торговались из-за Ливонии, они хотели вернуть хотя бы часть ее. Сапега, чтобы исключить эту территорию как предмет для обсуждения, сказал, что не имеет полномочия говорить о ней. Думный дворянин Татищев на это закричал: «Не лги, мы знаем, что у тебя есть полномочие».

Сапега ответил ему в тон — совсем не дипломатично. Он видел, что проект провалился, и быть любезным более не имело смысла. «Ты, лжец, привык лгать, я не хочу с таким грубияном ни сидеть вместе, ни рассуждать об делах». С последними словами Сапега встал и вышел.

Переговоры всячески затягивала московская сторона, потому что параллельно шел торг со шведскими послами. Еще в начале визита послов Речи Посполитой не допускали к царю под предлогом, что «у государя болит большой палец на ноге».

Лишь в августе 1601 года посольство оставило Москву и тронулось в обратный путь. Долгие и трудные переговоры окончились подписанием двадцатилетнего перемирия. Литовский канцлер уезжал сильно озлобленным на принимавшую сторону. Его идея не материализовалась, но Сапега не такой человек, чтобы отказываться от мечты, пусть даже самой фантастической. При этом он мог изменить способы ее воплощения, мог изменить действующих лиц в давно задуманной пьесе.

Однажды при дворе князя Адама Вишневецкого возникает молодой человек и открывает страшную тайну: он — царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного — чудесным образом спасшийся в Угличе. Он настолько убедительно рассказывал историю своей необыкновенной жизни, что, пожалуй, сам уверовал, что является царским сыном. Люди здравомыслящие приняли бы его рассказы за розыгрыш, однако поверили все, кому поверить было необходимо — в том числе князь Вишневецкий.

Подтверждение, так сказать, подлинности царевича Дмитрия поразительно вовремя пришло от самого влиятельного человека Великого княжества Литовского. Рассказывает польский хронист Иосиф Будило: «В это время приехал в Жулловцы к князю Константину Вишневецкому слуга канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги и сообщил, что служил в Угличе у царевича Димитрия, что у царевича были знаки на челе, а когда увидел их на Димитрии [самозванце], то признал в нем настоящего сына великого князя Московского Ивана Васильевича, Димитрия Ивановича».

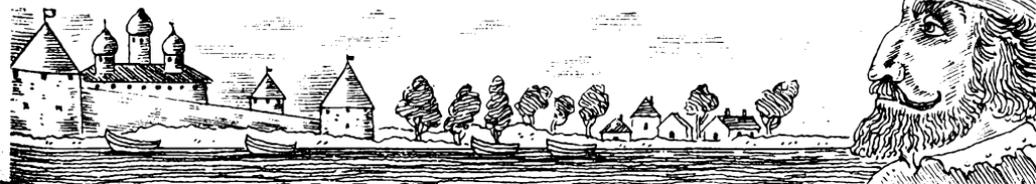
«...Вопрос: кем же был подставлен самозванец? — рассуждает С. М. Соловьев. — Кто уверил его в том, что он царевич Димитрий? Кому было выгодно, нужно появление самозванца? Оно было выгодно для Польши, Лжедимитрий пришел отсюда, следовательно, он мог быть подставлен польским правительством. Кого же мы должны разумать под польским правительством? Короля Сигизмунда III? Но характер последнего дает ли нам право приписать ему подобный план для заведения смут в Московском государстве? И осторожное, робкое поведение Сигизмунда в начале деятельности са-

мозванца дает ли основание предполагать в короле главного виновника дела? План придуман кем-нибудь из вельмож польских? Указывают на Льва Сапегу, канцлера литовского. Сапега два раза был в Москве послом: один раз — при царе Феодоре, другой — при Борисе, и в последний раз приехал из Москвы с сильным ожесточением против царя; когда самозванец объявился у князя Вишневецкого, то Петровский, беглый москвич, слуга Сапеги, первый явился к Вишневецкому, признал Отрепьева царевичем и указал приметны: бородавки на лице и одну руку короче другой. Потом Сапега является сильным поборником планов Сигизмунда против Москвы, ожесточенным врагом нового царя Михаила, восшествие которого расстраивало его планы; в царствование Михаила, до самой смерти своей, держит под рукою, наготове, самозванца, несчастного Лубу, как орудие смут для Москвы. Любопытно, что и наш летописец злобу поляков и разорение, претерпенное от них Московским государством, приписывает раздражению Льва Сапеги и товарищей его за то, что они видели в Москве много иностранного войска. Наконец, некоторые рассказывают, что после сражения при Добрыничах самозванец издал манифест, в котором, между прочим, говорил, что был в Москве при посольстве Льва Сапеги; такого манифеста, впрочем, не сохранилось, и в дошедшем до нас ни слова не упоминается об этом обстоятельстве. Как бы то ни было, если заподозрить кого-нибудь из вельмож польских в подстановке самозванца, то, конечно, подозрение, прежде всего, должно пасть на Льва Сапегу...»

Польский историк Г. Люевич считает, что Лев Сапега еще при Стефане Батории «принадлежал... к кругу людей, формировавших политику Речи Посполитой относительно Москвы и одновременно был доверенным исполнителем королевских планов в этой области».

Современные исследователи называют Льва Сапегу крестным отцом русской Смуты и даже подозревают, что он содержал целый инкубатор российских лжецарей. Жак Маржерет, служивший Лжедмитрию I, передает ходившие слухи о самозванце, в дошарской жизни Григории Отрепьеве:

«Те же, кто считают себя самыми пронизательными, как иностранцы, знавшие его, так и прочие, приводят суждение,

что он был не русским, но поляком, трансильванцем или другой национальностью, взращенным и воспитанным для этой цели». Собственно, склонные к бунту казаки могли последовать за простым монахом Отрепьевым, но нужно иметь совершенно другой уровень, чтобы поверили бояре и князья — потомки Рюриковичей и Гедиминовичей. «Итак, — рассуждает француз, — если он был поляк, воспитанный с этой целью, то нужно было бы в конце концов знать кем; притом я не думаю, чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пятидесяти тысяч не найдется одного способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23—24 лет».

Французский наемник, охранявший царя, поверил, что Дмитрий Иванович — настоящий царь. Что ж, значит, образ сработан профессионалами, и, если невозможно подобрать актера на эту роль среди пятидесяти тысяч, значит, Сапега и иезуиты выбирали его из ста тысяч.

А вот мнение авторов современного учебника для вузов:

«Ряд исследователей высказывает предположение, что сам Отрепьев искренне уверовал в свое высокое происхождение и лицедействовал с внутренней убежденностью». Обладать такой убежденностью мог только человек, которого с детства готовили на должность царя.

Адам Вишневецкий передал новоявленного царевича Дмитрия сandomирскому воеводе Юрию Мнишеку. Юноша попал в надежные руки: он воспылил страстью к старшей дочери воеводы — Марине. Самозванец ради нее был готов на все: принял католичество, пообещал тотчас по вступлении на престол выдать Мнишеку миллион польских золотых, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из казны царской; отдать Марине Великий Новгород и Псков со всеми жителями, местами, доходами в полное владение. Юрий Мнишек милостиво дал согласие на обручение дочери и Дмитрия, но со свадьбой не спешили — она должна была состояться в Москве, после воцарения будущего зятя.

Король Сигизмунд внешне не принял никакого участия в судьбе Лжедмитрия и даже постарался отгородиться от самозванца. Но интерес к воскресшему чудесным образом царевичу у короля и магнатов был огромен; на сейме в 1605 го-

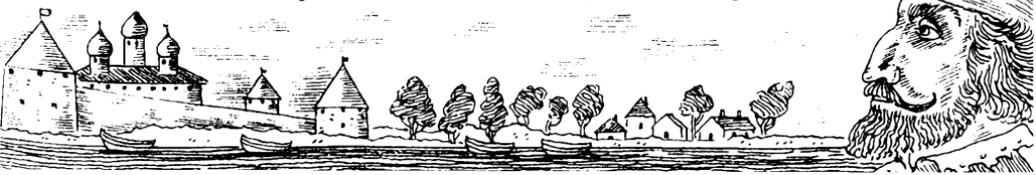
да долгое время обсуждался вопрос: оказывать ли содействие Дмитрию? Предприятие было слишком рискованным, Речь Посполитую на тот момент связывало мирное соглашение с Москвой; нарушать нормы международного права, когда в затылок дышала враждебная Швеция, когда с юга не давали покоя турки, было опасно.

Естественно, никто из власть имущих в Речи Посполитой не поверил в подлинность Дмитрия. По этому вопросу наиболее ярко высказался коронный канцлер и гетман Ян Замайский: «Что касается личности самого Димитрия, который выдает себя за сына известного нам [царя] Ивана, то об этом я скажу следующее: правда, что у Ивана было два сына, но тот — оставшийся, за которого он выдает себя, как было слышно, был убит. Он говорит, что вместо него задушили кого-то другого: помилуй Бог! Это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело: велеть кого-либо убить, а потом не посмотреть, тот ли убит, кого приказано убить, а не кто-либо другой! Если так, если приказано лишь убить, а затем никто не смотрел, действительно ли убит и кто убит, то можно было подставить для этого козла или барана».

Тем не менее тот же Замайский советует зорко следить за действиями «Дмитрия»: «По моему мнению, следовало бы как можно скорее послать кого-нибудь туда [к войскам самозванца], и узнать, что там делается, потому что мне кажется невероятным, чтобы там до сих пор не случилось какого-либо важного события».

Таким образом, магнаты приняли единственно верное решение: не вмешиваться в русские события и терпеливо ждать их развязки. Король и здесь оставил для себя лазейку: он не утвердил постановления сейма, которые запрещали подданным Речи Посполитой поддерживать самозванца и предписывали наказывать их за это. Тем временем паны, охочие до всякий воинских забав, точили сабли и на свой страх и риск отправлялись под знамена «царевича Дмитрия».

После провала предприятия ничто не мешало королю отмежеваться от неудачно завершившейся аферы. В речи Льва Сапеги на Варшавском сейме (1611 год) утверждается, что король «запрещал, рассылал универсал, чтобы люди не ходили с ним». Вроде бы все так и было, но если король что-то

и запрещал, то уж точно не наказывал нарушивших его запрет.

Польские шляхтичи были падки на всякого рода приключения, Юрию Мнишеку удалось собрать для будущего зятя войско в 1600 человек. Еще больше желающих поучаствовать в аванюре нашлось в русских землях. Донские казаки, прослышав о появлении нового царя, направили в Польшу двух атаманов. Тем понравился Лжедмитрий, казаки признали его государем словом и делом: войско претендента на московский трон увеличилось на 2000 человек — причем таких, для которых война, грабеж были единственными занятиями.

В октябре 1604 года войско Лжедмитрия (примерно в 4000 человек) пересекло границу Великого княжества Литовского и Московского княжества. Как ни удивительно, перед малочисленной армией один за другим распахивали ворота города: Чернигов, Путивль, Рыльск, Кромы... Численность его войска вскоре достигла 15000 человек. Борис Годунов был в панике, казалось, Провидение мстило ему за убийство несчастного ребенка в Угличе. Против Лжедмитрия была послана армия под началом князя Федора Ивановича Мстиславского; чтобы исключить измену, Годунов пообещал выдать за него свою дочь, с Казанью и Северскою землею в приданое. Две армии встретились под Новгородом Северским 18 декабря.

Мстиславский долго не решался начать битву, ждал подкреплений. «50 000 против 15 000 казалось ему еще мало!» — возмущается С. М. Соловьев. Скорее всего, дело было не в численном соотношении; на Руси поверили, что явился чудесным образом спасшийся сын Ивана Грозного, а поднять меч на прирожденного государя считалось страшным кощунством.

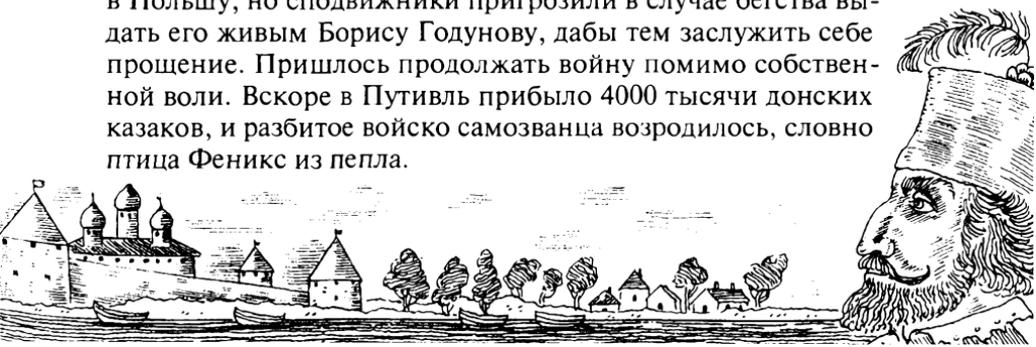
21 декабря Лжедмитрий первый начал битву. Царское войско не выдержало напора разноплеменного воинственного сброда, каким являлась рать самозванца. Князь Мстиславский был сброшен с лошади, получил несколько ран в голову и чудом избежал плена; войско его потеряло 4000 убитыми. «Словом, можно сказать, что у русских не было рук, чтобы биться, несмотря на то, что их было от сорока до пятидесяти тысяч человек. Армии, разойдясь в стороны, пребывали

в бездействии...» — рассказывает французский наемник Жак Маржерет, вначале участвовавший в войне против Лжедмитрия I, затем перешедший к нему на службу и получивший в командование один из отрядов дворцовой гвардии.

Казалось, авантюра была обречена на успех, но тут Лев Сапега пишет Юрию Мнишеку, что на его предприятие в Польше смотрят очень дурно, и настоятельно советует вернуться обратно вместе с поляками. Сандомирский воевода немедленно собирается в обратный путь под предлогом участия в сейме. Впрочем, не все поляки подчинились совету Сапеги и приказу своего воеводы; 1500 человек продолжили служить в армии самозванца, избрав гетманом Дворжицкого вместо Мнишека. Потери вследствие ухода части поляков восполнились с лихвой: к Лжедмитрию присоединилось 12 000 малороссийских казаков.

Почему Сапега принял решение лишить самозванца польской поддержки после внушительной победы, когда открылись широчайшие перспективы? Да потому, что тот прочно стоял на ногах и в польской помощи не имелось острой необходимости. Хитроумный канцлер запустил механизм и теперь пытался представить смуту, как чисто русское дело. Это подтверждают доклады Сапеги сейму, когда авантюра с первым Лжедмитрием провалилась. Всемогущий канцлер умел загребать жар чужими руками, на эти же руки можно списать пожар, если впоследствии он поглотит все предприятие.

Годунов приложил все усилия, чтобы разгромить самозванца, — значительно возросшая численно и получившая новых военачальников, его армия в январе 1605 года нанесла жестокое поражение Лжедмитрию под Добрыничами. Но что-то опять помешало добить его окончательно. Лжедмитрий укрылся в Путивле и оставался здесь до мая. Обозрев жалкие остатки своего войска, самозванец хотел было уехать в Польшу, но сподвижники пригрозили в случае бегства выдать его живым Борису Годунову, дабы тем заслужить себе прощение. Пришлось продолжать войну помимо собственной воли. Вскоре в Путивль прибыло 4000 тысячи донских казаков, и разбитое войско самозванца возродилось, словно птица Феникс из пепла.

Борис Годунов не находил себе места, он гневался на воевод, которые, уничтожив почти полностью войско самозванца, так и не смогли его убить или пленить. Полгода шла странная война, и полгода царь жил в страхе. И наконец организм не выдержал: 13 апреля 1605 года, когда царь встал из-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа; после двухчасовых страданий Борис Годунов умер.

Сын Бориса — Федор — царствовал недолго. 7 мая войско, которое должно было сражаться с Лжедмитрием, во главе с полководцем Петром Басмановым перешло на сторону самозванца.

Самозванец стоял в Туле, за сто шестьдесят верст от столицы, а Москва вдруг без боя и сражения оказалась в руках его невесть откуда взявшихся сторонников. Юного царя Федора Борисовича и его мать — царицу Марию — удавили самым жестоким образом. 20 июня 1605 года Лжедмитрий I под звон колоколов торжественно вступил в русскую столицу.

После Ивана Грозного, уничтожавшего под корень древние фамилии и репрессировавшего целые города, Россия мечтала о добром царе. Мнимый сын царя Грозного и был таким. «Когда поляки советовали ему принять строгие меры против подозрительных людей, то он отвечал им, что дал обет Богу не проливать христианской крови, что есть два средства удерживать подданных в повиновении: одно — быть мучителем, другое — расточать награды, не жалея ничего, и что он избрал последнее» (С. М. Соловьев). Однако на Руси нельзя быть бесконечно добрым царем. Несчастный, стремясь продемонстрировать свое милосердие, спас собственного мотылька. Вот что пишет Жак Маржерет:

«Немного времени спустя князь Василий Шуйский был обвинен и изобличен в присутствии лиц, избранных от всех сословий, в преступлении оскорбления величества и приговорен императором Дмитрием Ивановичем к отсечению головы, а два его брата — к ссылке. Четыре дня спустя он был приведен на площадь, но когда голова его была уже на плахе в ожидании удара, явилось помилование... Это было самой большой ошибкой, когда-либо совершенной императором Дмитрием, ибо это приблизило его смерть».

Тем временем царю напомнили об обещаниях те, что вытаскивали его из небытия и протаскивали к московскому трону. А он не мог отдать Речи Посполитой Смоленск и Северскую землю, потому что это было равносильно самоубийству. Не мог и ввести на Руси католичество, обещанное папскому послу; даже жену свою, Марину Мнишек, он просил публично придерживаться православных обрядов, а католичество исповедовать тайно ото всех.

Лжедмитрий щедро рассчитался с поляками, которые прошли с ним путь от замка сандомирского воеводы до Москвы, но и этим жестом нажил лишь врагов. С. М. Соловьев описывает результат его щедрости:

«После царского венчания своего Лжедмитрий отпустил иностранное войско, состоявшее преимущественно из поляков, выдав ему должное за поход жалованье, но этот сброд, привыкший жить на чужой счет, хотел подолее повеселиться на счет царя московского; взявши деньги, поляки остались в Москве, начали роскошничать, держать по 10 слуг, пошили им дорогое платье, стали буйствовать по улицам, бить встречных. Шляхтич Липский был захвачен в буйстве и приговорен к кнуту; когда перед наказанием, по обычаю, стали водить его по улицам, то поляки отбили его, переранивши сторожей. Царь послал сказать им, чтобы выдали Липского для наказания, иначе он велит пушками разгромить их двор и истребить их всех. Поляки отвечали, что помрут, а не выдадут товарища, но, прежде чем помрут, наделают много зла Москве. Тогда царь послал сказать им, чтобы выдали Липского для успокоения народа, а ему не будет ничего дурного, и поляки согласились. Пропировавши и проигравши все деньги, поляки снова обратились к царю с просьбами, когда же тот отказал им, то они отправились в Польшу с громкими жалобами на неблагодарность Лжедмитрия».

Лжедмитрия признала Россия, за него была Москва, казалось, его положение упрочилось, но на свою голову он вернул из ссылки опытного интригана и лицемера Василия Шуйского. Последний и возглавил заговор. 17 мая 1606 года заговорщики ворвались в Кремль. Петр Басманов, до последнего защищавший царя, был убит, причем «первый удар по-

лучил от Михаила Татищева, которому он незадолго до этого испросил свободу».

Лжедмитрия убили, но этого показалось мало. По рассказу Маржерета, «покойного Дмитрия, мертвого и нагого, протащили мимо монастыря императрицы — его матери — до площади, где сказанному Василию Шуйскому должны были отрубить голову, и положили сказанного Дмитрия на стол длиной около аршина, так что голова свешивалась с одной стороны и ноги — с другой, а сказанного Петра Басманова положили под... стол. Они три дня оставались зрелищем для каждого, пока... глава заговора Василий Иванович Шуйский... не был избран императором... он велел зарыть сказанного Дмитрия за городом у большой дороги».

Убийца Лжедмитрия, великодушно им помилованный на кануне, стал царем, но царский венец не принес ему много радости, как не принес счастья уничтожившему настоящего царевича Дмитрия Борису Годунову и его потомству.

«1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство: новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству», — так характеризует нового государя С. М. Соловьев.

Шуйский мог ведать Разбойным приказом и на этом поприще, несомненно, достиг бы успеха, однако на роль царя боярин никак не тянул.

Мечта князя Ольгерда сбылась

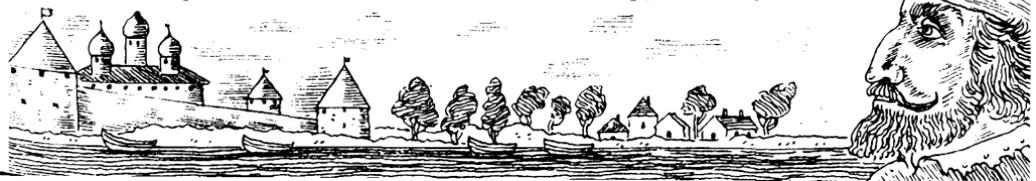
Коварный интриган и лицемер Василий Шуйский был любим всеми сословиями, однако умом обделен не был: он сразу определил: откуда может исходить главная для него опасность. Слухи о том, что Дмитрий опять спасся, поползли по Руси, когда самозванец еще не был предан земле. Ведь москвитам представили обезображенное, подвергшееся истязаниям тело, которое не было похоже на недавно правившего царя. Тогда Шуйский решил представить доказательство, что царевича Дмитрия давным-давно нет среди живых. По рас-

сказу Жака Маржерета, «пытаясь усмирить волнение и ропот, избранный Василий Шуйский отправил своего брата Дмитрия и Михаила Татищева и других родственников в Углич, чтобы извлечь тело или кости истинного Дмитрия, который, как они утверждали, был сыном Ивана Васильевича, умершвенным около семнадцати лет назад... Они обнаружили, что (как они распустили слух) тело совершенно цело, одежды же свежие и целые, какими были, когда его хоронили... и даже орехи в его руке целы. Говорят, что после того, как его извлекли из земли, он сотворил много чудес как в городе, так и по дороге. Крестным ходом, в сопровождении всех мошей, имеющихся у них во множестве, патриарх и все духовенство, избранный император Василий Шуйский, мать покойного Дмитрия и все дворянство перенесли его в город Москву, где он был канонизирован по приказу сказанного Василия Шуйского. Это почти не усмирило народ...»

Единожды солгавший — кто тебе поверит?! Во времена Годунова Шуйский являлся главой следственной комиссии, которая установила, что Дмитрий случайно сам себе нанес ножом смертельную рану; при Лжедмитрии утверждал, что царевич Дмитрий жив, а погиб другой ребенок; в свое правление опять пришел к варианту, что Дмитрий погиб в детстве. Когда Шуйский с патриархом и всем духовенством отправился за город встречать останки Дмитрия, то «был едва не побит камнями» народом.

Вследствие шаткости своего положения, не будучи природным царем, Василий Шуйский не имел возможностей физически уничтожать недовольных по примеру Ивана Грозного, тем более что он дал клятвенное обещание не произносить смертных приговоров без соборного решения. Опасных бояр царь высылал на окраины государства, причем давал им в кормление города и земли. Эффект получался обратный: в руках соперников Шуйского оказывались материальные и людские ресурсы.

Князя Григория Петровича Шаховского царь послал воеводой в мятежный Путивль. Тот на всякий случай прихватил в Кремле, воспользовавшись неразберихой, государственную печать, а по прибытии в назначенный город объявил, что Дмитрий жив — вместо него казнили другого. Путивль от-

казался подчиняться Шуйскому. Управлявший Черниговом князь Андрей Телятьевский признал себя подданным Дмитрия Ивановича, хотя новый Лжедмитрий был лишь в проекте и еще не дал знать миру о своем существовании.

В такой ситуации новый Лжедмитрий просто не мог не появиться. А пока факел войны в свои руки взял Иван Болотников — холоп князя Телятьевского. Жизнь его полна приключений: в молодости Болотникова взяли в плен татары и продали туркам. Несколько лет он был гребцом на галерах, пока его корабль не оказался в плену, а невольники и надзиратели не поменялись ролями. Путь на родину был долгим: через Италию, Германию; по дороге Болотников повоевал против турок в качестве предводителя казачьего отряда на стороне австрийского императора. Затем он перебрался в Речь Посполитую и здесь узнал, что на Руси неспокойно. Доброжелатели в польско-литовском государстве или собственная привычка к авантюрам (а скорее всего, то и другое вместе) выдвинули Болотникова на роль воеводы «царя Дмитрия».

Восстание Болотникова принесло много бед России. Он подошел к Москве, и казалось, еще одно усилие — и Белокаменная окажется в его руках. Но битва под Москвой 2 декабря 1606 года окончилась поражением Болотникова.

Выход на арену нового Лжедмитрия несколько задержался; как пишет С. М. Соловьев, «долгое неявление провозглашенного Дмитрия отнимало дух у добросовестных его приверженцев». Отсутствие объявленного вождя силы, враждебные Шуйскому, попытались компенсировать неким казачьим атаманом, который назвал себя царевичем Петром — «потомком государей Московских». Лжепетр мучительной смертью извел несколько воевод Шуйского, изнасиловал дочь убитого им князя Бахтеярова, но вынужден был отступить и затворился вместе с Болотниковым в тульском кремле. «Осажденные два раза отправляли гонца в Польшу, к друзьям Мнишека, чтобы те постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедмитрия...» — пишет русский историк.

И наконец долгожданное действующее лицо проявилось. О его происхождении сохранились известия самые смут-

ные, но противоречивые слухи в большинстве своем сходятся в одном: очередной «сын Ивана Грозного» вырос в духовной среде. Это не удивительно: чтобы претендовать на роль чудом спасшегося царевича, нужно было оставаться неизвестным. Дворянин будет непременно опознан, крестьянину — не поверят ни простой народ, ни бояре. Духовенство же вело затворнический образ жизни и вместе с тем получало кое-какое образование. Недаром первый Лжедмитрий до восшествия на царство был монахом Григорием Отрепьевым. О происхождении второго С. М. Соловьев пишет:

«Наконец самозванец отыскался; что это был за человек, никто не мог ничего сказать наверное; ходили разные слухи: одни говорили, что это был попов сын, Матвей Веревкин, родом из Северной страны; другие — что попович Дмитрий из Москвы, от церкви Знаменья на Арбате, которую построил князь Василий Мосальский, иные разглашали, что это был сын князя Курбского, иные — царский дьяк, иные — школьный учитель, по имени Иван, из города Сокола, иные — жид, иные — сын стародубского служилого человека».

Самозванец обосновался в Стародубе и принялся рассылать призывные грамоты по городам Великого княжества Литовского: «В первый раз, — писал он, — я с литовскими людьми Москву взял, хочу и теперь идти к ней с ними же». За литовцами под знамя нового Лжедмитрия потянулись поляки.

Войско Болотникова самозванец не мог спасти ввиду малочисленности собственных сил. Несколько месяцев оно находилось в Туле, осажденное со всех сторон царскими войсками, и отчаянно отбивало все приступы. Но голод вынудил их прекратить сопротивление. Болотников сдался 10 октября 1607 года, поверив обещанию Шуйского о помиловании, но, так или иначе, все главари восстания были уничтожены. «Много москвитян погибло с обеих сторон в эту войну с Болотниковым, — говорят более 100 тысяч», — приводит такую цифру Лев Сапега.

Набрал около трех тысяч человек, Лжедмитрий II вступил на земли Московии и под Козельском разбил отряд царских

войск. Накануне в Польше был мятеж против короля, и его участники искали спасение в войске самозванца; кроме того, многие надеялись с его помощью поправить свое материальное положение. Имена собрались под знамя нового Лжедмитрия представительные: князь Роман Рожинский прислал сначала тысячу человек, а затем явился сам; пожаловал Тышкевич с тысячей поляков, появился в стане мятежника князь Адам Вишневецкий, привел целые отряды поляков Лисовский. К самозванцу потянулись остатки разбитого войска Болотникова. Казаки всегда были рады участвовать в любом бунте: присоединилось 3000 запорожцев, бравый атаман Запорожский привел 5000 донских казаков.

В июне 1608 года Лжедмитрий II подошел к Москве и остановился лагерем в селе Тушино. Польские и литовские магнаты продолжали прибывать в стан «Тушинского вора» (такое прозвище получил второй Лжедмитрий). «Самозванец укрепился под Москвою; вопреки договору, заключенному с послами королевскими, ни один поляк не оставил тушинский стан, напротив, приходили один за другим новые отряды: пришел прежде всего Бобровский с гусарской хоругвью, за ним — Андрей Млоцкий с двумя хоругвями, гусарскою и казацкою; потом Александр Зборовский; Выламовский привел 1000 добрых ратников; наконец, около осени пришел Ян Сапега, староста усвятский, которого имя вместе с именем Лисовского получило такую черную знаменитость в нашей истории. Сапега пришел вопреки королевским листам, разосланным во все пограничные города и к нему особенно. Мстиславский воевода Андрей Сапега прямо признался смоленскому воеводе Шеину, что польскому правительству нет никакой возможности удерживать своих подданных от перехода за границу...» (С. М. Соловьев).

Поляки и литовцы не особенно верили в подлинность нового Дмитрия, они прибыли в Тушинский лагерь, чтобы вести свою игру, целью которой была Москва и вся Восточная Русь. Они пришли исполнить заветную мечту великого князя Литовского Ольгерда, имевшего целью завоевать Московское княжество. Поэтому они изо всех сил препятствовали встрече бывшей царицы Марины Мнишек с новым Лжедмитрием. Ее признание сильно подняло бы его автори-

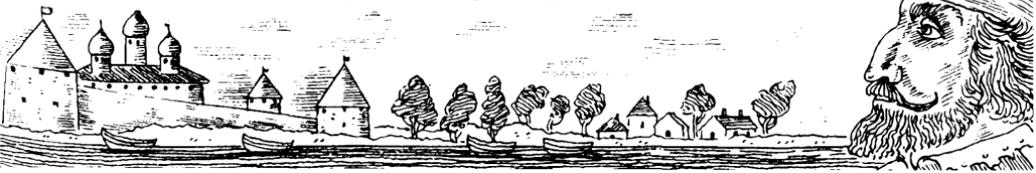
тет, и Лжедмитрий II мог бы стать реальным претендентом на власть в Москве.

Сама Марина Мнишек долго колебалась: признавать супругом нового Дмитрия или нет, — но не каждый простой смертный, вкусив единожды высокой власти, удержится от соблазна насладиться ею еще раз. Не устояла и дочь сандомирского воеводы. Хотя, когда отряд Лжедмитрия отбил ее у московского сопровождения, Марина не поехала сразу к «мужу»; «жена» остановилась в стане Яна Петра Сапег и оттуда начала переговоры с «супругом». Что ж... поторговаться в этом случае обязывала ситуация. Юрий Мнишек также не желал отдавать дочь новому самозванцу дешево; он составил письменное соглашение, по которому зять обязался по овладении Москвой выдать ему 300 000 рублей и передать во владение Северское княжество с четырнадцатью городами. Но Москва так и не была взята. Накануне зимы Тушинский лагерь стал превращаться в город, сюда перебежало много бояр, появился собственный патриарх — так оформилось двоевластие, и продолжалось оно почти два года.

Из Речи Посполитой поступило множество инструкций для воскресшего Дмитрия. Все они сводились к тому, чтобы привести Московское государство к унии с Польшей и Великим княжеством Литовским, а это, как мы знаем, было заветной мечтой Льва Сапег.

Коль появилось две столицы, то и страна стала делиться на две части. Шуйский в панике обратился к шведам с просьбой помочь в борьбе с самозванцем. Псковичи, услышав о переговорах с их извечным врагом, переметнулись на сторону самозванца, справедливо полагая, что от шведской помощи ничего хорошего ждать не придется. Иван-город последовал примеру Пскова, Орешек также присягнул Тушинскому вору.

Если города принимали ту или иную сторону из соображений выживаемости, под угрозой уничтожения, то цвет нации — бояре, дворяне — переход от одного царя к другому превратили в прибыльное дело. «Требование службы и верности с двух сторон, от двух покупателей, необходимо возвысило ее цену, и вот нашлось много людей, которым показалось выгодно удовлетворять требованиям обеих сторон

и получать двойную плату, — описывает С. М. Соловьев необычное явление. — Некоторые, целовав крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест самозванцу и, взяв у него жалованье, возвращались назад в Москву; Шуйский принимал их ласково, ибо раскаявшийся изменник был для него дорог: своим возвращением он свидетельствовал пред другими о ложности тушинского царя или невыгоде службы у него; возвратившийся получал награду, но скоро узнавали, что он отправился опять в Тушино требовать жалованья от Лжедмитрия. Собирались родные и знакомые, обедали вместе, а после обеда одни отправлялись во дворец к царю Василию, а другие ехали в Тушино».

Так называемые «перелеты» историками оцениваются как признак нравственного оскудения общества. Однако тут еще дело в низком авторитете царской власти: ни Шуйский, ни Лжедмитрий не пользовались должным уважением в обществе.

В 1609 году Ян Сапега (двоюродный брат Льва Сапегы), бывший гетманом у Лжедмитрия II, осадил Троице-Сергиев монастырь; это стало самой большой ошибкой тушинцев. На помощь Сапеге подошел Лисовский — число осаждавших святыню дошло до 30 000 человек. Им противостояло не более 1500 человек — дворян, казаков, стрельцов, монахов. Штурмы не принесли Сапеге и Лисовскому ничего, кроме потерь, лестные предложения и угрозы также не дали результата. Героическая оборона святыни подняла русский дух и больно ударила по авторитету Лжедмитрия II. Ведь сражались не два царя за трон; в Троице-Сергиевом монастыре православные защищали мощи одного из самых почитаемых на Руси святых от иноверцев — поляков и литовцев.

Россия погрузилась в смуту, люди и города метались между двумя царями; казалось, никому никогда не разобраться в этом хаосе. И все это время за происходящим в Москве зорко следил канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. Верной опорой его был Александр Гонсевский (иногда пишется «Госевский») — талантливый военачальник, превосходный дипломат и великолепный шпион, занимавший должность старосты маленького пограничного городка

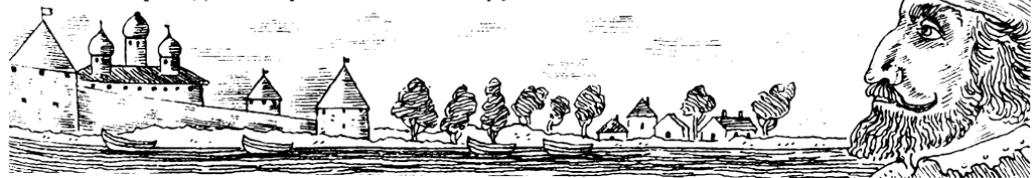
Велиж; на основании мнения Гонсевского строил свою восточную политику даже король.

Возможно, Гонсевский принял участие в подборке кандидата на роль Лжедмитрия II. По одной из версий претендент на московский трон продолжительное время находился в его владениях, прежде чем начать грандиозную авантюру. «Шейну сообщали также слухи, ходившие в Литве о самозванцах, — повествует С. М. Соловьев, — писали, что вортушинский пришел с Белой на Велиж, звали его Богданом, и жил он на Велиже шесть недель... с Велижа съехал с одним литвином в Витебск, из Витебска — в Польшу, а из Польши объявился воровским именем».

Главной задачей велижского старосты была, конечно, разведка. Обо всем, что происходит на сопредельной территории, Гонсевский докладывает своему патрону: «...я сам посылаю из этого края частые известия В [ашей] м [илости] м [оему] милостивому п [ану], а через В [ашу] м [илость] — к [оролю] е [го] м [илости]». Сохранилось «Письмо пана Гонсевского, старосты велижского, его милости пану Льву Сапеге, канцлеру литовскому», датированное 26 июля 1609 года.

К этому времени положение Лжедмитрия II значительно усложнилось, он терял одну территорию за другой, а шансы отобрать у Шуйского Москву приближались к нулю. Воеводы пограничных городов Московии, которые признали власть самозванца, обращаются за помощью к соседним литовским городам.

Речь Посполитая и Москва были связаны мирным договором, и король, по крайней мере официально, его соблюдал. Но Гонсевский, когда соседние Великие Луки попросили навести порядок в городе, не преминул произвести разведку боем и перешел границу. Велижский староста преспокойно докладывает об этом канцлеру, прибавляя собственное мнение насчет мира между государствами: «Это я долго обдумывал, с одной стороны, оглядываясь на карканье людей, безусловно полагающих, что у нас прочный мир с Москвой (которого давно у нас нет, и сама Москва, если бы удалось усилиться какой-либо из сторон, и появился бы, избави Боже, удобный случай, несомненно, не стала бы считаться с договором), и вяжущих нам этим руки...»

Положение на землях Лжедмитрия было ужасное, крестьяне, уставшие от царских и боярских разборок, стали третьей силой, сметающей все, что имело цену, и уничтожающей всех, кто богаче нищего. Воевода Великих Лук жалуется Гонсевскому: «Наши собственные крестьяне стали нашими господами, нас самих избивают и убивают, жен, детей, имущество наше берут как добычу. Здесь, на Луках, воеводу, который был до меня, посадили на кол, лучших бояр побили, повешали и погубили, и теперь всем владеют сами крестьяне, а мы, хоть и воеводы, из рук их смотрим на все».

В такой ситуации доверенное лицо Сапеги считает, что московские земли, во избежание большего зла, примут власть польского короля: ведь «с давних времен на памяти [нашего] народа не было такого случая, чтобы Москва сама стала с хоругвями просить нас в [свои] замки и свои замки нам в руки передавать, как это делается сейчас». Велижский староста даже описывает свой план, как без особого труда можно овладеть Псковом и прочими русскими городами.

Гонсевский советует Льву Сапеге поспешить с вторжением на земли Московии: «Сам видишь, В[аша] м[илость] м[ой] милостивый пан, что [сейчас] удобное время, только королю е[го] м[илости] нужно действовать быстро и стараться собрать силу, как можно большую. А тех, кто под Москвой, легче всего привлечь любезностью, ибо они сами выражают желание [служить королю]. А когда король е[го] м[илость] их к себе расположит, тогда дело наше наполовину будет выполнено, и меньше можно будет опасаться силы Шуйского. В целом положение московское таково, что московское дворянство и некоторые лучшие посадские люди желают иметь над собой государя королевской крови и расположены к к[оролю] е[го] м[илости]».

Несомненно, советы скромного старосты Велижа дошли до Сигизмунда III, и он их принял. В сентябре 1609 года войско Речи Посполитой направилось к Смоленску. Литовские хоругви шли «впереди его королевского величества»; причем самым многочисленным был отряд «его милости канцлера великого княжества Литовского Льва Сапеги — гусар 300, казаков 200, пятигорцев 100, волонтеров 120, пехоты 200». 19

сентября Сапега уже стоял под Смоленском, король со своим войском прибыл через два дня.

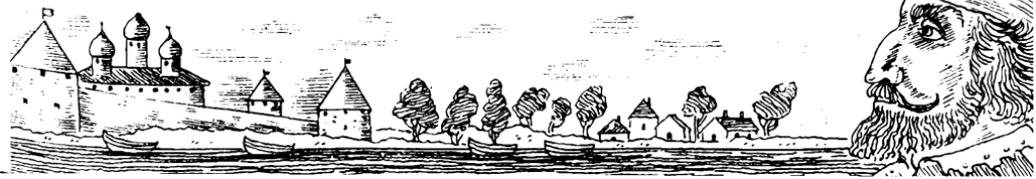
У Льва Сапеги везде свои глаза и уши. В «Дневнике похода его королевского величества в Москву» под 28 сентября сообщается, что некоего Михаила Борисовича, имевшего сношения с литовским канцлером и дававшего знать, что делается в Смоленске, русские повесили при дороге, вложив ему в — руку? — записку: «Это висит вор Михаил Борисович за воровство, какое делал с Львом Сапегой, давая ему знать, что делалось в крепости».

Сигизмунд пытался представить себя освободителем от смуты и междоусобиц, но жители Смоленска ему не поверили и защищали город долгих двадцать месяцев.

Интересно, что вступление короля в войну более всего возмутило поляков, которые находились в Тушинском лагере. Они посчитали, что Сигизмунд пришел отнять заслуженную добычу, которая должна перепасть им после взятия Москвы. Тушинские поляки составили так называемый конфедерационный акт и отправили королю под Смоленск просьбу, чтоб он вышел из Московского государства и не мешал их предприятию. Только Ян Сапега, безуспешно штурмовавший Троицкий монастырь, отказался присоединиться к конфедерации.

В свою очередь, король отправил посольство в Тушинский лагерь с целью привлечь на свою сторону бывших там поляков и литовцев. Последние колебались, но тут двоюродный брат канцлера пригрозил, что немедленно перейдет на королевскую службу, если тушинцы не вступят в переговоры с королевскими комиссарами. Угроза потери самого боеспособного подразделения во главе с опытным Яном Сапегой заставила остальных тушинских сидельцев благожелательнее отнестись к предложениям Сигизмунда. Тем более что по лагерю пошли слухи, будто у короля много денег, из которых он собирается выплатить жалованье всем, кто оставит самозванца.

В такой игре Лжедмитрий II становился лишней фигурой; он и сам понимал ситуацию и потому попытался бежать из собственного лагеря в сопровождении 400 донских казаков.

Но поляки догнали его, вернули в Тушино и установили за ним строгий надзор. В конце концов Лжедмитрию удалось все-таки бежать в Калугу — переодевшись в крестьянское платье, в простых саях, в сопровождении лишь своего шу-та Кошелева.

Русские тушинцы оказались в шекотливом положении: собственный «царь» бежал, а на прошение Шуйского они не рассчитывали. Пришлось и им склоняться на сторону Сигизмунда. Было подписано соглашение о призвании его сына Владислава на московский трон в обмен на обещание блюсти православие и оставить в неприкосновенности прежние законы и порядки.

В общем, мало-помалу все находили свое место при новой расстановке сил. Был, однако, человек, который никак не мог смириться, что близкая и желанная корона вновь так нелепо ускользает. То была дочь сандомирского воеводы Юрия Мнишека. «Марина оставалась в Тушине; бледная, рыдающая, с распущенными волосами ходила она из палатки в палатку и умоляла ратных людей снова принять сторону ее мужа, хотя положение ее при самозванце было самое тяжелое, как видно из переписки ее с отцом» (С. М. Соловьев). Властолюбивая девушка не уставала надеяться на чудо. «Кого Бог осветит раз, тот будет всегда светел. Солнце не теряет своего блеска потому только, что иногда черные облака его заслоняют», — пишет Марина своему родственнику Стадницкому.

Марина надеялась не зря, солнце еще выглянет из-за туч и порадует ее — если не великой удачей, то хотя бы новой надеждой. Среди всех перестановок забыли о вечно мятежных казаках, что были в Тушинском лагере. А они решили, что с воровским царем им сподручнее, и бросились во главе с князем Шаховским в Калугу. 11 февраля Марина Мнишек бежала туда же, к «мужу» — верхом, в одежде гусара, в сопровождении служанки и нескольких сотен донских казаков.

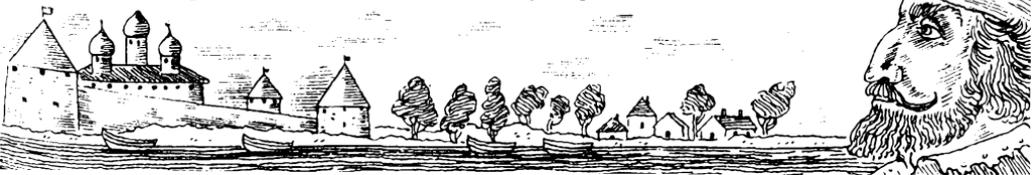
Тушинский лагерь, второй год державший в страхе Москву, ликвидировался сам собою. Польский король прочно засел под Смоленском, другие приграничные города также оказывали упорное сопротивление. Народный любимец — племянник царя — 24-летний Скопин-Шуйский в марте 1610 года

вступил в Москву. Казалось бы, дела Шуйского должны пойти лучше. Так оно и было... на первых порах. Но неожиданно умирает Скопин-Шуйский; по слухам, его отравил брат бездетного царя Дмитрий Шуйский, который сам имел виды на трон и опасался конкуренции со стороны популярно-го полководца.

В июне 1610 года из Москвы выступило 40-тысячное войско и направилось в сторону Смоленска. Целью его было заблокировать осажденный город и изгнать поляков из страны. Вроде бы численность армии позволяла решить такие задачи, но вел ее человек, обретший дурную славу, — Дмитрий Шуйский. Более того, полководческие способности его летописец подвергает большому сомнению: «Был он воевода сердца нехраброго, обложенный женствующими вещами, любящий красоту и пищу, а не луков натягивание». В результате гетман Жолкевский, по словам Льва Сапегы, «с небольшою горстью людей поразил большое московское войско, собранное не только из москвитян, но и из чужих народов — немцев, французов, англичан, шотландцев».

В это время неожиданно усилился недавний беглец — Лжедмитрий II. Ему опять удалось соблазнить деньгами Яна Сапегу; с помощью поляков самозванец захватил Серпухов, Коломну, Каширу и остановился у села Коломенского. Сил не хватало ни у той, ни у другой стороны, да и устали русские проливать братскую кровь. Московские служивые люди «начали сноситься с полками Лжедмитрия, однако не для того, чтоб принять вора на место Шуйского; не хотели ни того, ни другого и потому условились, что тушинцы отстанут от своего царя, а москвичи сведут своего. Тушинцы уже указывали на Сапегу как на человека, достойного быть московским государем» (С. М. Соловьев).

Наконец 17 июля 1610 года заговорщики во главе с рязанским дворянином Захарием Ляпуновым свергли всем надоевшего Шуйского. Тот отчаянно цеплялся за власть, даже угроза потерять жизнь на него не подействовала. 19 июля «Захар Ляпунов с тремя князьями — Засекиным, Тюфякиным и Мерином-Волконским, да еще с каким-то Михайлою Аксеновым и другими, взявши с собою монахов из Чудова монастыря, пошли к отставленному царю и объявили, что для

успокоения народа он должен постричься, — пишет русский историк. — Мысль отказаться навсегда от надежды на престол... была невыносима для старика: отчаянно боролся он против Ляпунова с товарищами, его должно было держать во время обряда; другой, князь Тюфякин, произносил за него монашеские обеты, сам же Шуйский не переставал повторять, что не хочет пострижения. Пострижение это, как насильственное, не могло иметь никого значения, и патриарх не признал его: он называл монахом князя Тюфякина, а не Шуйского. Несмотря на то, невольного постриженника свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его, братьев посадили под стражу».

После свержения Шуйского власть в стране оказалась в руках бояр — так называемой Семибоярщины. Собственно, они не решались даже приступить к выборам нового царя, чтобы не злить уже имеющихся кандидатов — Лжедмитрия и польского королевича Владислава. И тот, и другой мало кого устраивали: самозванец с войском казаков, которые ничем не отличались от разбойников, всех пугал; от иноземца, чужой ненавистной веры, из государства издавна претендовавшего на московские территории, тоже ничего хорошего ждать не приходилось. Но выбрать из двух зол пришлось. «Лучше служить королевичу, — решили бояре, — чем быть побитыми от своих холопей и в вечной работе у них мучиться».

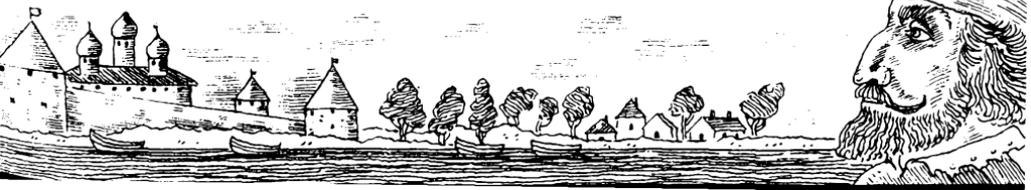
Переговоры с гетманом Жолкевским насчет Владислава прошли скоро; спешили, так как самозванец принялся штурмовать Москву — его отбросили русские из войска гетмана. Согласно сведениям хрониста, описывавшего поход Сигизмунда, Семибоярщина лишь поставила одно любопытное условие: «Думные бояре обещали гетману выдать королю всех Шуйских, но с тем условием, чтобы король не оказывал им никакой милости».

В конце августа 1610 года Москва принесла присягу новому царю — польскому королевичу Владиславу. Собственно, присягу принимал гетман Жолкевский, он же именем Владислава обещал соблюдать достигнутые соглашения. Тем временем Смоленск продолжал сражаться второй год; изнемогая от ран и голода, он наотрез отказался открыть ворота

полякам и литовцам. И где-то по стране бродил Лжедмитрий II с вольными казаками.

Сбылась заветная мечта великих князей Литовских: Москва оказалась в их руках. Холодный, рассудительный канцлер Лев Сапега не скрывает своих эмоций:

«А разве когда-нибудь думали-гадали, что великий царь Московский, во всем свете славный и страшный, с братьями, воеводами и думными людьми будет пленником польского короля? А разве когда-нибудь наши предки мечтали о том, что московская столица будет в руках короля польского и займется его людьми, а весь народ московский принесет королевичу польскому Владиславу верноподданническую присягу в том, что ему самому и потомкам его сами они и потомки их будут служить, иного царя и государя не похотят иметь как из чужих, так из своего московского народа, помимо королевича Владислава? С его титулом вырезаны были печати; его именем делались все правительственные дела, всей земле посылались приказы, и все слушались их; во всех церквях молились за него Богу, как за своего государя; царем государем его звали; с его титулом чеканили монету; королю его милости и сыну его, даже в отсутствие его, подавали просьбы и били челом о боярстве, о чинах и должностях, об именьях и денежном жалованье: и раздавал его королевская милость всякие чины, должности, денежное жалованье в бытность как в земле Московской, так и в Польше и Литве, и не только московскому народу, но и польскому и литовскому: по его приказу из московской казны выдавалось по тысячам и по десяткам тысяч золотых; из московской казны платилось жалованье жолнерам, до несколько сот тысяч золотых выдано польским людям: и наконец, сокровища нецененные — короны, скипетры, державы, украшения королей и великих монархов, которые московские монархи собирали много лет не только со своих государств, но и с иноземной добычи, — все были расхищены: даже не пропущены были церкви, дома Божии, иконы, украшенные золотом, серебром, жемчугом, дорогими камнями, золотые и серебряные раки: все было обокрадено и ничего не оставлено».

Битва за Москву

Под Смоленск к новому царю отправилось представительное посольство в числе 1246 человек. Везло оно и, так сказать, наказы избирателей, среди которых первым требованием было принятие Владиславом греческой веры в Смоленске от митрополита Филарета и смоленского архиепископа Сергия, чтоб пришел в Москву православным.

Россия — страна с глубокими православными корнями; царя-католика не могло быть в ней по определению. Владислав же рассчитывал впоследствии занять престол Речи Посполитой, где королем не мог быть не католик. Эта дилемма стала миной замедленного действия — одной из многих. Но пока что поляки и литовцы были хозяевами положения; бояре, в страхе перед Лжедмитрием и собственным народом, сами попросили оккупантов войти в Москву и Кремль.

Избранный царь по-прежнему не спешил к своим подданным, от имени Владислава правил наш недавний знакомый — велижский староста Александр Гонсевский. Сделавший молниеносную карьеру от воеводы в небольшом пограничном городке до фактически правителя одного из крупнейших в Европе государств, он неплохо управлялся с новыми обязанностями. По словам польского хрониста, «Госевский часто умел делать тщетными замыслы неприятеля, останавливал его пыл и не упускал ничего, что принадлежало к заботам его власти и чем отличается деятельность храброго вождя».

Гибель Лжедмитрия II в декабре 1610 года пробудила от спячки москвитов, все чаще стали раздаваться призывы к изгнанию оккупантов. Основу первого всенародного ополчения составили вольные казаки под началом Ивана Заруцкого и князя Дмитрия Трубецкого, а также дворянские отряды Прокопия Ляпунова. Союз столь различных социальных слоев не мог быть прочным, и его коварно разрушил Александр Гонсевский, если судить по известиям Станислава Кобержицкого — биографа королевича Владислава:

«Против Ляпунова, самого мужественного и сильного воеводы русского, он употребил необыкновенную хитрость. Донские казаки составляли значительную часть неприятель-

ского войска; их привел гетман Заруцкий, всей душою преданный вдове самозванца. Ляпунов обманывал гетмана надеждой, что, по изгнании поляков, сын Марины будет возведен на престол. Госевский, желая ослабить и силы Ляпунова удалением от него казаков и войскам чужеземным внушить подозрение к русским, подделался под руку и печать Ляпунова и написал от его имени воззвание к народу — в назначенный день неожиданно восстать всем и истребить казаков до последнего. Воззвание вручено было человеку, знавшему тайну; оно досталось в руки казакам и произвело ужасное волнение. Тотчас Ляпунова позвали на суды, напрасно он клялся всем священным, что ничего подобного не писал, что это ковы врагов; напрасно призывал Бога в свидетели своей невинности — рассвирепевшие казаки убили его. Русские были поражены страхом; а казаки с той поры не доверяли русским. И так проделка Госевского сошла с рук удачно — погиб Прокопий Ляпунов, муж отличавшийся телесной красотой, заботливостью в делах, заслуживший в народе славу человека искусного и опытного в войне».

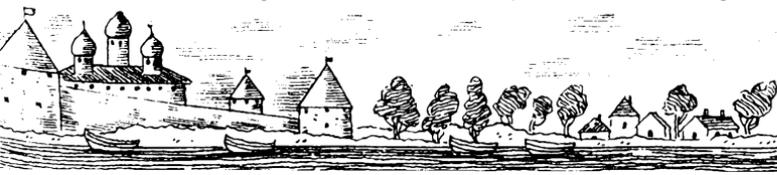

Однако, несмотря на некоторые успехи, поляки оставались чужими во враждебной стране. Осажденный в Москве польский гарнизон начал голодать. «Предусмотрительный ум Госевского нашел средство против этой гидры: он вошел в сношение с старостою усвятским Иваном Сапегою, и тот великодушно предложил свою помощь; взял от Госевского избранных от всех хоругвий всадников и, присоединив их к своим войскам, пустился в набеги для собрания съестных припасов».

Ян Сапега, не первый год воевавший в России, чувствовал себя в предместьях Москвы, как рыба в приличной глубины водоеме. Он собрал требуемое продовольствие, осталась лишь мелочь: доставить его сквозь заслон князя Трубецкого, который сменил погибшего Ляпунова. Эту задачу помогла решить не хитрость, но острая нужда. Рассказывает польский хронист:

«В кровавой сече дружины Сапеги, презирая смерть, прорывались чрез русские ряды и открывали себе путь с такой силою, что русские, бросив укрепления, снабженные всеми воинскими припасами, дали тыл, а поляки с быстротою ввез-

ли обоз с провиантом. В то же самое время осажденные сделали вылазку и привели неприятеля в совершенный ужас: не понимая, откуда у поляков взялось столько духа и силы, он полагал, что в крепость тайно введены новые войска. Русские не знали, что бешенство голодного желудка было лучшим вспоможением осажденных».

Ошарашенный неприятель бежал, и поляки могли его разбить совершенно. Помешала... польская гордыня: военачальников перестал радовать успех, когда они узнали, «что приближается Ходкевич, и слава победы могла бы быть приписана его помощи».

Кобержицкий подозревает, что общественное мнение против гетмана Ходкевича настроил воевода смоленский, староста брацлавский Яков Потоцкий, из ревности, что Ходкевичу, а не ему король вверил верховное начальство над войском в Московии, «и мучился мыслью, что соперник может покрыть себя славою». Далее случилось то, что запрограммировали польско-литовские магнаты своим поведением:

«Несогласие вождей было явно; личные неудовольствия они предпочли общей пользе, и все стало стремиться к бездне погибели. Неприятель торжествовал победу за победой, поражая ляха, недавно пожилавшего лавры».

После битвы при Каннах начальник карфагенской конницы Магарбал произнес: «Ганнибал, ты умеешь побеждать, но пользоваться победой не умеешь». Несправедливы слова эти по отношению к гениальнейшему полководцу Античности, потому что у него шансов взять Рим не было, но эта древняя фраза верно характеризует магнатов Речи Посполитой, в руках которых оказалась Москва. Даже окруженные со всех сторон в чужой стране, они оставались в плену собственных амбиций. Сапега, Лисовский, Гонсевский и многие другие командиры умели сражаться и побеждать, но они сражались исключительно ради собственных интересов, презируя интересы государственные.

Полякам и литовцам в Москве были чужды гениальные замыслы их вождей — канцлера Сапеги и короля Сигизмунда; их войско чувствовало себя калифом на час. «По приказанию короля, — сообщает хронист, — из древней казны князей московских войску довольно роздано было серебра, золота

и драгоценной рухляди. При бережливости войско могло бы этим содержаться... но поляки предавались разврату, мотали без счета и презирали увещания короля... 6 января войско постыдно бросило стан и вышло из Московии с шумом и угрозами. Осталась небольшая часть воинов, которые, получив остатки вконец разграбленной казны московских князей, обещались еще повиноваться».

Ходкевич умолял прислать войско, иначе малочисленный московский гарнизон обрекался на гибель. Наконец пришел со значительным числом пехоты и конницы хмельницкий староста Николай Струс. Но с новым войском пришла и новая ссора, на этот раз между военачальниками-магнатами. Струс был ставленником Потоцкого, который стремился вырвать пальму первенства у Ходкевича и взять Москву в свои руки. Оказался оттесненным от кормила власти талантливый Гонсевский; впрочем, он не обижался на судьбу, ибо понимал — из постоянных склок ничего хорошего не получится.

Дальнейшие события описывает Кобержицкий: «Та и другая партия стали действовать отдельно, как бы не имея участия в общем деле, ища собственной славы и не дорожа мнением противников; а между тем все клонилось к гибели. Несмотря ни на что, Ходкевич пользовался случаями к нападениям, целое лето занимал неприятеля сшибками и часто среди боя ввозил осажденным съестные припасы. Последним делом Ходкевича было мужественное нападение в сентябре месяце на русских, которые держали поляков в осаде. Прежде всего он смело вовлек неприятеля в перестрелку, потом быстро двинулся внутрь стен, выбил русских из укреплений, открыл путь в крепость, ввел за собою 500 человек пехоты Невяровского, только что прибывшего, и уже хотел ввезти 400 возов с провиантом, когда утомленное войско остановилось на минуту, чтоб собраться с силами, а русские, пользуясь этим, напали густыми массами и отбили обоз. Струс, начальник гарнизона, оставался хладнокровным зрителем и со своими дружинами не двигался с места, или не желая разделить победу с Ходкевичем, или не считая нужным спешить на помощь, когда весь успех мог быть приписан гетману, распорядившемуся настоящим делом. Поляки понесли такую

значительную потерю, что ее ничем уже нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось — надежда завладеть целым московским государством рушилась невозвратно».

В сентябре 1611 года грандиозный проект Речи Посполитой понес невосполнимую утрату: «в Золотой Палате московских князей, скончался герой, истощенный воинскими трудами и заботами, и растерзанный горестью, что беспрепятственные мятежи необузданного войска уничтожили все его победы». Речь идет о выдающемся авантюристе, усятском старосте Яне Петре Сапеге — двоюродном брате литовского канцлера. «С его смертью войско не знало уже препон своему буйству».

А в русской земле начался обратный процесс: страна осознала, что из-за раздоров оказалась на краю гибели. Подала клич защитить православие церковь: ведь избранный царь Владислав так и не отрекся от католичества, не появился в Москве, а в столице господствовали схизматики, расхищавшие государственную казну и церковное имущество. Ропот земли русской с наибольшей силой вырвался наружу в Нижнем Новгороде: осенью 1611 года староста Кузьма Минин обратился с призывом пожертвовать всем ради спасения Отчизны. И потекли деньги, и пошли люди. Ополчение возглавил князь Дмитрий Пожарский.

В августе 1612 года ополчение подошло к Москве. И тут дело освобождения русской земли едва не рухнуло. Казаки, не привычные к долгим осадам, к тому же не предвещавшим богатой добычи, заявили, что голодают и не могут далее стоять под Москвой; пусть с ней управляются богатые дворяне. Вот как описывает дальнейшие события С. М. Соловьев:

«Услыхавши о том, как рушится доброе дело под Москвою, троицкий архимандрит Дионисий созывает братию на собор для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам; какую им почесть оказать и упросить, чтоб от Москвы не расходились, не отомстивши врагам крови христианской? Приговорили послать казакам сокровища церковные, ризы, стихари, епитрахили саженные в заклад в тысяче рублях на короткое время, написали им и грамоту. Но посылка тронула казаков: совестно, страшно показалось им брать в заклад церковные вещи из монастыря св. Сергия, и они

возвратили их в монастырь с двумя атаманами и в грамоте обещались все претерпеть, а от Москвы не уйти».

22 октября казаки штурмом взяли Китай-город. Поляки оставались только в Кремле. Чтобы избавиться от лишних ртов, они приказали боярам и всем русским удалить из Кремля женщин. Эта мера позволила еще на месяц продлить агонию обреченных существ, теряющих человеческий облик.

«Между тем голод в крепости достиг ужасающей степени, — рассказывает Станислав Кобержицкий. — В последние два месяца, сентябре и октябре, осажденные питались только собаками, кошками, мышами, кожами, размоченными в воде и раскрошенными на мелкие части, и — ужас обнимает при одной мысли — пожирали друг друга, даже откапывали недавно погребенные трупы!.. Они теперь уже готовы были искать верной смерти в неравном бое, но русские клятвенно обещались выпустить их с оружием и имуществом. На этом условии крепость сдана; но русские забыли свою клятву: Струса, полковников и ротмистров бросили в тюрьму, прочих топили, вешали, резали и наслаждались мезью».

Король Сигизмунд еще надеялся повернуть вспять колесо истории. Он прибыл в Вильно и приказал сюда же прибыть войску. Но войско не шло, потому что у короля не оказалось денег. Искатели приключений, привыкшие добывать богатство и славу собственным мечом, иссякли за время авантур двух Лжедмитриев. Польша и Литва устала усеивать костями своих воинов земли Московии. Королю удалось набрать три тысячи немцев, с которыми он и направился к Смоленску (в июне 1611 года город был взят поляками).

Сигизмунд рассчитывал присоединить к немецкой пехоте конницу, бывшую в Смоленске, но brave рыцари отказались повиноваться своему королю. Печальный король тем не менее решил продолжить войну с войском, которое размерами ненамного превосходило отряд телохранителей. И тут даже небо предупредило Сигизмунда о бесполезности затеи. «При выезде из Смоленска случилось неблагоприятное предзнаменование: когда король приблизился к воротам, называемым княжескими, висячие решетки сорвались с крючьев, упали и заградили путь; король должен был выехать через

другие ворота. Это было предвестием, что в московское царство нет уже свободного пути» (Кобержицкий).

С достойным уважения упорством король проигнорировал предупреждение небес и продолжил путь по направлению к Москве.

«Впрочем, некоторым из рыцарства стало стыдно, что отпустили короля своего с горстью наемников в землю неприятельскую, и 1200 человек конницы нагнали короля на дороге в Вязьму», — пишет С. М. Соловьев. Здесь же к нему присоединился гетман Ходкевич; он советовал немедленно идти к Москве — там в то время еще держался польский гарнизон в Кремле.

Войско Сигизмунда подошло к Москве и стало лагерем при селе Федоровском. Здесь его нашло известие, что Кремль пал, Струс и другие военачальники заключены в тюрьму, а простые воины преданы смерти. В последней надежде был распущен слух, что прибыл королевич Владислав, избранный на трон московских царей. Однако ни один русский не явился в лагерь Сигизмунда, чтобы выразить почтение своему формально законному царю. Наступившая суровая зима поторопила Сигизмунда со сборами в обратный путь.

«Таков был конец славного московского похода, — подводит итог Кобержицкий. — Как в начале — все радовало и подавало прекрасные надежды; так после — все пошло на оборот. Беда преследовала поляков на каждом шагу, успех сменился неудачей, надежды обманули, ожидания великой победы исчезли, как дым. Напрасно человеческий разум усиливался бы разгадать причины такой перемены в святилище вечности: они известны одному только Владыке неба и земли, господствующему и над царями».

После Смуты

Русские поняли, что междуцарствие к добру не ведет, и, дабы избежать появления новых претендентов на трон, к выборам властителя приступили тотчас после освобождения Москвы. Помня, к чему привело кулуарное избрание Шуйского, в начале 1613 года был созван Земский собор —

самый представительный за всю предыдущую российскую историю.

Сразу же был оглашен принцип: «литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом».

Как ни странно, царем избрали почти мальчишку — 16-летнего Михаила Романова. Причем отец будущего основателя царской династии — Федор Романов (Филарет) был патриархом у Тушинского вора. Но в этом, казалось, нелогичном избрании имелся глубокий смысл.

И в самой Москве, и на соборе были сильны позиции казачества. Оно большей частью служило Тушинскому вору. Таким образом, даже позорное патриаршество Федора Романова сыграло положительную роль при избрании сына: Михаил Романов не мог преследовать побежденную сторону, не бросив тень на отца, — невольно он стал гарантом консолидации расколотого прежде общества. Бояре и дворяне дружно проголосовали за малолетнего царя, надеясь сохранить свои вольности и расширить права, а по большому счету — править за него.

Позиции царя, избранного демократическим путем, были необычайно сильны. Смута прекратилась, никто не решился оспаривать трон. Но положение страны было невероятно тяжелым: казна пуста; регулярное войско приходилось создавать заново, продолжала существовать внешняя угроза — в лице шведов и поляков — и внутренняя опасность в лице непримиримых казачьих отрядов. Отец царя Филарет находился в плену до 1618 года; жил он в доме Льва Сапеги. Всесильный литовский канцлер продолжал плести интриги и надеялся взять реванш. По словам С. М. Соловьева, русский посол Желябужский «проведал, что все литовские сенаторы хотят мира с Москвою, кроме Льва Сапеги, который один короля манит...».

В 1614 году был схвачен мятежный атаман Иван Заруцкий вместе с женой двух Лжедмитриев, «царицей» Мариной Мнишек. Заруцкого отправили в Москву и здесь посадили на кол, маленького сына Марины от Тушинского вора повесили (чтобы ни у кого не возникло соблазна провозгласить его царем), а сама польская авантюристка умерла в заточении.

Осколок московской смуты неожиданным образом больно ударил по Речи Посполитой. Поляки и литовцы, воевавшие на стороне Лжедмитриев, а затем участвовавшие в походе Сигизмунда, вернулись на родину. Солдаты удачно привыкли купаться в золоте, через их руки прошли невиданные сокровища. Они беспрестанно требовали у короля денег, будучи в Москве. «Желая укротить эту гидру, король чрез послов позволил взять московскую казну и, сообразив, сколько кому причитается жалованья, разделить ее всем безобидно, — рассказывает современник событий Станислав Кобержицкий. — Наконец завладели сокровищницей некогда счастливой Московии, вскрыли богатства многих царей, хранившиеся столько веков. Тут в первый раз увидели добычу из опустошенной Ливонии, золото и серебро Великого Новгорода, на трехстах возах привезенное победителем Василием, подати и налоги, собранные с русского народа, и дань богатых провинций. Невозможно с подробностью исчислить, сколько было массивных золотых статуй, столов, бисера, кубков, чаш, золотых крестов, осыпанных драгоценными камнями, рогов единорога и прочих богатств могущественнейшей Империи, которых остатки еще до сих пор хранятся у вельмож; прочее расточено мотовством наследников. Таких огромных богатств очень бы достаточно было войску взамен следовавшего ему жалованья; но расточительность воинов все спустила с рук в полгода или немножко больше».

После таких сокровищ невозможно привыкнуть к доходу с куска земли, на котором придется трудиться до седьмого пота. Воины несостоявшихся царей нашли лучший заработок: они объявили, что король не выплатил жалованье. «Три отряда мятежников назвали себя конфедератами и, как гибель, разлились по отечеству».

Солдаты, служившие Лжедмитрию, обосновались во Львове. Они учредили собственную республику, избрали маршалком Иосифа Леклинского и принесли ему присягу. «Затем, по военному совету, разделили между собою на участки королевские имения, а в Малой Польше и поместья духовенства; ужасным образом утесняли жителей, наложили тягчайшие налоги и определили собирать их до тех пор, пока сумма сбора не составит следующего жалованья».

Легионы умершего в Кремле Яна Сапеги «со своим маршалком Иваном Калининским точно таким же образом поселились в Бресте и соседних староствах и завладели имуществами королевскими и церковными».

Войска, что воевали под Смоленском, «также вступили в конфедерацию, выбрали себе маршалком Збигнева Сильницкого и опустошали Великую Польшу и Пруссию».

Речь Посполитая опустошалась не хуже, чем вражеским войском. Мятежники рыскали по городам и селениям в поисках добычи, а где не оставалось ничего ценного, там утоляли свою похоть; словом — делали, что хотели. Управиться с ними не было никакой возможности; воевать конфедераты умели, а для короля собрать мало-мальски приличное войско, как мы помним, было огромной проблемой. Жалобы несчастного населения привели лишь к тому, что король созвал сейм.

Депутаты долго и жарко спорили, искали виновников ситуации, и в конце концов сейм постановил заплатить конфедератам жалованье.

«Надменность этих мятежников, — пишет Кобержицкий, — возросла до того, что они, отбросив всякое уважение к королю, презирая и власть сената, и государственных чинов, уже с угрозами требовали не одного жалованья, но бесконечных подарков и наград, всего больше десяти миллионов злотых. Но как на уплату этой суммы не довольно было налогов... то король опять созвал чины в Варшаву, для суждения о деньгах. Их взяли частью из общественного казначейства, сколько было в наличности; частью добыли под залог некоторых вещей; частью собрали посредством вновь увеличенных налогов; наконец, от щедрости духовенства и правительственных лиц; едва-едва могли наполнить бездонную

харибду и усмирить конфедератов, которые безнаказанно буйствовали больше двух лет. Стыдно и жалко, что Польша, как бы обреченная на рабскую покорность, сделалась данницей незначительной толпы негодяев; потомство с горестью прочтет, что едва ли и пятнадцать тысяч человек властвовали над могущественной державою, как бы наложив на нее узду».

Речь Посполитая напоминала республиканский Рим в последнее столетие его существования. И здесь, и там властвовала свобода, в том числе от законов. На этой почве щедро произрастали одаренные, но беспринципные авантюристы, которым нет места при сильной самодержавной власти.

В Москве и Речи Посполитой было различное отношение к монархической власти. Русский трон часто являлся предметом раздора знати, вокруг него плелись интриги, устраивались заговоры. Бояре строго следили, чтобы каждый занимал место за царским столом и на служебной лестнице согласно древности рода. «Новых людей» не любили и царь и бояре — в них видели заклятых врагов, конкурентов.

В Речи Посполитой никто не боролся за трапезное место как можно ближе к монарху, никто не ждал объедков, протянутых венценосной рукой. Здесь личная храбрость, личные достижения были единственным критерием успеха, а король стал, можно сказать, неким символом — каким ныне являются английская королева и японский император. Правда, в отличие от последних польско-литовского монарха не уважали. Обычно на трон приглашали чужеземца. Король был игрушкой шляхты и магнатов, и потому желающих занять трон — из числа сильных личностей — находилось мало.

В императорском Риме мы не видим плеяду одаренных личностей, не терпит их и русское самодержавие. Россия победила Смуту, но ценой величайших человеческих жертв и неимоверных усилий измученного народа, а не благодаря искусству полководцев...

Теперь Москва решила воспользоваться тяжелой ситуацией соседа, чтобы вернуть обратно Смоленск — этот город, похоже, стал чем-то вроде переходящего знамени, которое получал удачливый победитель. Летом 1613 года русские вой-

ска подошли к городу и обложили его со всех сторон. Сил взять Смоленск у осаждавших не хватало, но, с другой стороны, его защищал немногочисленный гарнизон, который в основном состоял из наемников, давно не получавших жалованье. В городе заканчивались продовольственные запасы, и падение его стало лишь вопросом времени.

Чтобы деблокировать город либо доставить в него провиант, требовались немалые силы. Их у короля не было, но не перевелись еще герои-одиночки. Один из участников Смуты времен Лжедмитрия II Александр Юзеф Лисовский вместе с оршанским старостой Александром Сапегой взялись доставить в Смоленск все необходимое для жизни. Отвлечь же русские силы от города решили хитроумным способом — совершив дерзкий рейд на территорию Московии...

Роль спасителя досталась бравому военачальнику Александру Юзефу Лисовскому. Но хотя поход планировался с ведома канцлера Сапеги, в тесной координации с гетманом Ходкевичем, и цель его была отвлечь силы русских от Смоленска, Лисовский не получил ни одного солдата, ни одного золотого.

В первое время под началом Лисовского находилось всего лишь 600 человек; численность отряда менялась, но даже в лучшие времена едва ли достигала 3000 человек. Здесь была ставка на профессионализм воинов и необычайную маневренность не обремененного обозом конного соединения. Все необходимое для жизнедеятельности Лисовскому давала война.

Отряд Лисовского начал военные действия в Северной земле: захватил Карачев и пытался овладеть Брянском. Москва прекрасно знала этого противника со времен Смутного времени, и потому как на трудную войну отправила против него силы по численности на порядок большие. Командовали войсками опытные воеводы во главе с князем Дмитрием Пожарским.

Но первое сражение закончилось неудачно для русских. Сначала бешеного натиска кавалерии не выдержал Иван Пушкин, затем обратился в бегство Степан Исленьев; на поле брани остался лишь Пожарский с 600 воинами — огордившись телегами, князь ждал, пока не угаснет боевой пыл

врага. Наконец Лисовский оставил в покое укрепленный лагерь русских и продолжил путь. В течение суток к Пожарскому вернулись разбежавшиеся воеводы; количество войска позволяло вступить в схватку с врагом, но... разве можно догнать молнию?

Лисовский, как пишет С. М. Соловьев, «сжег Белев; потом приступил было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и стал в Перемышле, откуда воевода со всеми ратными людьми выбежал в Калугу. Пожарский остановился в Лихвине; здесь, подкрепив себя казанскою ратью, погнался опять за Лисовским; тот начал по-прежнему отступать, выжег Перемышль и пустился наспех между Вязьмою и Можайском; Пожарский отрядил против него воевод, но сам, истомленный невероятно быстрою погоней за самым неутомимым из наездников, слег от тяжкой болезни и отвезен был в Калугу».

Ржев, Кашин и Углич захлопнули ворота перед этими воскресшими призраками недавней Смуты. «После этого Лисовский уже не приступал более к городам, но пробирался, как тень, между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлем и Костромою к суздальским местам, потом между Владимиром и Муромом, между Коломною и Переяславлем Рязанским, между Тулою и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое; только в Алексинском уезде сошелся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву, куда явился наконец Лисовский после своего изумительного в военных летописях круга и надолго памятного в Московском государстве». Так кратко описывает русский историк гигантскую петлю на необъятной территории, очерченную польскими саблями. Целый год бродил по Московии неуловимый полковник.

Лисовский умер вскоре после возвращения из похода — в октябре 1616 года — в возрасте 36 лет. Полтора десятка лет он находился в самом пекле, но почил своей смертью — упал с коня во время смотра войска и больше не поднялся. Есть версия об отравлении, возможно, не выдержало сердце, может быть, сказались многочисленные раны — ведь полковник никогда не прятался за спины своих воинов. «Как сам

Лисовский бросался на все опасности, так приучил и своих солдат, и, как бы обрекши уже их на верную смерть, обыкновенно называл военным термином «погибшие», — рассказывает Станислав Кобержицкий.

Со смертью командира полк не распался. Воины Лисовского стали особым родом войска. Они по-прежнему жили за счет военной добычи, не получая жалованья из казны. Благодаря своей исключительной боеспособности они в качестве наемников участвовали во многих европейских битвах и многие народы повергали в ужас своей жестокостью.

Рейд Лисовского в немалой степени спровоцировал Речь Посполитую на новую войну с Россией. Очень уж лихо управлялся полковник с царскими воеводами; казалось, еще немного усилий и войска — и Москва вновь окажется в польских руках. Повод для масштабной войны имелся весомый: в грамоте, посланной в Москву, было сказано, что «великий князь Владислав идет на царство, на которое избрал его добровольно русский народ и в верности принес присягу». Таким образом, спустя почти восемь лет Владислав предъявил свои права.

Все тех же лиц мы видим у истоков очередного похода на Москву. Канцлер Лев Сапега потратил на сбор войска свои средства и вошел в долги; он также настоял, чтобы в Великом княжестве Литовском была введена новая подать для похода Владислава. Большинство сенаторов желало видеть во главе войска 70-летнего гетмана Станислава Жолкевского, но тот отказался под предлогом возможной войны с турками. Вместо него был избран гетман литовский Карл Ходкевич, которому, как замечает С. М. Соловьев, «также была знакома дорога в Москву и из Москвы».

Поход развивался неторопливо. В апреле 1617 года двадцатидвухлетний Владислав выступил из Варшавы, но лишь в конце сентября он оставил Смоленск и вошел на сопредельную территорию. В это время Ходкевич осаждал Дорогобуж; русские воеводы, прослышав о прибытии королевича, сдали город. Капитуляцию принимал канцлер Лев Сапега. От имени королевича он объявил, «что милостивейший князь дарит им жизнь, и прощает их безмерное преступление (!!!);

теперь их обязанность заслужить милость великого князя повиновением и постоянной верностью». Все пленные были отпущены на свободу, а воеводе Федору Семенову и двумстам дворянам, отправлявшимся в Москву, было выдано по два венгерских червонца.

Королевич собирался устроиться в Дорогобуже на зимние квартиры, но епископ Липский и канцлер Сапега посоветовали ему немедленно вести войска к Вязьме. Слух о том, что воеводы с войском оставили Вязьму и бежали к Москве, окончательно решил вопрос в пользу продолжения похода.

Затем пришло известие, что почти не имеет гарнизона Можайск, а его жители хотят сдаться Владиславу. «И так судьба открывала королевичу путь на царство; оставалось только действовать с быстротою, которая, подобно бурному потоку, отторгла бы от уstraшенного неприятеля города и крепости», — пишет биограф Владислава. И тут заявила о себе извечная головная боль правителей Речи Посполитой: взбунтовалось войско, потребовало жалованья и хорошего продовольствия; кроме того, оно не желало воевать зимой. Шляхта желала воевать с максимальным комфортом.

Осенью и зимой неумоимо сражались только воины Александра Лисовского; им не нужно было продовольствие, а жалованье они привыкли не получать, а брать саблей. После смерти Лисовского ими командовал его ученик и соратник Станислав Чаплинский. Оставляя после себя пустыню, бесшабашный полк взял Мещовск и истребил всех его жителей. Затем пал Козельск. А вот Калугу, которую защищал знаменитый князь Дмитрий Пожарский, поляки взять не смогли. Но этот партизанский, по сути дела, поход не мог решить исход войны.

Тем временем сейм Речи Посполитой «определил сбор денег для продолжения войны, но немного и с условием, чтоб война непременно была окончена в один год» (С. М. Соловьев). Однако пообещать — еще не значит дать. Когда Лев Сапега с каменецким епископом вернулись к войску после сейма, то застали его в ужасном состоянии:

«Слух и зрение их поразила ужасная бедность войска от неуплаты жалованья: кавалеристы не имели ни лошадей, ни прислуги, ни оружия, ни амуниции; одни умерли с голоду,

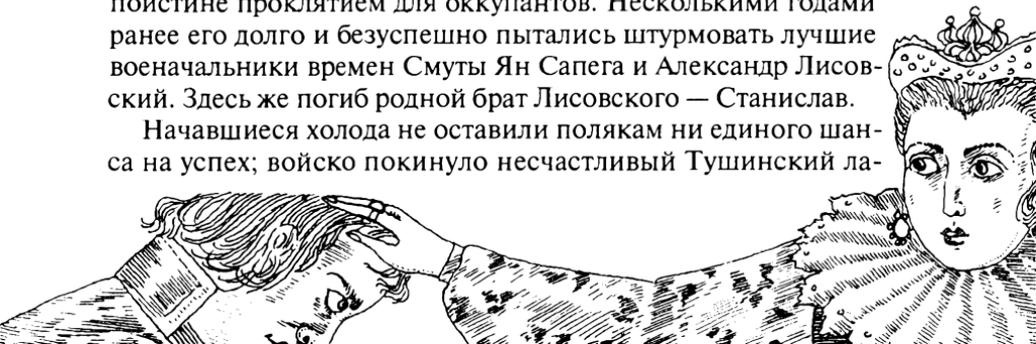
другие, по бедности, не имели даже необходимой одежды и роптали, что уже в продолжение двадцати дней у них не было во рту ни крохи хлеба. Особенно немецкая пехота, со дня на день приходя в худшее положение, расстраивалась, и люди везде падали от голоду». Несколько сотен литовской конницы отказались служить, потому что прошел трехмесячный срок, назначенный для уплаты жалованья. Владиславу пришлось лично умолять их продолжить службу. Побеждала королевича не армия москвитов, а жадность собственных магнатов. Еще немного, и все войско бы разбежалось.

Спас положение малороссийский атаман Петр Конашевич-Сагайдачный, приведший 20 тысяч малороссийских казаков. На радостях Владислав выслал атаману подарки, знамя, литавры и гетманскую булаву.

Собственно, война продолжалась благодаря стараниям Льва Сапеги. «При сем я должен сказать, — открывает тайну появления запорожцев Кобержицкий, — что присоединением казаков обязаны канцлеру Великого княжества Литовского Льву Сапеге: едучи на сейм, он из Орши послал к казацким старшинам убедительнейшую просьбу как можно скорее подать помощь королевичу в войне с русскими. Посланный донес Сапеге в Слониме, что казаки готовы исполнить его желание и только ожидают позволения короля. Сапега отправил и разрешение, и выпрошенные им на сейме двадцать тысяч злотых, чтоб заохотить казаков».

Войско, оставив в тылу непокоренный Можайск, двинулось к Москве. Спустя три дня оно расположилось в любимом лагере Лжедмитрия II в Тушине. 1 октября был предпринят штурм Арбатских ворот: но, потеряв 30 человек убитыми и более 100 ранеными, поляки были вынуждены отойти. Вскоре после неудачного штурма погиб в столкновении с отрядом защитников Троице-Сергиева монастыря командир «лисовчиков» Станислав Чаплинский. Непрístupный монастырь стал поистине проклятием для оккупантов. Несколькими годами ранее его долго и безуспешно пытались штурмовать лучшие военачальники времен Смуты Ян Сапега и Александр Лисовский. Здесь же погиб родной брат Лисовского — Станислав.

Начавшиеся холода не оставили полякам ни единого шанса на успех; войско покинуло несчастливый Тушинский ла-

герь. По сложившейся традиции королевич Владислав направился к Троице-Сергиеву монастырю и попытался его взять. Естественно, неудачно. И в декабре 1618 года было заключено Деулинское перемирие, положившее конец претензиям Владислава на русский трон и конец самой войне.

Война неудачно сложилась для Речи Посполитой, но и положение России было не таким, чтобы диктовать условия мира. И потому она была вынуждена отказаться от претензий на захваченные поляками территории: Смоленск, Северскую и Черниговскую земли.

То был не только конец похода Владислава, то был последний шанс со стороны великих князей Литовских и королей Речи Посполитой собрать под своей властью все русские земли. Отныне Литва и Польша будут только терять и отступать на Запад под напором Москвы — до тех пор, пока под ногами не останется почвы.

Выяснять отношения между собой России и Речи Посполитой мешала Швеция — попеременно воюя то с одной, то с другой державой. В середине 20-х годов XVII века настала очередь Речи Посполитой.

В 1623 году Сапега добровольно слагает с себя обязанности великого канцлера. Однако в трудное время без такого человека не обойтись, и король, несмотря на многочисленные личные конфликты, в 1625 году назначает Льва Сапегу гетманом Великого княжества Литовского.

Гетманская булава попала в руки Сапеге в тревожное время — шведы уже хозяйничали на северных землях Речи Посполитой. Война с переменным успехом продолжалась еще несколько лет, и лишь 26 сентября 1629 года между Речью Посполитой и Швецией было заключено перемирие. На эту войну Лев Сапега пожертвовал 77 тысяч злотых и 40 тысяч флоринов — большую часть своих средств. На собственные деньги великий гетман содержал войско, которое остановило нашествие шведов на Литву и польские земли.

Умер Лев Сапега 7 июля 1633 года в Вильно, здесь он и похоронен в построенном им же костеле Св. Михаила.

Но и после смерти Сапеге один из выращенных в его инкубаторе самозванцев смущал покой Москвы. Новый «вы-

движенец» был сыном польского шляхтича Дмитрия Лубы. Шляхтич взял с собой маленького сына Ивана с собой в Москву во времена Смуты да там и сложил голову. Сироту забрал шляхтич Белинский, но руководствовался он совсем не благородными мотивами.

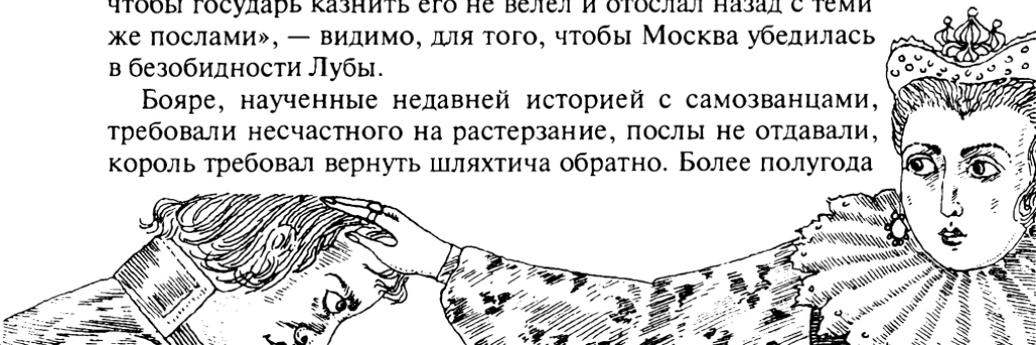
Когда Марина Мнишек оказалась в плену, Белинский хотел подменить ее сына от Лжедмитрия II на Ивана Лубу, но не успел. Сына Марины и Лжедмитрия II повесили. Но предприимчивый шляхтич не отчаялся и придумал другой способ заработать на сироте.

Белинский объявляет, что повесили все же другого мальчика, а сын «Дмитрия» благополучно привезен им в Польшу и пребывает в добром здравии. О этом было доложено королю. В результате мнимый сын мнимого царя оказался в руках помощника Сапеги — Александра Гонсевского. Тот отдал его на обучение грамоте и велел оберегать для подходящего случая. Вот что пишет С. М. Соловьев: «Сигизмунд и паны отдали мальчика на сбережение Льву Сапеге, назначив ему по 6000 золотых на содержание, а Сапега отдал его в Бресте Литовском в Семеновский монастырь игумену Афанасию учиться по-русски, по-польски и по-латыни, и мальчик пробыл у игумена семь лет. После, во время мира с Москвою, жалованье Лубе уменьшили до ста золотых в год, а когда заключено было с Москвою вечное dokonчание, то об нем совсем забыли».

Однако Москва прознала о существовании мнимого царевича и потребовала выдать самозванца. Между Речью Посполитой и Россией развернулась настоящая дипломатическая война. Москва считала за лучшее уничтожить «вора», поляки убеждали, что «отдать его вам никак нельзя, потому что он польского народа шляхтич».

Русская настойчивость привела к тому, что «король посылает Лубу в Москву со своими великими послами, только чтобы государь казнить его не велел и отослал назад с теми же послами», — видимо, для того, чтобы Москва убедилась в безобидности Лубы.

Бояре, наученные недавней историей с самозванцами, требовали несчастного на растерзание, послы не отдавали, король требовал вернуть шляхтича обратно. Более полугода

воспитанник Сапеги и Гонсевского жил в Москве под страхом смерти.

Ситуация разрешилась только при новом царе Алексее Михайловиче (1645—1676). Луба был отпущен, договорились на том, «что Луба к Московскому государству причитанья никогда иметь не будет и царским именем называться не станет; жить будет в большой крепости; из Польши и Литвы ни в какие государства его не отпускают; кто вздумает его именем поднять смуту, того казнить смертию; все это написать в конституцию на будущем сейме и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье панов радных и послов поветовых» (С. М. Соловьев).

Пожалуй, это единственный самозванец, которому так повезло. Впрочем, какой он самозванец, если царским сыном его пытались сделать другие, помимо его воли?

«Рабы теперь господствуют над нами»

В апреле 1632 года умирает король Речи Посполитой Сигизмунд III. Этим моментом решила воспользоваться Москва, чтобы попытаться вернуть утраченные земли, и в первую очередь Смоленск.

Воеводами назначили «боярина Михайлу Борисовича Шеина и окольного Артемья Измайлова; войска с ними выступило 32082 человека с 158 орудиями; другие воеводы выступили из Ржева Володимирова, из Калуги, из Севска», — такие сведения приводит С. М. Соловьев. Польская сторона утверждает, что под Смоленск пришло до ста шестнадцати тысяч русских солдат. В любом случае сила собралась огромная.

Война началась счастливо для России: в короткий срок было захвачено множество городов и осажден Смоленск. Восемь месяцев его наместник Станислав Воеводский отражал непрерывные атаки; в городе не осталось ни пороха, ни ядер, ни продовольствия. Воевода уже готов был сдать город, как в Речи Посполитой наконец был избран король — сын Си-

гизмунда III, Владислав — тот самый, что во время Смуты был избран русским царем.

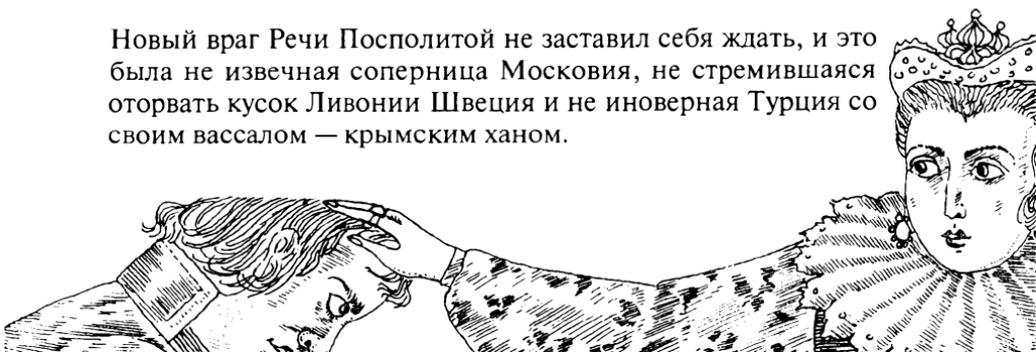
Новый король сразу же привычным маршрутом направился к Смоленску во главе 23-тысячного войска. К королевской рати присоединились малороссийские казаки, а крымские татары не упустили возможности пограбить южные российские земли. В ходе двухдневных боев (22—23 сентября 1633 года) Смоленск был деблокирован. 24 сентября король торжественно вступил в город, приняв городские ключи от тамошнего воеводы.

Затем поляки зашли в тыл воеводы Шеина и сожгли Дорогобуж, где хранились запасы для всего войска. Голод и ряд поражений принудили Шеина к сдаче. Процедура была довольно унижительна. Без барабанного боя, с погашенными фитилями русские вышли из лагеря, все знамена знаменосцы сложили у ног короля, сидевшего на лошади. Наконец король позволил взять знамена, оставил русским двенадцать пушек. Войско двинулось на Московскую дорогу, но перед этим «сам Шеин и все другие воеводы и начальные люди, поравнявшись с королем, сошли с лошадей и низко поклонились Владиславу, после чего, по приказанию гетмана, сели опять на лошадей и продолжали путь».

Воевод ждала участь карфагенских военачальников, которые в своей жизни могли только единожды потерпеть поражение. Шеин, а также Измайлов по приезде в Москву были объявлены виновниками поражения — им на плахе отрубили головы. Но и успехи Владислава закончились. Войско Речи Посполитой долго и безуспешно пыталось взять Белую; Владислав пытался склонить русских к сдаче на хороших условиях, но печальный пример Шеина не оставлял воеводе Белой иного выбора, как сражаться.

В июне 1634 года воюющие стороны заключили мирный договор, по которому никто ничего не терял и не приобретал.

Новый враг Речи Посполитой не заставил себя ждать, и это была не извечная соперница Московия, не стремившаяся оторвать кусок Ливонии Швеция и не иноверная Турция со своим вассалом — крымским ханом.

У днепровских порогов в XVI веке сложилась принципиально новая общность — запорожское казачество. Сюда бежали крепостные крестьяне, бежали православные, спасаясь от религиозных притеснений, здесь находили себе занятие младшие сыновья из многодетных семей, по своему статусу обреченные на нищету, здесь укрывались преступники — по большому счету на берегах Днепра находили приют все обиженные, недовольные жизнью. Необходимость защиты от прежних властителей и опасных соседей заставила беглецов оформиться в полувоенную организацию с собственным гетманом, войском, укладом жизни.

До некоторых пор казаки играли положительную роль в жизни Речи Посполитой. Они служили заслоном от крымских и турецких набегов, во времена войн с Московией оказывали военную помощь. Но казаки не приняли Брестскую унию 1596 года, громко заявив, что хотят остаться православными. Однако окончательно погубил дружбу казаков и короля не религиозный вопрос, а денежный.

Речь Посполитая принимала казаков на службу, заносила их в реестр. Каждый реестровый казак получал денежное довольствие. Однако количество казаков постоянно росло, а реестр невозможно было расширять до бесконечности из-за недостатка средств в казне. Но казакам не было никакого дела до королевских проблем, их не интересовало, откуда король возьмет деньги. В 30-х годах в Запорожье произошло несколько бунтов нереестровых казаков с требованием расширить реестр. Кнутом и пряником, обещаниями и военной силой их удалось подавить. Огонь был притушен, но не погашен и ждал только хорошего ветерка, чтобы вспыхнуть с новой силой. Нужен был только вождь, способный повести за собой всех недовольных. И такой лидер отыскался...

«Хмельницкий был казак видный во всех отношениях: храбрый, ловкий, деятельный, грамотный; у него было и состояние, хутор Субботово в Чигиринском старостве, — так характеризует вождя запорожских казаков С. М. Соловьев. — За это-то Субботово началась у него ссора с Чаплинским, подстаростой чигиринским... Известно, как в это время в Польше действовали друг против друга враждующие, и понятно, кто должен был осилить в борьбе — шляхтич или казак.

С шайкою голодных людей наехал Чаплинский на слободы Хмельницкого, завладел гумном, в котором находилось 400 копен хлеба, и всех домашних Хмельницкого заковал в цепи; самого Богдана держал четыре дня в тесном заключении и освободил только по просьбе жены своей. Богдан подал жалобу в суд; в отмщение за это Чаплинский приказал своей дворне схватить десятилетнего сына Хмельницкого и высесть плетью среди базара; приказ был исполнен так хорошо, что мальчика чуть живого принесли домой и скоро после того он умер. Зять Чаплинского клялся не раз пред казаками, что Хмельницкому не быть в живых. Поедет ли Богдан куда по делам службы, воротится домой, а на конюшне нет серого коня: взяли за поволовшину. Отправится он в поход против татар, сзади подъедут к нему и стукнут по голове так, что не быть бы живому, если б не защитил железный шлем, да и скажут в оправдание, что приняли его за татарина».

Богдан Хмельницкий не стал отвечать обидчикам немедленно и единственно силой своих рук. Мечь он задумал более масштабную, атаман замыслил очистить Украину от шляхты и власти короля вообще. Для широких замыслов нужны союзники, и Хмельницкий в марте 1648 года отправился в Крым. Хан долго колебался, опасаясь попасть в ловушку — ведь с казаками у татар никогда не водилось большой дружбы. Тогда Хмельницкий присягнул на сабле ханской и оставил в заложниках своего сына Тимофея. Хан отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырехтысячным отрядом.

Хмельницкий действовал молниеносно. «5 мая у Желтых Вод встретился Хмельницкий с сухопутным польским войском, — описывает события С. М. Соловьев, — и после трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая) поляки потерпели страшное поражение, так что и десятка их не успело спастись бегством. Покончивши с молодым Потоцким, который умер от ран в плену, Хмельницкий двинулся навстречу к старому, сошелся с ним 16 мая у Корсуня и поразил наголову: оба гетмана — коронный великий Потоцкий и польный Калиновский — попались в плен и были отосланы к хану в Крым; поляки потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых, 41 пушку. Поражение приписывали неблагоразумному разделению войска на две части, отправлению одной из них вперед с молодым

Потоцким; иные упрекали коронного гетмана за несогласие с товарищем своим Калиновским и за распутство, которому он был предан, несмотря на свои преклонные лета. Укоры сыпались на побежденных; как обыкновенно бывает, каждый говорил, что если б сделали иначе, если б послушались его советов, то не было бы беды».

Победа Хмельницкого привела в движение всю Украину, теперь нигде не чувствовали себя хозяевами даже собственных домов и своих жизней гордые шляхтичи. «Взбунтовавшееся хлопство не хочет впускать в местечки своих панов, трудно их обуздать», — жалуется львовский архиепископ. Брацлавский воевода Адам Кисель в письме гнезненскому архиепископу рисует совсем безрадостную картину:

«Рабы теперь господствуют над нами; изменник учреждает новое княжество: несчастные братья наши среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие ценные предметы, бегут во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий шадит ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословие, отворяет города, замки и вступает в его подданство».

Князь Иеремия Вишневецкий

«Резня господствовала на Украине, и среди этой бойни казаки и вельможи соперничали в зверстве. В то время как украинская шляхта, не думая о сопротивлении, бежала или гибла под ножами восставших хлопов, один воевода русский, князь Иеремия Вишневецкий, выставил сопротивление. Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков. В самом начале восстания Хмельницкого Иеремия был уже на восточной стороне Днепра, намереваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслед за нею всеобщее восстание хлопов отбросили его на запад, но он скоро остановился и с отрядами своими выставил единственное сопротивление казачеству. Какого же рода было это сопротивление? Направ-

ши врасплох на местечко Погребища, преданное казакам, он перемучил его жителей, особенно священников православных; из Погребищ Вишневецкий пошел к принадлежащему ему городу Немирову; жители затворились было от своего пана, но он взял город приступом, и выданные мешанами виновники восстания погибли в ужаснейших муках: «Мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!» — кричал Вишневецкий палачам. В конце июля под Константиновом встретился Вишневецкий с многочисленным казацким отрядом, бывшим под начальством Кривоноса; после двух кровопролитных стычек поляки принуждены были отступить» (С. М. Соловьев).

Владения князя Иеремии Вишневецкого располагались в «горячей точке», но он ухитрялся получать с земель баснословный доход и содержать собственную превосходную армию в три-четыре тысячи человек, а то и больше. Без нее князь просто не смог бы существовать. Ежегодно отряды крымских татар отправлялись на поиски добычи и пленных на сопредельную территорию. Опять же казаки, особенно нереестровые, не получавшие от государства никакого содержания, привыкли жить грабежом. Они предпочитали, правда, грабить иноверных татар, но при удобном случае не брезговали и владениями шляхты. Жизнь сделала Вишневецкого волком, она научила его выживать.

Польский хронист Станислав Освецим под 1643 годом описывает вторжение татарского отряда численностью 4000 человек во владения Вишневецкого:

«Князь, его милость, имел уже свой отряд наготове... Татары, узнав, что против них движется войско, хотя оно находилось еще в двух милях от них, отправили вперед свой кош с ясыром и добычею и оставили позади заставу в 700 лошадей под начальством Байран-Кази, старшего сына Умерли-аги. Этот Байран-Кази по приказанию своего отца управлял всем войском, потому что отец хотя и находился при отряде, но был уже очень стар и слеп. Князь, его милость, быстро стянул часть своего войска и разгромил татарскую заставу. Байран-Кази, раненный выстрелом, попал в плен и много отборных татарских воинов легло в этом сражении; затем пошли в погоню за уходящим кошем и гнались за ним на расстоя-

нии двух миль. Татары, убегая, обезглавили многих пленников, остальных же принуждены были бросить; несколько десятков татар захвачены в плен. Четыре дня спустя после этого погрома Байран-Кази умер в Лохвице от раны. Отправляясь после сражения в обратный путь, князь оставил отряд в 200 человек для погребения погибших в бою и для захвата в плен отстававших от коша татар».

Войско Вишневецкого постоянно участвовало в походах. Освецим отмечает, рассказывая о походе 1644 года, «из числа контингентов, доставленных частными лицами, самый многочисленный — 3000 человек принадлежал князю Иеремие Вишневецкому».

В 1646 году этот же хронист, рассказывая об очередном походе гетманского войска, перечисляет магнатов, «доставивших свои контингенты; в числе последних первое место занимает князь Еремия Вишневецкий, явившийся во главе отряда в 4000 человек».

В сентябре 1648 года войско Хмельницкого одержало победу под Пилявцами. Казачьему военачальнику не пришлось применять хитрых тактических ходов, противник сам сделал все, чтобы быть разбитым. Даже перед лицом смертельной опасности королевское воинство оставалось в плену шляхетской вседозволенности. Как пишет очевидец событий, в польском лагере не было «никакой дисциплины, никакого авторитета вождей». На сигнал тревоги никто не среагировал. На бой правильным строем вышли только хоругви киевского воеводы — они, понятно, сражались за свое кровное имущество. «...Другие хоругви выскакивали безо всякого порядка из лагеря и как какой вздумалось, так и сражались».

На следующий день картина повторилась. Поляки «завязали бой, который при таком беспорядке привел к несчастью, ибо одни хоругви сражались по два и три раза... а другие не хотели сражаться, третьи не тронулись из лагеря, четвертые безобразно и позорно бежали».

К вечеру приведенный язык объявил, что на помощь Хмельницкому пришло 40 000 татар (хотя на самом деле их было 4000). Предводители, не разобравшись, бросились бежать, за ними поспешило войско. «Что там поганство сдела-

ло с нашим табором, с оставшимися хоругвями и челядью, описывать излишне», — опускает подробности очевидец.

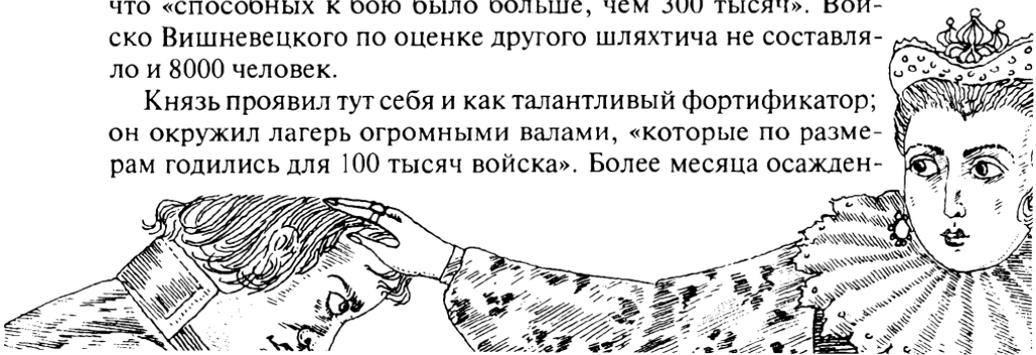
Среди всеобщего беспорядка присутствие духа сохранял, пожалуй, лишь Иеремия Вишневецкий. «Какой-то тяжёлый и фатальный год постиг нашу отчизну, — пишет князь архиепископу Гнезненскому. — Начиная с первых ее поражений и до теперешних, последних, мы обречены переносить это несчастье. Не хочу об этом вспоминать, чтобы скорбью не умножать скорбь, тем более что я не сомневаюсь в том, что вы... имеете достоверные и точные сведения о разгроме столь хорошо снаряженных и немалых войск. Не могу понять, случилось ли это в результате божьего гнева или же какой-то непредусмотренности. Об одном только вынужден скорбеть, что спокойствие и слава наших народов так позорно растоптаны их подонками плебеями и данниками».

Вишневецкий не обвиняет никого в поражении под Пилявцами, он спасает то, что можно спасти:

«Однако чего бы только нам небо и несчастье наше терпеть ни приказали, нам надлежит, умоляя величие Божие, не пренебрегать средствами, направленными на сохранение отчизны, из коих самое лучшее — это быстрее пополнение войск, которые, наконец, умолив Бога, смогли бы остановить этого неприятеля, который так стремительно наступает на отчизну. Поэтому я, следуя горячей настойчивости рыцарства, сам остался, чтобы, взяв на себя совместно с... коронным подचाшиком командование, как-нибудь задержать рассеянные войска и вывести отчизну из такого тяжёлого положения».

Вишневецкий возглавил остатки войска и занялся вербовкой новобранцев. 29 июня 1649 года Хмельницкий задумал уничтожить стоявшее под Збаражем польское войско. Кроме казаков, полякам противостояли татары и прибывшие на помощь запорожцам донцы — польский хронист пишет, что «способных к бою было больше, чем 300 тысяч». Войско Вишневецкого по оценке другого шляхтича не составляло и 8000 человек.

Князь проявил тут себя и как талантливый фортификатор; он окружил лагерь огромными валами, «которые по размерам годились для 100 тысяч войска». Более месяца осажден-

ные отражали атаки татарско-казацкой армии и сами совершали успешные вылазки. Вишневецкий был всегда на самых трудных участках. «Князь... впереди кричит: “Эй! Детки! За славу Божью, за отчизну милую и погибнуть любо!” Из огня в огонь бросается», — описывает одну из контратак польский хронист.

В то время как Вишневецкий практически в одиночку сражался с восставшей Украиной, прочие магнаты в силу своих амбиций не желали поступать под чье-либо руководство. А ведь силы имелись немалые! Автор письма, датированного второй половиной июля 1649 года, перечисляет их:

«Пан брацлавский под Дубной имеет 3000 человек; п. Корицкий имеет 2 хоругви п. воеводы краковского, князь Корецкий — 600, стоит под Яружином; п. староста сокальский 1000 под Бродами, п. Минор 1000 под Жолбужем, галицких поветов 1000 под Галичем, скитаются все они, как блуждающие овцы, не сосредоточиваются и в такой обстановке применяют эти церемонии. Не дает им, как видно, Г. Бог столько разума, чтобы исправиться все и сосредоточивались при князе (Вишневецком)».

В начале августа к Зборову подошло польское войско во главе с новым королем Яном-Казимиром. Хмельницкий оставил пехоту осаждать Вишневецкого, а сам с конницей и татарами направился к Зборову. 5 августа 1649 года королевское войско потерпело очередное поражение. От полного уничтожения поляков спас канцлер Оссолинский тем, что подкупил татарского хана Ислам-Гирея.

Вишневецкий был для Хмельницкого, что кость в горле; он понимал, пока жив этот магнат — ему не добиться полного успеха на Украине. Князь стал личным врагом казацкого гетмана — таким же, как убивший когда-то его малолетнего сына Чаплинский.

Хмельницкий использовал все средства борьбы с воинственным князем; он не только воевал, но и отчаянно интриговал, пытаясь поссорить Вишневецкого с другими магнатами. Устранение Вишневецкого всегда было для Хмельницкого одним из главнейших условий мирного соглашения с Польшей.

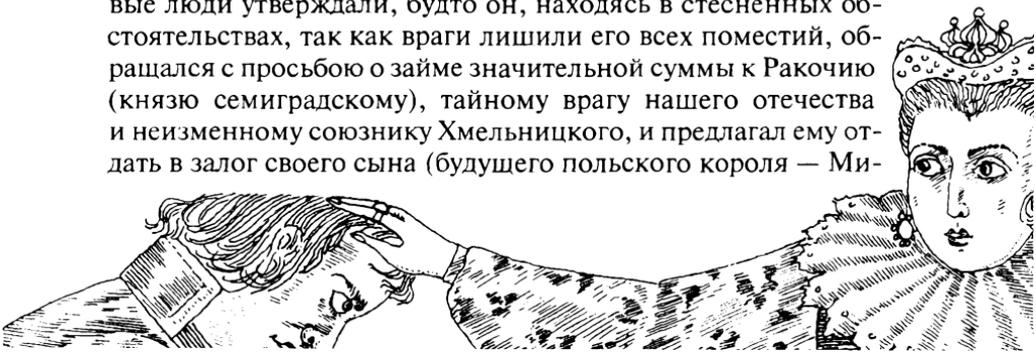
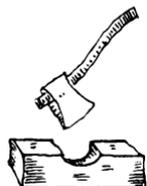
15 ноября 1648 года Хмельницкий направил письмо сенату, выставляя виновниками всех происходящих бед двух панов — Концепольского и Вишневецкого, и требовал, чтобы они и сенатом были объявлены виновными.

Во время переговоров с Адамом Киселем казацкий гетман напоминает: «Я не получил удовлетворения за обиды, нанесенные Чаплинским и Вишневецким. Первый должен быть непременно мне выдан, а второй наказан, потому что они подали повод ко всем смутам и кровопролитию». В проекте условий мира с Речью Посполитой, представленном Хмельницким, ненавистный князь тоже не обойден вниманием. «Иеремия Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным», — гласит один из пунктов этого документа.

Москва внимательно следила за событиями на Украине; там понимали, кто мешает этим событиям развиваться по нужному ей руслу. Сохранилась реляция о переговорах русских послов с польскими сенаторами, датированная 20–28 марта 1650 года. Вишневецкий всплыл в неожиданном ракурсе. Он упоминается среди тех, кто неправильно пишет титулы русского царя, что рассматривалось не только как оскорбление царского величества, но и как нарушение договоров и территориальные претензии. Русские послы требуют покарать смертью всех виноватых, а в отношении Вишневецкого даже называют способ казни: посадить на кол.

Удачливый князь был предметом нападков и в самой Речи Посполитой, со стороны соотечественников, которым меньше повезло в борьбе с восставшими казаками и собственными крестьянами. В январе 1650 года Станислав Освецим написал в своем дневнике:

«...Как это обыкновенно случается во время войны, заразы и других общественных бедствий, стали распространяться различные неблагоприятные слухи и подозрения насчет разных особ, в том числе и насчет князя Вишневецкого. Завистливые люди утверждали, будто он, находясь в стесненных обстоятельствах, так как враги лишили его всех поместий, обращался с просьбою о займе значительной суммы к Ракочию (князю семиградскому), тайному врагу нашего отечества и неизменному союзнику Хмельницкого, и предлагал ему отдать в залог своего сына (будущего польского короля — Ми-

хаила). Удивительно злословие коварных людей! Будто сын столь знатного и славного вельможи, занимающего одно из первых мест в отечестве, единственное украшение своего рода, зеница ока своего отца, мог быть отдан под залог денежной суммы явному врагу отечества! Будто князь Вишневецкий лишен был в отечестве друзей и родственников, которые бы не отказали ему в помощи. Ведь мы видели, что многие, совершенно ему посторонние люди, не связанные с ним узами родства, руководимые лишь уважением к его славе и заслугам, предоставляли в его распоряжение и пользование свои дома и поместья».

Но вообще-то если у кого-то и не хватало денег, так это у короля. Польский шляхтич описывает типичную ситуацию: в июне 1651 года, накануне судьбоносной битвы с Хмельницким, взбунтовалась часть войска, которая была набрана раньше других. За время похода она потеряла значительную часть лошадей, амуниция пришла в негодность, катастрофически не хватало провианта. То есть войско не получало ничего из того что должно было получать. Солдаты требовали денег, иначе они отказались продолжать службу.

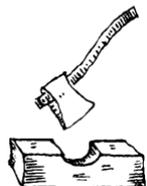
«Заявление это затормозило королевские планы, — пишет Освецим, — и было весьма тягостно как для короля, так и для всей Речи Посполитой, особенно потому, что случилось в то именно время, когда решено было двинуться на врага; сладить с этим обстоятельством было трудно, потому что не только не было готовых денег для уплаты солдатам, но и не предвиделась возможность добыть их. Король с гетманами и сенаторами, находившимися в лагере, стал советоваться о том, какие бы придумать средства для того, чтобы успокоить солдат, очевидно сильно нуждавшихся в поддержке, и уговорить их прекратить пререкания, хотя и справедливые, и возвратиться к должному повиновению власти».

Королю пришлось прибегнуть к самому настоящему разбою. «В совете королевском решено было: оповестив шляхтичей, пересмотреть их имущество, а в случае, если бы они воспротивились, насильно вскрыть их сундуки и хранящиеся в них деньги взять, в качестве принудительного займа». Денег в сундуках местной шляхты оказалось мало, король воз-

будил ненависть хозяев «пересмотренного» имущества и не обеспечил должным образом солдат.

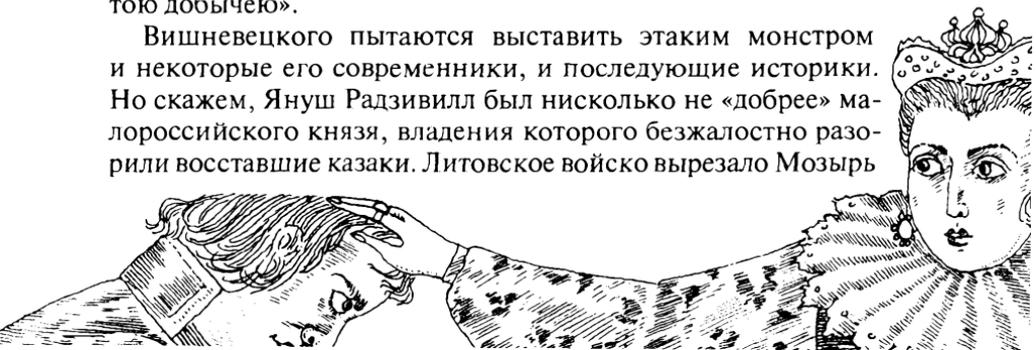
«Оказалось необходимым обратиться к другим источникам; но как их не было под рукою, то пришлось прибегнуть к подаянию. Стали собирать, будто милостыню, у сенаторов, панов, офицеров и вообще у всех более зажиточных лиц. Каждый давал взаймы по возможности: несколько тысяч, несколько сот или даже несколько десятков злотых, и таким образом старались сколотить нужную сумму. Но как никто не брал в лагерь лишних денег и запасался лишь количеством, необходимым для своего содержания, то собранная сумма оказалась далеко не достаточной; возможно было выдать на каждую хоругвь только по 1000 злотых. Долго солдаты не желали удовлетвориться столь малой платой, утверждая, что она окажет им слишком мало помощи; но наконец, приняв во внимание невозможность добыть более денег и уступая настойчивым просьбам короля, они решили оставить свое упорство, удовлетвориться пока и незначительной суммой и подождать присылки денег, обещанных им в скором времени коронным подскарбием».

Ситуация, когда король с протянутой рукой собирает милостыню у собственных дворян, чтобы накормить войско, выглядела бы комично, если б не была трагичной и типичной.

Зборовский договор между королем и Хмельницким, заключенный через три дня после одноименной битвы, не мог удовлетворить ни ту, ни другую сторону. Оба соперника использовали короткую передышку для восстановления сил. Война возобновилась в феврале 1651 года. И вновь отличается Вишневецкий: как своими успешными действиями, так и жестокостью. По словам Освецима, 5 марта в Ямпольс «перерезали поголовно всех жителей, местечко сожгли и овладели богатой добычей».

Вишневецкого пытаются выставить этаким монстром и некоторые его современники, и последующие историки. Но скажем, Януш Радзивилл был несколько не «добрее» малороссийского князя, владения которого безжалостно разорили восставшие казаки. Литовское войско вырезало Мозырь

и Туров, уничтожило казаков вместе с местными жителями в Пинске, а цветущий город сожгло дотла. Там, где прошел Януш Радзивилл, живого казака найти было трудно. В июле 1651 года гетман настиг 15-тысячное войско казачьего полковника Небабы. По словам очевидца событий с литовской стороны, «дело обошлось даже без выстрела, ибо, быстро окружив эту сволочь, мы рукопашным боем истребили ее наповал. Не знаю, спаслось ли их хоть несколько человек».

Кстати, Радзивилл — один из немногих, кто удостоился похвалы польского хрониста Освецима: «Существовало постоянное опасение, что литовское войско, соскучившись вследствие голода, недостатка и безурядицы нашей, оставит нас и возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивиллу: “Напрасно ты привел нас сюда смотреть на безначалие!” Князь едва мог обуздать неудовольствие, прибегая к неимоверной скромности и вежливости; он упрашивал их успокоиться так, как будто он был не вождь, а рядовой воин. Вообще о князе Радзивилле все отзывались с похвалой: указывали на его выдающийся ум в военных советах, на образцовую скромность, на умение удержать среди солдат дисциплину и повиновение, на несокрушимое мужество в битве и искреннюю преданность благу Речи Посполитой».

Впору отметить, что управлять шляхтой на войне мог только человек с дипломатическими способностями. Пожалуй, проще было иметь дело с врагом, поскольку знаешь, чего от него ждать; польское же дворянство было абсолютно непредсказуемым. В общем, можно выискивать ошибки Иеремии Вишневецкого и Януша Радзивилла, можно упрекать их в жестокости, но без них Речь Посполитая погибла бы под напором казацко-крестьянской ярости уже в те годы.

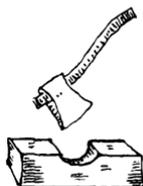
В конце июня 1651 года войско Хмельницкого в союзе с татарами сошлось с армией Речи Посполитой под Берестечком. Два дня прошло в стычках поляков и казаков с переменным успехом. Утром третьего дня оба войска построились для решающей битвы, но решительности у вождей не хватало. Хмельницкий, видя многочисленность польского войска и прекрасную позицию его, опасался ставить на карту

все. Король вообще не отличался решительностью. А между тем ситуация в стране была ужасная: пламя восстания расплзлось по Литве и самой Польше, отряд казаков действовал даже в окрестностях Кракова, и были опасения за самую древнюю столицу. При этом, как обычно, войско нечем было кормить; в общем, Речь Посполитую могла спасти только немедленная победа.

Армии стояли до трех часов дня. В польском лагере все чаще раздавались предложения отложить битву на следующий день, «так как время уже клонилось к вечеру и ветер дул в лицо нашему войску, но, когда мнение это было высказано, князь Вишневецкий, от имени всего войска, стоявшего на левом фланге, заявил желание, чтобы тотчас начинать битву» и отправил посланника «к королю с заявлением от имени своего и всего воинства о полной готовности вступить в бой и с просьбою подать знак к атаке».

Это заставило замолчать всех колеблющихся, и воодушевленный король отдал приказ к наступлению. Вот как описывает Освецим последнее славное дело Иеремии Вишневецкого:

«...Тотчас грянули трубы и барабаны и сам князь тронулся с левым флангом, став впереди его с 18 хоругвями... Неприятель также двинулись вперед всей массой конницы и табора; они приступали быстро, особенно Хмельницкий с казаками, так что он опередил левый свой фланг, на котором стояли татары, и первый начал битву. С ним столкнулся князь Вишневецкий, которому в подкрепление пошли дворяне воеводств: краковского, сандомирского, ленчицкого и других. Весь этот фланг исчез вскоре в толпе неприятелей, и долгое время их не было видно, только раздавался гул от выстрелов пушечных и ружейных; наши полагали, что никто из них более не возвратится. Оказалось, однако, что эта атака увенчалась успехом: стремительным и быстрым движением они заставили попятиться все казачье войско и разорвали табор, хотя при этом и сами понесли чувствительные потери. В помощь казакам пришли татары от левого фланга, и тогда ряды наши, не будучи в состоянии удержать напора слишком численного врага, стали ослабевать и отступать к редутам; но промыслу Божию угодно было поддержать их; они оправались и возобновили

наступление столь успешно, что неприятель, побежденный нашею решимостью, должен был наконец податься. Казаки отступили в свой табор (хотя он в начале и был разорван, но они успели его восстановить), орда же удалилась на близлежащую гору. Когда левый фланг, которому принадлежит вся слава этого дня, столь храбро сражался, король со средним корпусом двигался также вперед в большом порядке...»

Губительный огонь польской артиллерии привел татар в полное замешательство. Они бросились бежать, Хмельницкий погнался за ханом с намерением уговорить его вернуться и продолжить битву. А тем временем казаки, оставшиеся без союзников и собственного вождя, потерпели страшное поражение. Но не окончательное...

Богатейшие трофеи, захваченные в казачьем лагере, не спасли польско-литовскую армию от голода: «...Многие солдаты в иностранных и польских региментах умирали от недостатка пищи», — пишет Освецим.

Шляхтич Свежлевский в письме от 27 июня 1651 года подтверждает катастрофическое положение польской армии: «Среди иностранной пехоты очень много больных, помирает их немало, а другие из-за голода ни на что не способны, ибо качаются от ветра. Если это затянется, много убудет пехоты».

Иеремия Вишневецкий умер вскоре после битвы под Берестечком — 20 августа 1651 года в возрасте 39 лет. Как пишет Освецим, «после кратковременной болезни, скончался в лагере доблестный рыцарь князь Иеремия-Михаил Вишневецкий, воевода русский, муж для отечества полезный во всякое время, но преимущественно теперь, для текущей кампании; все войско о нем глубоко сожалело и, если бы это было возможно, готово было бы собственною кровью искупить его кончину».

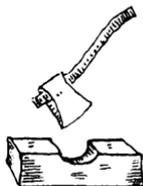
Князь-воин настолько неожиданно лег в могилу, что войско не поверило в естественность его смерти. Версия об отравлении бытует до сих пор. Уж очень многим неудобен был Вишневецкий.

Окончательно добить Хмельницкого помешала польская шляхта, которая напрочь отказывалась воевать. Дело дошло

до переговоров. Но тут возмутились те, кто воевал, кто видел, что требуется совсем немного усилий для окончательного подавления мятежа. Против договора с казаками выступили литовский гетман Радзивилл и польный гетман Калиновский. Когда кастелян краковский предложил сесть казацким послам, польный гетман закричал: «Я приказал уже приготовить колы, на которых они будут посажены, здесь же среди нас они недостойны сидеть!»

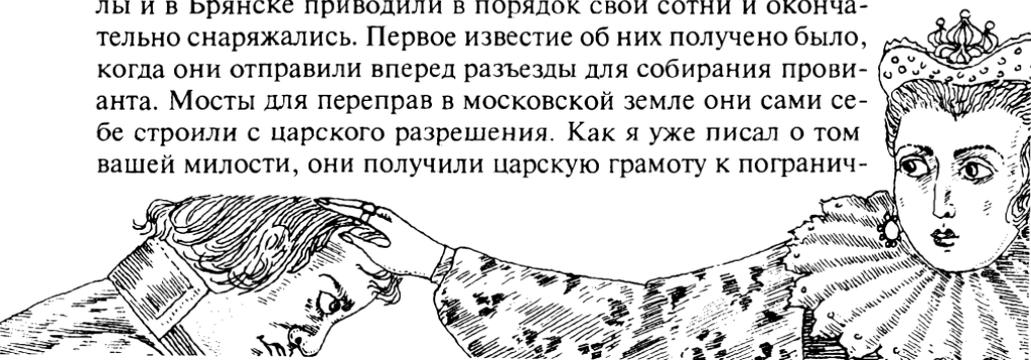
Переговоры сорвались, и армии снова сошлись для битвы. Януш Радзивилл командовал правым крылом; его литовцы опрокинули неприятеля и обратили в бегство. Поляки не поддержали успех, они решали: стоит ли вообще сражаться? Когда на следующий день литовского гетмана в совете спросили: следует воевать дальше или искать мира, он ответил: «Если бы вчера я убедился в исправности и мужестве коронного войска, то я предпочел бы сражаться, но, заметив в нем лишь беспорядок и апатию, я, по чистой совести, могу вам советовать лишь переговоры о мире».

Речь Посполитая теряет свои земли

На первом этапе казацкой войны Москва занимала выжидательную позицию, не решаясь ссориться с Речью Посполитой. Но весной 1651 года она любезно предоставляет свою территорию для прохода казацких войск на земли Великого княжества Литовского. Подвоевода смоленский в письме сообщает о нападении крупного казацкого отряда на Рославль:

«Рославль занят врагами 16 июня, ночью с четверга на пятницу. Неприятельский отряд состоит из 7000 человек, при них семь пушек. Все они имеют прекрасных лошадей и сами одеты в белые свитки. Они прошли через московские пределы и в Брянске приводили в порядок свои сотни и окончательно снаряжались. Первое известие об них получено было, когда они отправили вперед разьезды для собирания провианта. Мосты для переправ в московской земле они сами себе строили с царского разрешения. Как я уже писал о том вашей милости, они получили царскую грамоту к погранич-

ным воеводам, разрешавшую пропустить их еще на русского Николая (9 мая)».

Проигранные Хмельницким в середине 1651 года битвы заставили Москву действовать более решительно. Ведь казачья война без посторонней помощи была обречена на поражение. Наконец 1 октября 1653 года Москва перешла Рубикон: Земский собор постановил «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами их и землями» принять под свою высокую руку русского государя. 8 января 1654 года Переяславская рада единодушно высказалась за вхождение Украины в состав России: «Чтоб мы вовеки все едино были». Это событие автоматически означало, что началась очередная война России с Речью Посполитой.

Первый удар пришелся на Великое княжество Литовское. В 1654 году московские войска заняли восточные земли княжества — с крупнейшими городами: Полоцком, Витебском, Могилевом.

Смоленск, как обычно (кто бы ни приходил его брать на протяжении всей истории), оказывал долгое и упорное сопротивление. Город держался более двух месяцев в полном окружении, — когда русские войска ушли на сотни верст в глубь Литвы. Царь Алексей Михайлович в послании сестрам описал пример фанатизма его защитников: «Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену вошли, и бой был великий; и по грехам под башню польские люди подкатали порох, и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу».

В конце концов часть стены была разрушена, и смоленский гарнизон сдался. Смоленской шляхте и мещанам был предоставлен выбор: либо выехать в Литву, либо присягнуть на верность московскому государю.

Царь Алексей Михайлович приказывал не обижать жителей завоеванных земель, надеясь в их лице обрести преданных союзников и верных подданных. Но казаки, недавно слезно молившие царя взять их под свою власть, перечеркнули его добрые намерения.

Сохранилась так называемая «Реляция об ужасном разрушении города Люблина», написанная очевидцем взятия города в 1656 году отрядами русского воеводы Петра Потемкина и предводителя казаков Данилы Выговского.

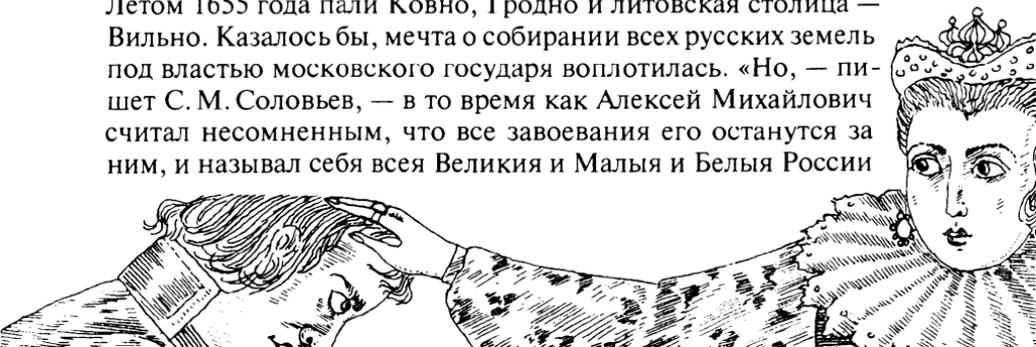
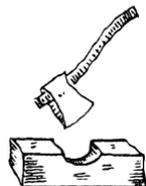
Горожане, оценив соотношение сил, подняли белый флаг, надеясь на милостивое обхождение. Но их надежды не оправдались. Завоевателей интересовали прежде всего материальные ценности; особенно досталось еврейскому предместью.

16 октября была подожжена синагога («в которой находилось бесчисленное множество евреев»), и вскоре все предместье охватил огонь. «Нельзя было без жалости смотреть вниз на еврейский город, — сочувствует немецкий хронист. — Произведенное мучительство, вследствие этого вой, ужасный постоянный пожар (который продолжался более шести дней) произошли, совершенно невзирая на то, что уже подчинились. Кто им попадался живым в предместье, за все время до последнего часа их ухода, они или немедленно убивали, или, по меньшей мере, снимали одежды и затем продавали за бесценок, пару сапог за кусок табаку».

Закончив с евреями, казаки и солдаты Потемкина принялись за монастыри. «В монастырь Св. Бригитты бежало много людей, которые долго защищались, но так как не явилось подмоги, то, наконец, все были перебиты и нашли одну могилу... Некоторых монахинь они убили, некоторых увели, некоторых продали. Точно так же было у бернардинцев обоего пола, только что тут не так много было убито; церкви у всех, также у кармелитов обоего пола, очень попорчены и разорены, только что здесь никто не был убит, а также не было найдено никаких сокровищ...»

«Они так хорошо умели обходиться с огнем и мечом, что самый лучший палач должен бы пойти еще к ним в науку», — описывает завоевателей люблинский немец.

Летом 1655 года пали Ковно, Гродно и литовская столица — Вильно. Казалось бы, мечта о собирании всех русских земель под властью московского государя воплотилась. «Но, — пишет С. М. Соловьев, — в то время как Алексей Михайлович считал несомненным, что все завоевания его останутся за ним, и называл себя всея Великия и Малыя и Белья России

самодержцем, литовским, волынским и подольским, явился ему опасный соперник...»

Этим же летом в конфликт вмешалась третья сторона. Шведский король Карл X, воспользовавшись бедственным положением Речи Посполитой, захватил большую часть Польши вместе с Варшавой и Краковом. Король Ян-Казимир укрылся в Силезии — так недавний властитель крупнейшего государства в Европе остался обладателем небольшого куска земли.

Не отчаивался лишь гетман литовский Януш Радзивилл. Сам протестант, он нашел общий язык с протестантом Карлом X — шведский король пообещал отвоевать Великое княжество Литовское у русского царя.

Тут же стал настойчиво просить Москву помириться с Польшей австрийский император. Посол Аллегретти объявил: император желает, «чтоб укротилось кровопролитие между царским величеством и королем польским, и оружие их обратилось бы на общих христианских неприятелей, на бусурман. Всякой войне бывает конец — мир, а к миру приводят посредники, и если царское величество не изволит заключить мир с польским королем посредством цесарского величества, а потом заключит мир посредством другого какого-нибудь государя, то цесарскому величеству будет это бесчестье». Австрийскому императору не хотелось иметь соседом вместо слабой Польши русского царя или энергичного шведского короля.

Ссориться со всей Европой у Москвы не имелось ни желания, ни сил. Русские послы долго и упорно искали польского короля; когда нашли, объявили условия мира своего царя: все захваченные города Великого княжества Литовского отходят к Москве, король оплачивает Москве военные издержки. В ответ поляки выдвинули свои условия: царь возвращает королю все завоеванное и оплачивает причиненный войной ущерб.

Постепенно у русского царя созрел новый план: овладеть уже завоеванной территорией на вполне законных основаниях, так, чтобы не смогли предъявить претензий иноземные государи, зорко следившие за событиями в Восточной Европе. Его озвучил полякам царский посол Одоевский:

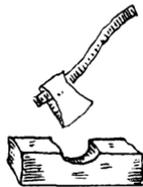
«Государь ваш в совершенных летах, а наследников у него нет: так пусть Речь Посполитая по совету с королем пришлет к нашему великому государю послов с избранием его, великого государя, и писать его избранным Короны Польской великим государем, потому что Великое княжество Литовское под царскую руку утвердилось; а великий государь хочет вас держать в своей большой милости и вольностей ваших нарушить ничем не велит». Поляки дипломатично ответили: «Это дело великое: скоро ответу дать нельзя».

Русское предложение вынесли на сейм. Представители духовенства сразу же заявили, что не согласятся на избрание царя, если тот не перейдет из православия в католицизм. Сенаторы пошли еще дальше: они нашли двадцать одну причину, по которым Алексей Михайлович и его сын не могли занять трон Речи Посполитой. Значит, было не обойтись без очередной войны.

Первыми в 1658 году начали боевые действия литовцы. Начали не очень удачно — в плен попал гетман Гонсевский. Тем не менее — хотя и медленно — русские теряли в Литве одну позицию за другой.

Тем временем у Речи Посполитой появилась «пятая колонна» на территории Московии. Верхушка украинского казачества решила, что под властью Польши ей будет выгоднее, чем под владичеством русского самодержца. Царившая в Польше магнатско-шляхетская свобода прельстила Ивана Выговского — гетмана, захватившего власть в Малороссии после смерти Богдана Хмельницкого. В сентябре 1658 года Выговской заключает в Гадяче договор о переходе малороссийского казачества под власть короля — постановление Переяславской рады аннулировалось.

России пришлось вести войну на несколько фронтов — это истощало людские и материальные ресурсы. К тому же ошибки военачальников приводили к жестоким поражениям. Летом 1659 года царские воеводы князя Семен Пожарский и Семен Львов были разгромлены казаками и татарами под Конотопом. Князя попали в плен: Пожарскому немедленно отрубили голову, Львов умер в неволе спустя две недели. «Цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55-го годов, сгиб в один день; пленных доста-

лось победителям тысяч пять; несчастных вывели на открытое место и резали как баранов: так уговорились между собою союзники — хан крымский и гетман Войска Запорожского! — сокрушается С. М. Соловьев. — Никогда после того царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения».

Осенью 1661 года воеводы Хованский и Ордын-Нашокин потерпели страшнейшее поражение от литовцев при Кушликах. Из 20-тысячного московского войска удалось спастись не более тысячи воинам, которые укрылись в Полоцке вместе с Хованским и раненым Ордын-Нашокиным. Литовцы, если верить их сведениям, потеряли всего около сорока человек убитыми.

Русские сдали Гродно и Могилев, затем настал черед Вильно. «В этой столице Литвы сидел воеводою стольник князь Данила Мышецкий только с 78 солдатами, — рассказывает С. М. Соловьев. — Сам король осадил Вильну и отправил к Мышецкому литовского канцлера Паца и подканцлера Нарушевича с требованием сдачи, обещая для воеводы и всех ратных людей свободный выход к московским границам с казною и со всем имением. Мышецкий отвечал, что сдаст город, если король позволит ему распродать весь хлеб и соль и даст ему под его пожитки 300 подвод. Король не согласился на распродажу хлеба и соли и обещал дать воеводе только 30 подвод. Тогда Мышецкий объявил, что хотя все помрут, а города не сдадут. Король велел своему войску готовиться к приступу... Но солдаты... схватили воеводу, сковали и выдали королю. Когда его привели к Яну-Казимиру, то он не поклонился: король, видя его гордость, не захотел с ним говорить сам, а выслал канцлера Паца спросить его, какого он хочет милосердия?! “Никакого милосердия от короля не требую, а желаю себе казни”, — отвечал Мышецкий. Его желание было исполнено; перед казнью читали сказку, что Мышецкого казнят не за то, что он был добрый кавалер и государю своему служил верно, города не сдал и мужественно защищался, но за то, что он был большой тиран, много людей невинно покарал и, на части рассекши, из пушек ими стрелял, иных на кол сажал, беременных женщин на крюках за ребра вешал, и они, вися на крюках, рождали младенцев».

В 1663 году король Ян-Казимир предпринял грандиозный поход на Московию; то была последняя попытка Речи Посполитой уничтожить извечного соперника.

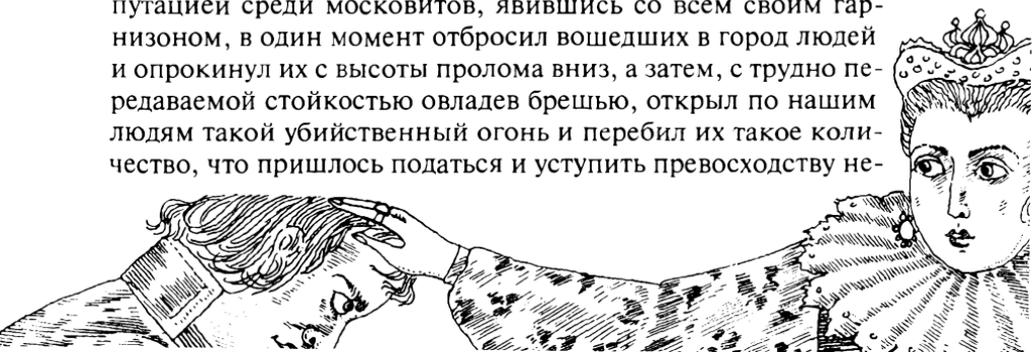
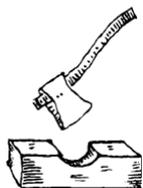
Армия шла через земли Украины; подобный маршрут имел целью убедить казаков держаться польской стороны. Неожиданно коронное войско застряло под городом Глуховом — расположенным на границе Украины и Московии. Небольшой городок упорно не хотел сдаваться; разозленный король бросил на штурм все свое войско.

«Я не думаю, чтобы когда-либо войска показали столько образцов доблести, как поляки в этот день в их способах атаки и московиты в своей прекрасной обороне», — рассказывает участник событий француз Антуан Грамон. Защита города была великолепно продумана. «Мы встретились с прекрасною баррикадой позади ворот, с заряженной картечью пушкой, которая била вдоль насыпи, а мушкетный огонь был так ужасен и так верно направлен, что менее чем через полчаса тут были убиты на месте 500 человек, а остальные настолько потеряли боеспособность, что нужно было помышлять об отступлении», — описывает француз участок, на котором он сражался.

Войско Речи Посполитой потеряло около 4000 солдат, более 200 офицеров и отступило. Через восемь дней король повторил штурм, соревнуясь с непокорным городом в упрямстве. Под городскую стену подложили две мины огромной мощности. В образовавшиеся от взрывов бреши устремились поляки. Дальнейшие события описаны Граммоном:

«Уже некоторое число поляков и немецких офицеров вошло в город, отрубив головы всем защитникам брешей, и наши знамена подняты на вершине, — и мы одно время с полным основанием были уверены, что дело кончено.

Но вскоре мы испытали обратное. Губернатор (Дворецкий), бывший человеком, пользовавшимся выдающейся репутацией среди московитов, явившись со всем своим гарнизоном, в один момент отбросил вошедших в город людей и опрокинул их с высоты пролома вниз, а затем, с трудно передаваемой стойкостью овладев брешью, открыл по нашим людям такой убийственный огонь и перебил их такое количество, что пришлось податься и уступить превосходству не-

приятельского огня, не прекращавшегося нисколько, несмотря на наши восемнадцать пушек, стрелявших непрерывно по брешам.

Наши потери в людях, по меньшей мере, были такими же, как и в первом деле. И, так как полки оказались сильно ослабленными и оставалось мало офицеров для командования, осада Глухова была снята к великому сожалению Его Польского Величества и всей нации».

После огромных потерь под стенами небольшого городка король не рискнул углубиться на земли Московии. Татарам, бывшим в войске Яна-Казимира, надоели медлительность и отсутствие настоящего дела; они пришли за добычей и ушли за ней на свой страх и риск. Союзникам короля повезло; они вернулись с двадцатью тысячами пленников разного возраста.

«Вот приблизительно употребление из пленных, которое они сделали до момента своего отъезда, — рассказывает Антуан Граммон. — Они перерезали горло всем старикам свыше шестидесяти лет, по возрасту неспособным к работе. Сорокалетние сохранены для галер, молодые мальчики — для их наслаждений, девушки и женщины — для продолжения их рода и продажи затем. Раздел пленных между ними был произведен поровну, и они бросали жребий при различиях возраста, чтобы никто не имел права жаловаться, что ему достались существа старые вместо молодых. К их чести я могу сказать, что они не были скупы в своей добыче, и их крайняя вежливость предлагала ее в пользование всем, кто к ним заходил».

И далее француз рассказывает любопытную историю: «Из-за этого однажды случилось довольно забавное происшествие, которого здесь нельзя обойти молчанием. Духовник короля, иезуит по своему званию, случайно вошел в дом татарских офицеров, предполагая, что это дом одного из его друзей (ибо мы все перемешались), и увидел дюжину татар, которые один за другим занимались ухаживанием, немного преувеличенно свободным, за очень красивую черкашенкой, которая находилась в их комнате. При этом грязном зрелище иезуит чуть не упал навзничь и обратился к защите крестного знамения. Зная, что он королевский духовник, татары вообразили, что честь и обычаи их нации обязывают

их задержать доброго отца и поделиться с ним своею общєю любовницей (так как он, видимо, вошел в комнату для того, чтобы воспользоваться ею). Каждый из них хватал его за руки и хотел ему в этом услужить. Но, так как вкусы иезуита не подходили к этому сорту наслаждений, он со всей силы начал кричать на помощь — спасите! Несколько польских офицеров, находившихся случайно неподалеку от дома, прибежали на шум и, узнав от татар, в чем дело, извлекли преподобного отца из этой досадной интриги, так что он не мог упрекнуть себя в нарушении устава своего ордена, который с такою строгостью запрещает сношения с женщинами».

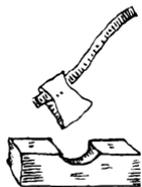

Взяв добычу, предводители татар явились к Яну-Казимиру «проститься и сказали ему, что срок их договора с ним истек и они не могут долее оставаться в армии».

После отделения татарской орды король думал уже не о завоеваниях и новых битвах, а лишь о том, как бы уйти с вражеской территории с минимальными потерями.

Отступление по труднопроходимым местам дорого обошлось полякам. Армия — по обычаю — ужасно голодала; по словам Граммона, «наступил такой сильный голод, что в течение двух дней я видел, как не было хлеба на столе у короля».

К Могилеву, как пишет француз, «полки в 800—900 человек пришли самое большое в составе 60 или 80, и в истории истекших веков нет ничего, что можно бы было сравнить с состоянием такого разгрома. Было потеряно более 40 000 коней, вместе с легкой кавалерией и обозом, и без преувеличения — три четверти армии. Что касается меня лично, то из бывших у меня шести повозок и шести коней осталась только одна татарская лошадь, которую я нагрузил бочонком водки. Вот какова была развязка кампании короля Польши, в которую он вступил с могущественной армией в 130 000 человек».

После неудачного похода у Яна-Казимира пропало желание выяснять отношения с Россией силой оружия, у Москвы тоже не имелось средств продолжать войну. Но уступать территории не желала ни одна сторона, и переговоры о мире затянулись на годы.

Лишь 30 января 1667 года было заключено Андрусовское перемирие на тринадцать с половиной лет. К России отошли

Смоленск и Левобережная Украина. Киев, расположенный на правом берегу Днепра, оставался по договору под управлением Москвы два года — до 5 апреля 1669 года. Однако древняя столица Руси сохранилась за Россией и после истечения обусловленного договором срока.

С. М. Соловьев отметил судьбоносную черту, которую провело Андрусовское перемирие под отношениями Речи Посполитой и России:

«Это перемирие с первого взгляда могло назваться очень ненадежным: Киев был уступлен Москве только на два года, а между тем легко было видеть, что Москве он очень дорог, что Москва употребит все усилия оставить его за собою. Но к удивлению, война не возобновлялась до второй половины XVIII века, и Андрусовское перемирие перешло в вечный мир с сохранением всех своих условий. Напрасно поляки утешали себя мыслию, что на их отчизну во второй половине XVII века послано такое же испытание, какое было послано на Москву в начале века, и что Польша выйдет из него так же счастливо, как и Москва: для Польши с 1654 года начинается продолжительная, почти полуторавековая агония, условленная внутренним ослаблением, распадением; в 1667 году великая борьба между Россиею и Польшею оканчивается. С этих пор влияние России на Польшу усиливается постепенно без всякой борьбы, вследствие только постепенного усиления России и равномерного внутреннего ослабления Польши...»

В 1668 году король Ян-Казимир ввиду слабости здоровья отказался от престола. Избрание нового короля было, как всегда, делом утомительным, потребовавшим много времени. В числе претендентов были: французский герцог Конде; Филипп-Вильгельм — пфальцграф Нейбургский; Карл V — герцог Лотарингский; российский царевич Федор — отец обещал ему в приданое миллион талеров, 20 тысяч войска и возвращение Киева; желала польского престола и шведская королева Кристина.

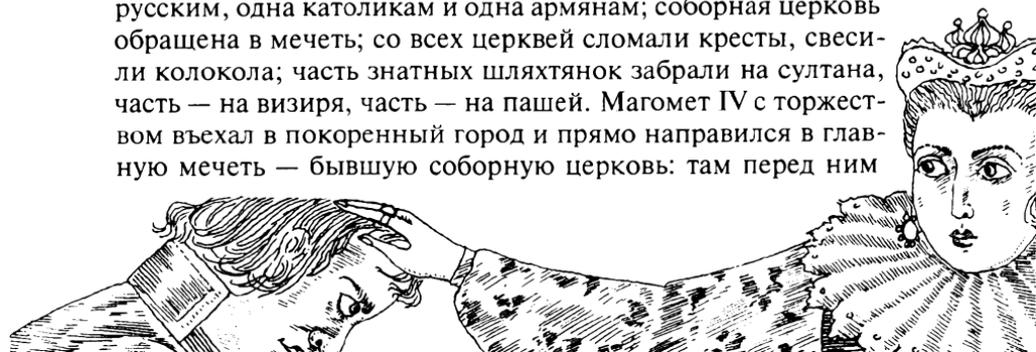
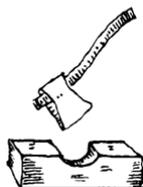
Широчайший выбор поставил поляков в тупик. Было предложение даже избрать короля с помощью своеобразной рулетки: написать на карточках имена кандидатов и бросить в церковную чашу.

В конце концов сложилось так, что в 1669 году королем Речи Посполитой был избран Михаил Вишневецкий — сын Иеремии Вишневецкого. Обязан он был этим, пожалуй, славе знаменитого отца. Михаил был не глуп, говорил на многих языках — кроме польского и русского, знал латынь, итальянский, немецкий, французский, турецкий и татарский. Но при этом младший Вишневецкий был не на своем месте. Доброму по натуре Михаилу не передались ни воинственность, ни организаторские способности отца — управление государством было явно не его призванием.

Слабовольный король не пользовался уважением подданных и членов своей семьи; его жена — эрцгерцогиня Элеонора Австрийская — с легкостью приняла участие в заговоре, имевшем целью лишить Михаила престола, поставив лишь то условие, что она станет супругой нового короля — Карла Лотарингского. Последний кандидат не понравился энергичному гетману Яну Собескому, от которого в польской внутренней политике зависело очень многое, и было решено передать польскую корону вместе с королевой Элеонорой герцогу Карлу Лонгевильскому. Но этому избраннику магнатов не повезло — он погиб в июне 1672 года во время переправы через Рейн в Голландии, так и не доехав до Польши. И Михаил продолжил свое бесславное правление.

Вскоре полякам стало не до интриг вокруг трона. Весной 1672 года турецкое войско численностью более чем 300 000 воинов перешло Дунай. Поляки мужественно сражались: на берегах Буга польско-казацкий отряд числом не более 6000 человек нанес поражение передовому отряду 40-тысячной армии татар. Но локальный успех не мог предотвратить общей беды.

На милость победителя был вынужден сдаться Каменец-Подольский — южный оплот Речи Посполитой. «Янычары сменили гарнизон; жителям оставлены три церкви: одна русским, одна католикам и одна армянам; соборная церковь обращена в мечеть; со всех церквей сломали кресты, свесили колокола; часть знатных шляхтянок забрали на султана, часть — на визиря, часть — на пашей. Магомет IV с торжеством въехал в покоренный город и прямо направился в главную мечеть — бывшую соборную церковь: там перед ним

обрезали восьмилетнего христианского мальчика» (С. М. Соловьев).

Король пожелал участвовать в походе, назначенном отвоевать потерянные на юге владения, однако это мероприятие оказалось столь же несчастным для Михаила, как и все его правление. Он заболел, вернулся во Львов, где и скончался в ноябре 1673 года.

Неверие в то, что Речь Посполитая может остановить турецкую агрессию, привело к тому, что в Литве все больше людей стало клониться к союзу с Москвой. Польше нужен был успех, чтобы избежать больших неприятностей. И его доставил великий маршал и коронный гетман Ян Собеский. На второй день после кончины Михаила он одержал блестящую победу под Хотином: в двухчасовой битве 50 000 поляков разгромили 80-тысячную армию турок и татар.

Ян Собеский стяжал всенародную любовь как избавитель от турецкого ига, и трудно было представить, что кто-то другой теперь займет опустевший трон Речи Посполитой.

Тем временем турки, получив отпор от поляков, приняли за владения Австрийской империи. В июле 1683 года 200-тысячная армия великого визиря Кара-Мустафы осадила Вену; император и его двор бежали из обреченного города. Папский нуций Паллавичини и посол австрийского императора граф Вильчек умоляли Яна Собеского: «Государь, спаси Вену и христианство!»

Прежде чем оказать помощь Австрии, Яну Собескому пришлось сломить сопротивление собственных сенаторов, многие из которых откровенно радовались беде соседа. Но король понимал, что если не остановить турок, то за Веной наступит очередь Кракова.

Шесть недель руководивший обороной Вены граф Штаремберг отбивал приступы бесчисленной орды, и его отчаянное упорство было вознаграждено. Как пишет С. М. Соловьев, «к Вене подошло 84 000 христианского войска: 27 000 австрийцев под начальством герцога лотарингского, 11 400 саксонцев под начальством курфюрста Иоганна Георга, 11 300 баварцев с курфюрстом своим Максом Эммануилом, 800 франконцев под начальством князя Валденского и 26 000

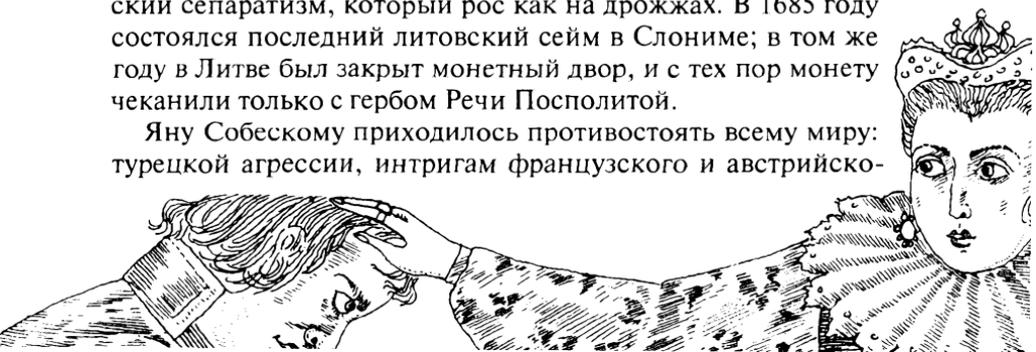
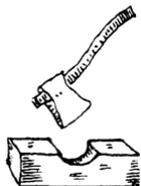
поляков под начальством самого короля Яна Собеского. Собеский принял начальство над всем соединенным войском, 12 сентября ударил на турок и одержал над ними блистательную победу: оставивши весь свой богатый стан в добычу победителям, Кара-Мустафа убежал к Раабу. Собеский преследовал неприятеля и вторично поразил его под Парканами».

Вернувшийся в столицу император Леопольд долго думал, как ему приветствовать польского короля. С одной стороны, он радовался, что Вена избавилась от смертельной опасности; с другой стороны, печалился, что столица обязана своим избавлением чужому государю. Свидание монархов произошло на расстоянии полторы мили от Вены. Едва Леопольд произнес первые слова благодарности, над которыми столько думал, взвешивая каждое слово, как Ян Собеский ответил: «Мне приятно, что брату моему я мог оказать сию малую услугу».

Впрочем, польский король не был Дон Кихотом. Он видел церкви Каменец-Подольского, обращенные в мечети, он понимал, сколь опасен враг, и целенаправленно боролся против турецкой угрозы. Во многом стараниями польского короля был образован направленный против турок Священный союз в составе Речи Посполитой, Австрии и Венеции. В 1684 году начались переговоры о присоединении к союзу с Москвой. Ради победы над турками воинственный Ян Собеский был готов договариваться с давнишним соперником, и в 1686 году между двумя государствами был заключен вечный мир, согласно которому Польша уступала Киев. Со слезами на глазах польский король скрепил присягой договор.

«Доброта сердца его была неистощима: он не помнил обид, просал врагов своих, а друзей любил искренно, постоянно», — так характеризует польского монарха историк Георг Бандке. В то же время король беспощадно подавлял литовский сепаратизм, который рос как на дрожжах. В 1685 году состоялся последний литовский сейм в Слониме; в том же году в Литве был закрыт монетный двор, и с тех пор монету чеканили только с гербом Речи Посполитой.

Яну Собескому приходилось противостоять всему миру: турецкой агрессии, интригам французского и австрийско-

го дворов, своеволию собственных подданных и, наконец, непомерному корыстолюбию и властолюбию собственной жены. Как всегда, государственной казны не хватало на содержание войска, и король щедро жертвовал на дело войны собственные средства. На зимние квартиры войско располагалось в королевских имениях.

Последние три года жизни король, по словам польского историка, «страдал подагрой, водяною и каменною болезнью и чахоткою». Умер последний король-герой Речи Посполитой в июле 1696 года — к радости своих многочисленных врагов.

Свободою была погублена

Наибольшее влияние в Речи Посполитой имела шляхта. По количеству дворянства государство не имело равных в Европе. В Литовском княжестве шляхтичем был каждый десятый. Многочисленные дворяне влачили жалкое существование, жили впроголодь, и от простых крестьян их отличала лишь непомерная гордыня: слово «мужик» являлось для них величайшим оскорблением.

Достаточно было неосторожного слова или движения, чтобы шляхта парализовала работу государственного органа. В «Дневнике Люблинского сейма» (1569 год) описывается, как обсуждалась уния между Польшей и Великим княжеством Литовским: «Так как послы кричали, то маршал стучал палкой. Писарь Кмита сказал: “не стучи палкой” и, вскинув на бок саблю, сказал: “у меня сабля против этой палки”. Маршал вскочил, говоря: “достанем и саблю и все”, и бросил палку. Поднялось большое и продолжительное смятение».

Не лучшим образом влияла на положение в стране демократизация управления страной. Монархи в Речи Посполитой избирались и не обладали наследственной властью. Так как претендентов бывало несколько, то получал трон тот, кто обещал больше прав и вольностей своим избирателям. Очередная смена короля была для шляхты праздником, и они не уставали придумывать для себя новые и новые льготы.

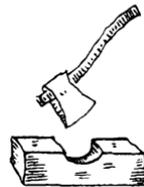
Даже энергичный Стефан Баторий с трудом сдерживал ее аппетиты; ему ценой невероятных усилий приходилось выбивать налоги во время Ливонской войны, но средств все равно не хватало. Король вынужден был брать ссуды у иностранных монархов и тратить собственные сбережения.

В иные времена поляки предпочитали и вовсе обобрать и довести короля до нищенского состояния. На Люблинском сейме 1569 года они решили привлечь короля Сигизмунда к уплате так называемой кварты — четвертой части доходов со всех королевских столовых имений. Более того, король обязан был признать собственностью государства все свои имения, хотя они являлись его частной собственностью.

Некоторое время никто не решался сообщить Сигизмунду «приятную» весть, что его деньги понадобились Польше. Наконец эту миссию исполнил посол Сеницкий. Ошарашенный король покинул заседание сената, едва до него дошел смысл сказанного.

Но в конце концов ему пришлось согласиться на все требования сенаторов. Ограбленный до нитки собственными подданными, Сигизмунд не мог заплатить требуемой суммы. Более того, не нашлось никого, кто бы смог поручиться по финансовым обязательствам монарха, свалившимся на него, словно снег на голову. Дело дошло до того, что, по словам С. М. Соловьева, «когда король умер, то в казне его не нашлось денег, чтоб заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цепи, ни одного кольца, которые должно было надеть на покойника».

При этом шляхта, если сие не сулило выгод, часто отказывалась защищать собственное отечество, что везде считалось главной обязанностью дворян. Это по ее вине разгромленное в 1651 году под Берестечком казацкое войско смогло возродиться и еще долго терзать Речь Посполитую... Впрочем, послушаем рассказ Станислава Освецима о том, как вел себя его собратья после сражения под Берестечком:

«Король, следуя совету опытных воинов, решил тотчас двинуться за рассеявшимися врагами, чтобы докончить с должной энергией столь неожиданную победу, подавить окончательно врага, ускользнувшего вследствие нашей

оплошности, и добиться, наконец, прочного мира в пользу нашей веры и отечества. Желая обеспечить, как можно прочнее, успех этого предприятия, он хотел увлечь в дальнейший поход не только регулярное наемное войско, сильно утомленное и ослабевшее от постоянных трудов, но и дворянское поголовное ополчение. Но лишь только он объявил им это предложение через посредство сенаторов, как вся шляхта, составлявшая поголовное ополчение, подняла вопль, будто явилась она сюда ради прений, а не для военных действий. Но для того, чтобы все сообща стали причастными общему решению, зловредному и ошибочному, они испросили позволение составить совет в “генеральном круге”. Здесь, основываясь на законе, гласящем, что дворянское ополчение обязано защищать отечество только в продолжение двух недель (будто Господь обязан впоследствии все остальное чудом довершить, вместо нерадивых граждан) и прикрывая собственное нерадение формулой закона, они избрали своим маршалом Мартына Дембицкого, подчасия сандомирского, человека велеречивого и популярного, и, подавив более благоразумные голоса, даже сенаторам угрожая саблями, отправили к королю свое решение, в котором, не обращая внимания ни на уважение к его величеству, ни на сохранение собственной вольности, ни на урон Речи Посполитой, заявили такое, будто сеймовое постановление “что дворяне дальше не намерены идти”.

Король и сенат представляли шляхте всевозможные доказательства, что их служба необходима для спасения отечества, наконец, просили и умоляли, чтобы они согласились хотя еще две недели оставаться в походе, или, в крайнем случае, хотя пройти к Старому Константинову, для того, чтобы устроить врагов молвой о том, что и король, и дворяне, и все войска движутся против них в поход. Но все эти резоны оставались без влияния, падая, будто на бездушный камень; дворяне увлекались инстинктивной привязанностью к домашнему очагу, торопились к своим женам и тем более стремились возвратиться восвояси, чем более тяготились неудобствами и трудами лагерной, непривычной для них жизни...»

Польский патриот Станислав Освецим, несколькими страницами ранее с воодушевлением описывавший победу

под Берестечком, теперь в ужасе от настоящего и будущего своей родины:

«Несчастлива наша Речь Посполитая, в которой бесчинства многих ценятся больше чем благоразумие немногих избранных. Не захотели понять, что сладость мира добывается военными подвигами и готовностью к пролитию крови. Мы до того выродились сравнительно с нашими предками, что не захотели пожертвовать две недели времени для сохранения того, что они некогда приобрели, щедро жертвуя кровью; важнее же всего то, что мы бросили на произвол судьбы короля и отечество с величайшим для себя позором, почитая притом добродетелью тот поступок, который всякому покажется лишь величайшим посрамлением».

Литовские вельможи скоро переняли худшие привычки своих польских собратьев; для них издевательство над государем тоже стало обычным явлением. Сигизмунд Герберштейн пишет:

«Если им откуда-нибудь грозит война и они должны защищать свое достояние против врага, то они являются на призыв с великой пышностью, более для бахвальства, чем на войну, а по окончании сборов тут же рассеиваются. Те же, кто остается, отсылают домой лучших лошадей и платье, с которыми они записывались, и следуют за начальником с немногими другими как бы по принуждению. А магнаты, обязанные посылать за свой счет на войну определенное количество воинов, откупаются у начальника деньгами и остаются дома. Это совершенно не считается бесчестьем, так что предводители и начальники войска велят всенародно объявлять в сеймах и в лагере, что если кто пожелает откупиться наличными деньгами, то может освободиться от службы и вернуться домой. Между ними наблюдается такое во всем своеволие, что они, кажется, не столько пользуются неумеренной свободой и добротой своих государей, сколько злоупотребляют ею.

Они распоряжаются заложенным им имуществом государей, так что те, приезжая в Литву, не могут жить там на собственные доходы, если не пользуются поддержкой местных владетелей».

Не удивительно, что такой «энтузиазм» при защите отечества поставил Великое княжество Литовское на грань краха, а потом заставил искать спасения в Люблинской унии.

Заметим, что в Польше не существовало княжеских фамилий с тех пор, как пресекся род Пястов. Зато в Литве князья не переставали множиться. К потомкам Гедиминовичей и Рюриковичей добавился еще один влиятельный род. В 1518 году княжеский титул от германского императора получила могущественная фамилия литовских магнатов Радзивиллов; по примеру Радзивиллов многие вельможи начали приобретать титул графов Священной Римской империи.

В то время как короли бедствовали, магнаты поражали мир роскошью; фантастические сокровища Радзивиллов будоражат умы кладоискателей и по сей день.

Король превратился в некую безмолвную игрушку, которой забавлялись по установленным законам. Слово историку М. В. Довнару-Запольскому:

«Король и великий князь был прежде всего принадлежностью государства. Поэтому шляхта считала себя вправе устанавливать модусы частной жизни своего государя. Еще Сигизмунд Август имел большие распри с коронным сеймом по поводу своей женитьбы на Варваре Радзивилл. Даже и этот уступчивый и растерявший власть король, возмущаясь, говорил сейму: “Долго ли я буду у Вас в этой дисциплине?” В польском праве выработался взгляд, что особа государя не есть частная особа, но принадлежит государству. Поэтому все публичные обряды проходили в присутствии короля, и никакого суждения о делах на сейме не могло произойти в отсутствие этого безвластного государя. Если король заболел, то сеймовые станы конечный результат своих суждений произносили у постели больного. Но когда король Ян Казимир в 1668 году не мог ночью досидеть заседания сейма и с разрешения рады удалился спать, то послы обвинили короля в том, что он срывает сейм. Король и великий князь был буквально невольником Речи Посполитой. С 1669 года король даже потерял право отказаться от престола. Король и великий князь был без власти, и все же шляхта заботилась о том, что бы он не причинил ущерба ее правам».

Апофеозом шляхетской наглости было учреждение прав конфедераций и рокоша в 1607 году. Шляхта на законном основании освобождалась от повиновения королю, если тот, по мнению шляхты, нарушал ее права или не исполнял должным образом свои обязанности.

Под конфедерацией понимался союз шляхты, созданный по определенному поводу, причем союз вооруженный, скрепленный клятвой конфедератов. Подобные государства в государстве часто возникали в начале XVII века. Недовольные чем-либо конфедераты захватывали части территории собственной страны и грабили ее не хуже чужеземцев.

Венгерское слово «рокош» переводится как «собрание», «союз». На земле Речи Посполитой рокошем называлось вооруженное собрание шляхты, отказавшей в повиновении королю, — попросту это был обыкновенный мятеж. Защитники прав шляхетской вольности называли рокош «последней утехой нашей милой отчизны».

Окончательно решило судьбу Речи Посполитой пресловутое «liberum veto*». Началось все с возникновения правила, что для принятия решений на сейме требуется одобрение всех депутатов. Хотели достичь единогласия, но теперь любой шляхтич мог наложить вето на самое разумнейшее предложение. Причем свой запрет он не обязан был объяснять, и порой вето вызывалось пустым капризом.

Первый случай «liberum veto» зафиксирован в 1652 году. Сейм проходил в ссорах и склоках, в перерыве литовская и польская шляхты рубились саблями и оскорбляли друг друга. Со слов польского хрониста видно, что государственные мужи забыли, для чего они собрались, и дела страны их никак не озаботили: «Палата депутатов, по природе своей раздорами и спорами заполняя дни, не приступила к дальнейшим совещаниям с господами сенаторами ни, как это полагается, в пятый день до окончания (сейма), ни в четвертый, ни в третий, ни во второй, а только в последний день сейма пошли наверх в сенат... Потом, когда Речь Посполитая просила о продлении (сейма) до понедельника, один из литов-

* Свободное вето (лат.).

ских послов воскликнул: “Я не позволю отсрочек!”, неожиданно выскочил, заявил протест и сразу же переправился на другой берег Вислы. Так сейму был спет реквием, но дай Боже, чтобы не за упокой Польши».

Надежды хрониста не сбылись — оправдались его худшие опасения; «liberum veto» стало реквиемом Речи Посполитой. В конце XVII века слова «Я запрещаю!» звучат на сеймах все чаще и чаще, а в XVIII веке они фактически парализовали работу главного государственного органа.

Таким образом, вначале была отобрана реальная власть у польских королей, а затем перестал функционировать сейм, который хоть как-то объединял влиятельных магнатов и горделивую шляхту в государство, решал общенациональные проблемы. Два латинских слова, которые по замыслу должны были обеспечивать свободу личности, погубили государственность в Речи Посполитой. Мечта анархистов сбылась на польско-литовской земле задолго до того, как появились сами идейные анархисты.

Петр I и Август II

Сыновья Яна Собеского надеялись, что трон Речи Посполитой достанется кому-нибудь из них, но, коль скоро выборы нового короля давно превратились в аукцион, им ничего не светило. Дорогостоящий лот получил 27-летний курфюрст Саксонский Фридрих-Август. В числе его обещаний было: внести в казну 10 миллионов злотых наличной золотой монетой; содержать на собственные средства 6000 войска или же отпустить требующуюся для этого сумму; восстановить прежние границы Польши.

Выборы сблизили Августа с молодым русским царем Петром I. Дело в том, что основным противником курфюрста был французский герцог Конти, а Франция находилась в дружбе с Турцией. Угроза потерять Речь Посполитую как союзника в борьбе с турками и татарами заставила Россию поддержать Августа. Петр пишет панам радным, что избрание француза поставит под сомнение Вечный мир с Речью Посполитой. Француз с саксонцем еще продолжали борьбу

за польский трон, а царь уже отправил поздравительную грамоту Августу и велел объявить панам радным, что для защиты Речи Посполитой от Конти и его партии к литовской границе приблизилось русское войско под начальством князя Ромодановского. Получив царскую поздравительную грамоту, Август объявил русскому резиденту Никитину, что дает честное слово быть с царем заодно против врагов креста святого и что изъявленный ему Петром «аффект» никогда не изгладится из его памяти.

Возвращаясь из Великого посольства, Петр в Галиции, близ местечка Равы, в первый раз встретился с польским королем. Впечатления Петра от встречи с Августом передает С. М. Соловьев:

«Петр во время трехдневного пребывания в Раве был вполне очарован Августом, как часто молодой, не воспитанный для света человек бывает очарован светскими приемами франта, хотя бы этот франт в умственном и нравственном отношении был бесконечно ниже дикого юноши. Петр любил повеселиться, Август умел повеселить — и тесная дружба была заключена между двумя соседями, дружба, продолжавшаяся до тех пор, пока Петр, сильно выросший в беде, разошелся слишком далеко с Августом, сильно понизившимся в беде. По возвращении в Москву Петр шеголял в кафтане и шпаге Августа, не находил слов для восхваления своего несравненного друга».

Собственно, подобное тянется к себе подобному. О необыкновенной силе Петра, богатырском телосложении достаточно известно, но и Август в этом отношении ничуть не уступал российскому монарху. «Август II, — сообщает польский историк, — был чрезвычайно привлекательной наружности и имел столь великую силу, что во время пребывания Петра Великого в Раве одним ударом сабли отрубил голову волу величины необыкновенной. На ладони он мог держать человека; посему немцы называли его Августом Сильным; иные же, по его великодушию, пышности двора и по великим его намерениям, давали имя Великого; но из всех современных государей потомство признавало одного только Петра Великого истинно Великим».

Король действительно вознамерился вернуть Речи Посполитой отторгнутые земли. Ему показалось, что отобрать Ливонию у молодого шведского короля будет делом легким; тем более что Швеция разругалась с соседями и против нее сложилась коалиция в составе Дании, Саксонии, Речи Посполитой и России.

В начале 1700 года саксонские войска вошли в Ливонию, взяли Динамюнде и осадили Ригу. Датчане овладели несколькими городами. Король Речи Посполитой лично решил поучаствовать в дележе шкуры шведского медведя; он взял Кокенгауз и подошел к Риге. Этот лакомый кусок оказался не по зубам союзникам, и они принялись взывать о помощи к русскому царю.

Петр вступил в войну 8 августа 1700 года — на следующий день после того, как было получено известие о заключении перемирия с Турцией.

Коалиция не ожидала получить отпор от восемнадцатилетнего Карла XII, а юный король сам искал повода для войны и лишь обрадовался появлению сразу нескольких противников. «Король мечтает только об одной войне, — писал французский посланник, — ему слишком много насказали о подвигах и походах его предков. Сердце и голова наполнены этим, и он считает себя непобедимым...» Юноша имел не только желание воевать, но и талант военачальника, незаурядный ум неиссякаемую энергию.

Непредсказуемость молодого короля была неизменным плюсом шведов на полях сражений. «Вечером 13 апреля 1700 года Карл простился с бабушкой и двумя сестрами, чтоб ехать в увеселительный дворец Кунгсер. Ночью король действительно выехал из Стокгольма, только не в Кунгсер. Никогда не возвратится он более в Стокгольм, никогда не увидит бабушки и сестер» (С. М. Соловьев).

Для датчан стало полной неожиданностью, когда 15-тысячный шведский десант во главе с Карлом форсировал Зунд и высадился под Копенгагеном. Чтобы спасти свою столицу, датский король был вынужден заключить мир.

Петр I отправился осаждать Нарву, к неудовольствию своих союзников, которые тоже имели виды на этот город. Но Карл XII развеял все опасения, равно как и надежды. 19 но-

ября 1700 года он появился под Нарвой, имея всего 8500 солдат, и разбил 34-тысячное русское войско.

Перед Карлом встала дилемма: добить отступавших русских — что казалось делом несложным, либо обратить оружие против поляков и саксонцев. Уж очень зол на Августа был шведский король, и это сказалось на его выборе. 11 мая 1702 года Карл XII с отрядом в 500 всадников вступил в Варшаву, в июле разбил войско Августа под Клишовом и занял Краков. Князь Долгорукий докладывает о польских бедствиях: «...не токмо все государство разорил, из костелов в Кракове моши выметал, раки и ковчеги серебряные все побрал, гробы разорил, в замке дом королевский выжег и не токмо купецких и градских людей, но и законников из кляшторов тяжкими поборами выгнал, и больше того полякам разорения и ругания делать невозможно».

Несчастья Польши оказали услугу России, пока шведы гонялись за Августом, Петр смог оправиться после поражения и взрастить армию будущих побед.

Шведский король потребовал, чтобы ненавистный Август был лишен трона, и польский сейм послушно исполнил его пожелание. Министр Карла XII советовал ему самому занять польский трон, и он мог получить его с легкостью. Однако юношу не интересовали государственные дела, его душа жаждала битв и новых побед. «Я лучше хочу раздавать государства другим, чем приобретать их для себя», — ответил король министру.

Выборы нового польского короля описал С. М. Соловьев:

«Из польских вельмож самым могущественным был коронный великий гетман Любомирский, которому и хотелось в короли; первым богачом был Радзивилл, но Карл остановил свое внимание на человеке, который ему больше других нравился: то был Станислав Лещинский, воевода познаньский. Лещинский действительно мог нравиться: он был молод, приятной наружности, честен, жив, отлично образован, но у него не доставало главного, чтоб быть королем в такое бурное время, не доставало силы характера и выдержки. Выбор человека, не выдававшегося резко вперед ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством, разумеется, был важною ошибкою со стороны Карла;

поднялся страшный ропот, ибо многие считали себя выше Лешинского в том или другом отношении. Радзеевский не хотел слышать о Лешинском, Любомирский начал склоняться на сторону Августа. Но упрямый Карл не думал уступать; шведские генералы жгли без пощады имения тех вельмож, которые стояли за Августа. На избирательный сейм не явилось ни одного воеводы, кроме Лешинского; из епископов был только один познаньский, из важных чиновников один Сапега; зато на поле, где должно было происходить избрание, виднелось 300 шведских драгунов и 500 человек пехоты, сам Карл находился с войском в трех милях от Варшавы. При страшном шуме и протестах шведская партия выкрикнула Лешинского королем».

Уже тогда созрел план раздела Речи Посполитой, ставшей проходным двором Европы; причем инициатором явился отнюдь не заклятый ее враг — Швеция. Ливонский дворянин Иоганн Паткуль побудил прусского короля к вступлению в союз обещанием, что войска саксонские, русские, датские и прусские соединятся вместе и сокрушат шведов, после чего союзники приступят к разделу Польши, Лифляндии, Померании и Голштинии. «Прусский король Фридрих I так обрадовался этому предложению, что сейчас же велел вербовать 12 000 войска, но когда узнал, что царь, вместо того чтоб двинуться в Польшу, обратился к Нарве, то сильно рассердился и остался в бездействии» (С. М. Соловьев). Как ни парадоксально, действия Карла XII оттянули гибель Речи Посполитой на семьдесят лет.

Станислава Лешинского признала королем вся Европа, кроме России; Петр продолжал поддерживать Августа. В 1704 году царь послал низложенному королю 12 000 солдат. В следующем году Август получил от друга 200 000 рублей (2 миллиона злотых) на содержание войска. Эта сумма поступала ежегодно, вплоть до окончания войн.

Деньги не были потрачены напрасно. В августе 1704 года Август отвоевал у шведов Варшаву.

Война пришла и на земли Великого княжества Литовского. 60-тысячное русское войско остановилось в Полоцке, сюда

в мае 1705 года прибыл Петр I. С его пребыванием связывают нелицеприятную историю.

«Вечером 30 июня, накануне отъезда из Полоцка, — рассказывает С. М. Соловьев, — он зашел со своими приближенными посмотреть униатский монастырь. Масло было подлито в огонь, уже существовавшее раздражение усилилось, когда монахи не пустили его в алтарь как противника их веры. Петр сдержался... Увидавши образ, отличавшийся особенными украшениями, он спросил: “Чей это образ?” Монахи отвечали: “Священномученика нашего Иосафата (Кунцевича), которого ваши единоверцы умертвили”. Тут Петр уже не выдержал и велел своим приближенным схватить монахов. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались, начали кричать о помощи, сбежались послушники вооруженные, началась свалка, и некоторые из царских приближенных были ранены; наконец русские одолели, четверо униатов были смертельно ранены. В этой схватке раздражение Петра достигло высшей степени, и он велел повесить монаха, отличавшегося своими выходками против него в проповедях».

Русские войска разоряли земли сторонников Лешинского, владения Сапег, которые приняли сторону шведского короля; да и просто разоряли все пространство от Гродно до Киева, дабы Карл XII, если решится напасть на Россию через владения Великого княжества Литовского, шел по выжженной, лишенной продовольствия земле.

В январе 1708 года шведская армия заняла Гродно и продолжала наступление в сторону России. Первые шаги Карла XII по земле Великого княжества Литовского едва не стоили ему жизни. Из леса раздался выстрел, и была ранена лошадь воина, скакавшего по правую сторону от короля. Стрелявшего не нашли, и гнев завоевателя пал на всю землю. «Отдано было приказание полкам жечь все деревни, а людей, которыми будут атакованы, убивать, что и было исполняемо», — пишет шведский генерал А. Гилленкрок, впоследствии взятый в плен под Полтавой.

Шведы жестоко мстили за гибель своих солдат. В августе 1703 года польский город Нешава был сожжен, а его ни в чем не повинные жители повешены в наказание за то, что

на шведский отряд кто-то напал на дороге. Однажды шведы устроили некое подобие гладиаторских игр: захваченных в плен 50 человек из партизанского отряда они заставили сражаться друг с другом до полного истребления.

Русский план ведения войны раскрывает шведский историк П. Энглунд. Он состоял в том, чтобы «всячески избегать решающего сражения на территории Польши, а отступать перед шведами, а также разорять и обречь на голод все те земли, через которые, как можно предположить, захочет пройти неприятель. Чтобы замедлить продвижение шведов, надо было заваливать и портить дороги и разрушать мосты, а также оказывать сопротивление в разумно выбранных пунктах. Следовало выматывать силы шведского войска многочисленными мелкими стычками и перестрелками. Наконец, около русской границы следовало создать двухсоткилометровую зону рукотворной пустыни, где не будет ни людей, ни продовольствия. Это был грандиозный и жестокий план, предусматривавший спасение страны через ее уничтожение».

Русские и шведы не сходились в открытом сражении, но при этом словно соревновались, кто больше уничтожит материальных ценностей на многострадальной земле Великого княжества Литовского. В разговоре с Карлом XII шведский генерал заметил: «Когда неприятель увидит, что не может остановить движения нашей армии, то непременно начнет жечь в своей земле». Король возразил: «Если он не выжжет своей земли, то я сожгу все».

3 июля 1708 года русские войска были разбиты у местечка Головчино северо-западнее Могилева и отошли за Днепр. В честь победы при Головчине Карл XII приказал выбить медаль с горделивой надписью: «Побеждены леса, болота, оплоты и неприятель». Но это был последний успех воинственного короля в борьбе с Россией.

Как пишет бывший в шведском войске Даниел Крман: «Используя победу, король Карл двинулся на вражескую территорию, опустошая Московию на 15 миль в глубину и на столько же в ширину... Города и села он приказал предавать огню и до основания разрушать дома. Встреченных в них жителей убивали».

Шведы голодали, особенно остро чувствовался недостаток обычного хлеба. Так как вся территория по ходу войск была опустошена, приходилось высылать интендантские отряды в далекие экспедиции. Они часто становились добычей русских, во время одного из продовольственных рейдов попал в плен генерал-адъютант Каннифер.

Путь на Смоленск и Москву перекрыла русская армия. «Король лично произвел атаку с одним полком... — рассказывает шведский хронист. — В середине сражения лошадь короля была подстрелена, и Его Величество пересел на коня убитого генерал-адъютанта Туре-Горда».

Ожесточенное сопротивление русских существенно поколебало шведскую мечту о Москве. Тем временем голод чувствовался все сильнее: «Иные полки три недели не получали хлеба, и в фураже был величайший недостаток».

Шведская армия отошла к Кричеву и расположилась лагерем в ожидании корпуса генерала Левенгаупта — он должен был из Риги доставить обоз с продовольствием и всем необходимым для войны. И тут Карла XII ожидал сильнейший удар. 28 сентября в битве при Лесной корпус Левенгаупта был разбит русскими. Генералу пришлось бросить весь обоз в несколько тысяч повозок и артиллерию; в лагерь короля он привел 6700 солдат — из 12 500, вышедших из Риги.

Самое время было оставить план покорения России до лучших времен и убраться в Швецию, но гордость не позволяла Карлу XII уйти побежденным. Он принял предложение гетмана-изменника Мазепы и перебрался на Украину. А дальше его ожидало злосчастное сражение под Полтавой (27 июня 1709 года), гибель и пленение всей армии.

Карл XII скрывается во владениях турецкого султана и живет там до 1714 года — поразительно долго для человека энергичного, не представлявшего свою жизнь без сражений и войны, наконец, для короля государства, находившегося в состоянии войны с половиной Европы. «Теперь так долго волновавший современников в Европе загадочный для них вопрос о долгом пребывании в Турции бежавшего из Переволочной в Бендеры шведского короля уже ничего таинственного в себе не заключает, — приходит к выводу Тарле. — Объяснять это одним только мучительным стыдом Карла, не

желавшего показаться на родине после гибели армии и бегства с поля боя, нельзя, хотя и это сентиментальное объяснение некогда давалось. Этого одного мотива было бы недостаточно... Мы документально знаем теперь, что у Карла очень скоро после прибытия в Бендеры возник план склонить султана, визиря и весь Диван к объявлению войны России и стать во главе большой турецкой армии, которую и повести против ненавистного полтавского победителя». Что ж... король, конечно же, пытался уговорить султана напасть на Россию, но... пять лет?! Тем более что речь идет о человеке, который привык не просить, а брать силой, который еще недавно чувствовал себя хозяином Европы, менял королей и границы государств.

Он вернулся в конце 1714 года из Турции в свои владения; но не в Швецию, а туда, где горячее и опаснее всего, — на север Германии, где еще сопротивлялись союзной коалиции города Висмар и Штральзунд. И лишь когда они пали, в конце 1715 года, король наконец-то отправился в Швецию. В 1716 году он успешно отражает нападение датчан, а в 1718 году во главе шведской армии отправляется в Норвегию, которая в то время принадлежала Дании. 30 ноября 1718 года Карл XII во время осады крепости Фредриксхаль с тремя провожатыми отправился осмотреть фортификационные сооружения, и тут ему изменила удача. «Он был убит наповал шальной пулей, — пишет Тарле, — и до сих пор не выяснено в точности, пушенной ли неприятелем или изменником, когда исключительно для лихости и молодечества, чтобы удивить и ужаснуть провожатых, высунулся из-за бруствера».

Великое княжество Литовское потеряло в Северной войне почти треть своего населения — такова была плата за политическую слабость, за нежелание содержать собственное войско.

Тотчас после битвы под Полтавой 9 августа 1709 года Август II объявил недействительным свое отречение и после встречи с Петром I снова занял трон Речи Посполитой. Станислав Лещинский сложил корону, как пишет польский историк, «с равнодушием, каковым он отличался во всех переломах своей жизни».

В 1721 году мирный договор в Ништадте поставил точку в тяжелейшей для многих народов Северной войне. Союзники, оторвавшие добрый кусок шведских земель, начали с аппетитом поглядывать на пока еще огромную, но слабую Речь Посполитую.

Поводом для вмешательства в польские дела стал религиозный вопрос. В январе 1722 года в Москву приехал белорусский епископ Сильвестр (князь Четвертинский) с длинным списком обид и притеснений, которые терпит православное духовенство от шляхты. И Петр I, который у себя в стране уничтожил патриаршество, высшее духовенство низвел до ранга обычных чиновников, ограбил монастыри, сразу же устремился на защиту западного православия. Он немедленно потребовал от Августа создания комиссии для разбора «жалоб духовных и мирских людей греческого исповедания, для освидетельствования обид и для получения за них удовлетворения». Более того, Петр желал, чтобы в комиссии присутствовали представители России. Не дожидаясь разрешения Августа на подобное мероприятие, он назначил в еще не созданные комиссии переводчика при посольстве в Варшаве Игнатия Рудаковского и с ним монаха из Заиконоспаского монастыря Иустина Рудинского, которым было велено «жить в Могилеве, сделать подробное исследование об обидах людям греческого исповедания и представить ко двору вашего королевского величества с требованием исправления по силе договора о Вечном мире 1686 года и по их правам и привилегиям».

Рудаковский с бешеной энергией принялся защищать православных в Речи Посполитой. По жалобе пинских монахов на обращение православных монастырей и церквей в униатские состоялся суд; согласно приговору отнятые церкви и монастыри вернули православным, несмотря на яростное сопротивление католического духовенства. Польский король терпел Рудаковского, не желая злить «друга» Петра, поскольку в это время 60 000 солдат были готовы войти на территорию Речи Посполитой для защиты православных братьев и для решения иных задач.

«Но в то время как Рудаковский предлагал эти меры против гонителей восточной церкви, он сам и вместе с еписко-

пом белорусским подверглись страшному оскорблению от своих православных монахов. Епископ князь Четвертинский пригласил Рудаковского ехать вместе в Кутеинский монастырь близ Орши для освидетельствования жизни тамошних монахов, о которых донесено было много нехорошего. Но монахи встретили епископа тем, что начали бить людей его, и когда он велел отдать зачинщиков бунта под стражу, то игумен вскочил на лошадь, прискакал в город Оршу, велел бить в набат и всполошил множество шляхты и черни, крича, что воры и разбойники напали на монастырь. Толпа с криками «Бей, руби москалей и попа-схизматика!» бросилась на епископа и Рудаковского, избила их, ограбила и держала под стражею, пока не вступилось в дело местное начальство».

Со смертью Петра в 1725 году давление на Речь Посполитую уменьшилось, и она продолжила свое жалкое существование — до появления нового сильного правителя в России, точнее, правительницы.

Подводя итог правления Августа, скончавшегося в 1733 году, польский историк Г. Бандке сетует:

«Было время, что Польша славилась храбростью своих воинов и мужеством народа; наконец и воинское сословие утратило воинственный дух, а чернь предалась гнусному пороку пьянства. Иностранцы, смотря на обычаи польские не с надлежащей точки зрения, все бедствия государства приписывали разным обстоятельствам, между тем как настоящей причиною упадка славы предков была утрата древней польской доблести, искренности, гостеприимства и простоты славянских нравов».

Путь в никуда

Государство, населенное воинственными народами, вскоре станет предметом дележа, как будто кошелек с деньгами, потерянный на дороге. К этому историческому парадоксу Польша, Великое княжество Литовское, а затем Речь Посполитая упорно и планомерно шли несколько столетий.

Можно долго обвинять Австрию, Пруссию и Россию в захватнических устремлениях, но они лишь взяли то, что фактически перестало существовать.

В правление Августа III (1736—1763) Речь Посполитая продолжила падение в пропасть. Как пишет Г. Бандке, «знатнейшие польские фамилии враждовали одна против другой наподобие того, как бывало в XI или XII веках, и вся Европа была о Польше того мнения, что она находится еще на той степени детства, грубости нравов и невежества, на какой находились прочие европейские государства в Средние века. Польша ни с кем не имела явной войны, но путь через оную открыт был для всех чужих войск. Справедливо сравнивают ее с заезжим домом, в котором каждый делал, что ему угодно. В 1738 и 1739 годах проходили россияне через Украину и Подолию в Валахию против турок. В 1748 году они же прошли через всю Польшу в Моравию, против французов».

Августу III, похоже, не слишком нравились беспокойные подданные. Так как он был не только польским королем, но и курфюрстом Саксонским, то большую часть времени проводил в Дрездене, а не в Варшаве.

В общем-то, Август III был неплохим человеком. По словам польского историка, «он был государь добрый, благочестивый, милостивый и щедрый, наружность имел весьма приятную, осанку важную. Охота была любимым его занятием. Искусившись во всех военных науках, он очень любил их, и, наследовав от родителя своего вкус к изящному, охотно покровительствовал и поощрял всех художников. Доказательством сему служат известная Дрезденская картинная галерея и учрежденная им школа живописи».

Дрезденской галереей в последующие столетия будет любоваться и вдохновляться весь мир, — безусловно, это великое детище Августа. Но пока король утолял свою жажду к прекрасному, в Польше перестали нормально функционировать все государственные учреждения. Маховик анархии набирал обороты.

Мы не станем разбирать политическую ситуацию в тогдашней Европе; мы не будем касаться экономического положе-

ния Речи Посполитой, которое все историки признают крайне тяжелым. При этом возникает сомнение, что крестьянам Речи Посполитой жилось хуже, чем крестьянам российским. Почему-то больше людей бежало в Польшу из России, а не наоборот. Например, во «Мнении», представленном в феврале 1763 года Коллегией иностранных дел Екатерине II, в качестве главной из «обид со стороны Польши и Литвы российских подданных» называется то, что «из давних лет принимают и удерживают у себя поляки в противность мирного трактата беглых из российской страны людей и крестьян с их семьями, также и воинских дезертиров, которых тамо в Польше и Литве многие тысячи находятся и оными великие слободы и деревни населены, а тем самым российские пограничные уезды Смоленской губернии да Псковской и Великолуцкой провинции почти опустошены, отчего помещики весьма разоряются и принуждены всякие подати платить с пустых земель».

Беглых российских крестьян насчитывалось около 120 тысяч душ мужского пола; при том, что все православное население Речи Посполитой не превышало 600 тысяч человек. Когда Россия принялась защищать православных в Польше, граф Панин предостерегал об опасности «излишнего распространения» православия в соседней стране, поскольку это, по его мнению, «непреренно вызвало бы значительное увеличение числа побегов в Польшу из соседних русских губерний».

Поляки и сами видели, что над их головами собираются грозные тучи. Во времена бескоролья в мае 1764 года состоялся сейм, который уничтожил злосчастное *liberum veto*. Это, однако, вызвало бурное возмущение соседей. Российская абсолютистская монархия неожиданно оказалась неистовым защитником польской гипертрофированной демократии. Пруссия также ультимативно потребовала вернуть закон, державший Польшу в перманентном хаосе.

Следующего польского короля избирали не столько сейм, поляки и литовцы, сколько русская императрица и король Пруссии. После некоторых колебаний Екатерина II решила, что наиболее подходящим кандидатом будет граф Станислав Август Понятовский. Прусский король Фридрих II одобрил

затею в своем письме: «Из всех претендентов на польскую корону он будет наиболее признателен тем, из рук которых он ее получит. По сравнению со всеми другими он в наибольшей степени разделит свою благодарность между нами и своим долгом».

Граф Станислав Понятовский впервые появился в Петербурге в середине 1755 года в свите английского посла Вильямса. По словам биографа дома Романовых Н. Д. Чечулина, «Понятовский произвел на петербургское общество большое впечатление; молодой, красивый, ловкий, веселый, довольно хорошо образованный, он понравился решительно всем, а сам, в свою очередь, был очарован великой княгиней; Екатерина же влюбилась в него со всей страстью еще не исчерпанного чувства. Уже одно это создавало опасность для Понятовского; положение еще более осложнялось тем, что Вильямс как посол державы, союзной с Пруссией, с которой Россия вела войну, представлялся своего рода соглядатаем в Петербурге; при таких условиях близость Понятовского к великой княгине представлялась вдвойне непозволительной. На нее уже смотрели косо, и в августе 1756 года Понятовский должен был уехать из Петербурга; сделано это было по желанию Бестужева...»

Спустя непродолжительное время канцлер Бестужев вынужден был изменить свое желание на противоположное и проявил чудеса изобретательности, чтобы его исполнить. В декабре того же года фаворит Екатерины возвращается в Петербург, но уже в качестве саксонского посланника. Как пишет Н. Д. Чечулин «саксонское министерство уступило Бестужеву, который теперь пожелал опять видеть Понятовского в Петербурге. Бестужев действовал так по настойчивому требованию Екатерины. В декабре 1757 года у Екатерины родилась дочь Анна, вскоре скончавшаяся».

Некоторые историки утверждают, что единственным достоинством Понятовского было то, что он являлся любовником российской императрицы. Сие не совсем верно; будущий польский король был далеко не глуп.

Воспитанием его занималась в основном мать; она строго заботилась о том, чтобы «удалить (сына) от пустого препро-

вождения времени» и заставляла его изучать все возможные науки. Вот что пишет сам Понятовский:

«Действительное и всеобщее несовершенство народного воспитания в Польше, как в научном, так и в нравственном отношении, побудило мою мать не допускать меня к общению со всеми теми, которые могли подать мне дурной пример; это оказало на мое развитие настолько вредное, насколько и благотворное влияние.

При ограничении круга моих знакомых одними совершенными людьми я почти ни с кем не говорил, а вследствие немалого числа лиц, которые считали себя презираемыми мною, я приобрел незавидное отличие иметь врагов уже с пятнадцатилетнего возраста, но зато выдержка, к которой меня приучили, оградила меня от заразы, причиняемой обыкновенно молодым людям дурным товариществом.

Я усвоил и питал ненависть ко всякой лжи, но ввиду моего возраста и моего положения уже слишком сильно развилась во мне эта ненависть ко всему тому, что приучили меня считать пошлым и посредственным. Мне, так сказать, никогда не было предоставлено времени быть ребенком, — точно апрель месяц исключить из времен года. Теперь я нахожу, что это — невознаградимое лишение, на которое я могу пожаловаться, так как я думаю, что склонность к меланхолии, которую я, к сожалению, испытываю так часто, происходит от этого неестественного и раннего благоразумия...»

Этот польский вельможа (родившийся, кстати, в Литве 17 января 1732 года, в замке Волчине Брестского воеводства) отнюдь не стремился к высшей в стране власти. Он прекрасно понимал, насколько непрочное положение короля Речи Посполитой. Станислав-Август с удовольствием предпочел бы иное место. «В течение зимы 1762 на 1763 год, — признается Понятовский в своих записках, — я два раза писал императрице: “Не делайте меня королем, но призовите меня к себе”. Я выражался так по двум причинам: во-первых, вследствие того чувства, которое я питал в своей душе; с другой стороны, я был убежден, что я принесу более пользы своему отечеству как частный человек, находившийся при ней, чем король, царствующий здесь, в Польше. Но это было напрасно, — мои просьбы не были услышаны».

Русское войско, расположившееся в самом сердце Польши, одним своим присутствием не оставляла сейму выбора. Впрочем, чтобы волеизъявление прошло как можно более демократично, на время выборов русские отступили от Варшавы, но всего лишь на три-четыре мили. 7 сентября 1764 года единодушно был избран новый и последний польский король Станислав-Август IV Понятовский.

25 ноября 1766 года под давлением России и Пруссии было восстановлено злополучное *liberum veto* по делам военным и иным, кроме экономических и судебных.

Для всякой войны нужен повод; даже Рим, покоривший добрую половину известного мира, никогда не начинал войну без видимых причин. Поводом для раздела Речи Посполитой стал вопрос о так называемых диссидентах — речь идет о 600 тысячах православных и 200 тысячах протестантов.

Сейм, послушно избравший Понятовского, взял с него обязательство сохранить ограничения политических и гражданских прав диссидентов, принятые на сеймах 1717, 1733 и 1736 годов. Пруссия и Россия требовали совершенно обратного. Несчастный Понятовский оказался между двух огней. Ему остается только неуклюже оправдываться перед Екатериной II:

«Диссиденты — это часть граждан, над которыми я царствую по Вашему желанию. Вследствие этого я занимаюсь этим вопросом уже в силу своего положения и своей клятвы, слова которой являются для меня законом. Однако, поскольку Ваше Величество лично интересуется ими, это само по себе становится аргументом в их пользу, который нужно изложить представителям католической религии, которые слишком ревностно защищают свои прерогативы. Но чтобы достичь этого, нужно навести порядок в законодательстве этого королевства. А это невозможно без перевоспитания наших депутатов».

Поляки упорно не хотели перевоспитываться, не помогало даже присутствие на их территории русских войск — число которых возрастало пропорционально несговорчивости депутатов сейма. Тогда русский посланник в Варшаве Репнин получил из Петербурга приказ организовать в Польше оппо-

зиционную православную конфедерацию. Опираясь на войска, он взялся за дело. И тут возникли непредвиденные трудности: православных дворян в Польше оказалось настолько мало, что из них невозможно было создать приличную оппозицию. Православную конфедерацию, созданную и провозглашенную в Слуцке 20 марта 1767 года, возглавил кальвинист генерал-майор Я. Грабовский. Одновременно в Торуня, стараниями прусского короля, была образована протестантская конфедерация под началом маршала Генриха фон Гольца.

Потом мятежные конфедерации под охраной российских войск начали плодиться и размножаться, словно комары в теплые майские дни. Они появились почти во всех воеводствах; в июле возникла Виленская конфедерация, состоявшая из 24 меньших конфедераций в Литве; в Радоме князь Радзивилл провозгласил Генеральную конфедерацию.

Под давлением осмелевших диссидентов в сентябре 1767 года король созвал экстраординарный сейм. Чтобы этот орган принял нужные Екатерине II решения, русский дипломат князь Репнин в одну из октябрьских ночей совсем не дипломатично арестовывает видных оппонентов: краковского епископа Солтыка, киевского епископа Залусского, краковского воеводу Ржевусского со старшим сыном. Их отправляют сначала в Вильно, а затем в Калугу.

Сейм послушно уравнивал в гражданских правах православных и протестантов с католиками. Во время работы сейма — 13 февраля 1768 года — между Россией и Речью Посполитой был заключен Договор о вечной дружбе и гарантиях, согласно которому Россия стала единственным гарантом польской государственности и она же должна следить за нормальным функционированием всех учреждений, за соблюдением законов в соседней стране.

Влияние России в Речи Посполитой стало безраздельным и абсолютным. Как мы помним, активный интерес к Польше проявляла Пруссия, — так вот по требованию графа Панина прусский посол Бенуа даже не был допущен на последнее заседание сейма.

В марте 1768 года Репнин был награжден орденом Александра Невского и получил 50 тысяч рублей за заслуги в ре-

шении польского вопроса. В марте того же года закончился сейм, принявший нужные России постановления. Но торжествовать не довелось никому...

Забываясь о религиозном меньшинстве, Россия вызвала чувство ненависти у подавляющего большинства. В том же марте 1768 года в польском городе Бар возникла конфедерация, поставившая целью защиту католической веры от диссидентов и их покровительницы России. Недовольство поляков копилось долго, а потому выплескивалось порой со звериной жестокостью. «Между конфедератами особого рода удалю отличался ротмистр Хлебовский: встретив на дороге нищего, жида или так какого-нибудь пешехода, сейчас повесит на первом дереве, так что, говорят современники-поляки, русским не нужно было проводников: они могли настигать конфедератов по телам повешенных», — описывает С. М. Соловьев.

Особенно шляхта свирепствовала в Правобережной Украине с ее преобладающим православным населением, в ответ возникали стихийные очаги сопротивления, вылившиеся в движение — гайдаматчину. Барских конфедератов поддержали Турция, Франция и Австрия; Россия бросила в кровавую мясорубку свои войска, чтобы спасти от физического уничтожения тех, чьи права так красиво защитила на сейме. Недавний триумфатор Репнин был отозван из Польши рескриптом Екатерины II от 23 декабря 1768 года, а вместо него получил назначение князь Михаил Волконский.

Но позиции России были прочно утрачены, и восстанавливать их мешала начавшаяся в 1768 году очередная Русско-турецкая война. Соседи Речи Посполитой не обращали внимания на то, что Россия назначила себя защитником Польши, и принялись отрывать у нее кусок за куском. (Пока еще несмело — то были пробные шары.) Летом 1770 года Австрия заняла ряд округов в Польской Галиции, причем кроме 500 деревень захватили богатые соляные копи Велички и Бохны. Осенью 1770 года под предлогом защиты своих войск от свирепствовавшей в Польше чумы прусский король Фридрих II устроил пограничные кордоны на польских землях в районе города Эльбинг и в Западной Пруссии.

Волконского сменил голштинiec на русской службе Каспар фон Сальдерн; в качестве польского посла он, по словам историка, совершил единственный заслуживающий упоминания «подвиг»: 5 мая 1771 года Сальдерн добился от польского короля собственноручной расписки, в которой последний обязывался «совещаться с Ее Величеством обо всем и действовать согласно с нею».

Успех весьма сомнительный. Тот же Сальдерн описывал положение короля Речи Посполитой в послании графу Панину:

«Королю нечего есть и нечем платить своим служителям, он живет в долг день за день. Он задолжал почти каждому жителю города, и нищета его окружает. На второй же аудиенции он меня спросил, не имею ли я позволения дать ему денег, ибо он убежден, что императрица не может оставить его при такой крайности. Я пожал плечами и скрыл свою жестокую скорбь при виде короля, который со слезами просит милостыни; я был сильно тронут, но не обещал ничего. Утром, в день королевских именин, граф Браницкий явился ко мне и мучил меня до тех пор, пока я не дал ему пяти тысяч червонных. Для меня необходимо такими поступками приобрести доверие короля».

Инициатором первого раздела Польши стал прусский король Фридрих II. Немецкие историки затем скромно пояснили, что Пруссии было жизненно необходимо стать твердой ногой на берегах Балтийского моря — то был вопрос выживаемости нации.

В различных монографиях много написано о превалирующем русском влиянии в Польше, об успехах русской дипломатии и оружия в этой стране, но все сливки с польского вопроса неизменно собирала Пруссия. Иногда она терпела дипломатические, тактические поражения, иногда ей приходилось затаиться и терпеливо ждать, но едва наступал подходящий момент, мы видим молниеносный прыжок льва на добычу.

«Осенью 1770 года принц Генрих Прусский заехал из Стокгольма в Петербург, прогостил здесь довольно долго и впервые повел речи о разделе Польши. Речи эти остались без не-

посредственных последствий...» — называет С. М. Соловьев время и место, когда впервые на более-менее официальном уровне возникла тема раздела Речи Посполитой. С тех пор Пруссия при каждом удобном случае намекала России, что хорошо бы поделить Польшу. Намеки становились все смелее и звучали все чаще и, наконец, переросли в открытые угрозы и шантаж.

Фридрих II в 1771 году шлет депешу за депешей своему послу в Петербурге Сольмсу. Прусский король настаивает, что Россия должна согласиться на раздел Польши, что это единственный для нее выход. Потому что Австрия не допустит, чтобы Россия вознаградила себя за счет находящихся у ее границ турецких владений. И даже требования России предоставить независимость Молдавии и Валахии приведут к войне с Австрией — вдобавок к войне с Турцией, а Пруссия ничем не сможет помочь России. Но если Россия согласится на раздел Польши, то получит верного и преданного союзника в лице Пруссии, и этому союзу не смогут противостоять ни Австрия, ни Турция.

Интересно, что и Австрия не изъявляла желаний участвовать в разделе Польши, но хитроумный прусский король упорно стремился сообразить это дело на троих; ведь так легче справиться с поляками, если тем придет в голову возмутиться. Одной Пруссии было невозможно не подавиться таким огромным куском, как Речь Посполитая; при всем своем непомерном аппетите прусский король умел соотносить желания с возможностями.

В конце марта 1771 года австрийскому послу в Берлине Свиттену было объявлено, что «по мнению короля, венский двор мог бы изложить свои права и претензии на другие (кроме оккупированных в 1770 году) части Польши, поскольку другие соседи этого королевства поступят именно так». Австрийский посол, связавшись с Веной, заявил об отсутствии у Австрии территориальных претензий к Польше, но прусский король продолжал настаивать: «Поройтесь в своих архивах, и Вы найдете там предлог приобрести в Польше еще что-нибудь, помимо того, что Вы уже оккупировали... Поверьте мне, надо пользоваться случаем, я возьму свою долю, Россия — свою, это не приведет к значительному увеличению

наших территорий, но это будет полезно всем нам. Кроме того, поскольку наши дворы хотели бы способствовать умиротворению Польши и поддержанию в ней спокойствия, наши новые приобретения могут помочь нам выполнить эту задачу более эффективно».

Именно прусский король создал трио, из которых два участника совсем не горели желанием совершать раздел слабого соседа. Фридрих II виртуозно доказал Австрии, что идея раздела исходит из России, и наоборот: в Петербурге на заседании Государственного совета было заявлено, что король прусский «не намерен быть спокойным зрителем захвата Австрией польских земель, а также имеет право на соседние с его владениями польские земли и намерен равномерно присоединить их». Ловкая дипломатическая игра прусского монарха и его помощников привела к тому, что Австрия и Россия были поставлены перед необходимостью раздела Речи Посполитой; у них в 1772 году уже не возникало сомнений, что можно избежать этого акта.

В январе 1772 года между Россией и Пруссией была подписана секретная конвенция относительно раздела Польши, спустя полмесяца к ней присоединилась Австрия. При этом австрийский канцлер не преминул оправдать своего императора, по крайней мере так были переданы его слова: «...хотя и не желал бы оный, чтобы Польша разделена была, но по причине учиненного уже Ее императорским Величеством и королем Прусским о сем соглашения приступает и он к тому». Впрочем, австрийский двор довольно скоро позабудет о своей скромности и предъявит права почти на треть польских земель.

Берлин и Петербург принялись уговаривать Вену умирить аппетит, а тем временем австрийское 20-тысячное войско вступило на территорию Польши; еще 70 тысяч солдат было сосредоточено на границе и ожидало аналогичного приказа. Прусский король был в ужасе от действий союзника, которого еще недавно, словно девицу под венец, надо было настойчиво уговаривать присоединиться к конвенции. Теперь Пруссии и России пришлось убеждать Австрию не забирать у Польши хотя бы Львов и соляные копи в Величке, которые давали треть дохода в королевскую казну.

К участникам первого раздела отошло около трети территории и 40 процентов населения Речи Посполитой.

Пруссия заняла Поморье (без Данцига) и часть Великой Польши — тем самым была решена важнейшая стратегическая задача соединения Западной и Восточной Пруссии. Количество подданных Фридриха II увеличилось на 580 тысяч человек, территория — на 36 тысяч квадратных километров.

Австрия захватила территорию в 83 тысячи квадратных километров с населением 2 миллиона 650 тысяч человек; к ней отошла Восточная Галиция со Львовом, который так и не удалось отстоять для Польши союзникам. Зато удалось уговорить Австрию не занимать древнюю польскую столицу — Краков.

России досталась Восточная Белая Русь и часть Ливонии — 93 тысячи квадратных километров с населением 1 миллион 300 тысяч человек.

В сентябре 1772 года русский посол Штакельберг и прусский — Бенуа вручили полякам декларацию о разделе их страны. Какова была реакция Варшавы? Ожидаемого шока, ужаса, по крайней мере, не последовало, хотя элемент неожиданности был соблюден — все переговоры между дольщиками шли тайно (даже от русского посла в Варшаве). По словам С. М. Соловьева «Начались частые конференции между королем и его приближенными, результатом было решение — сносить все терпеливо, ничего не уступая добровольно, пусть берут все силою, и требовать помощи у дворов европейских; при этом проволакивать время, противопоставлять требованиям трех держав целый лабиринт шиканств и формальностей». И далее:

«Штакельберг еще не привык к варшавским сюрпризам и потому не верил своим ушам, когда через два дня после приведенного разговора король призвал его опять к себе и объявил, что считает своею обязанностью отправить Браницкого в Париж с протестом против раздела. “Мне ничего больше не остается, — отвечал Штакельберг, — как жалеть о вашем величестве и уведомить свой двор о вашем поступке. Чего вы, государь, ожидаете от Франции против трех держав,

способных сокрушить всю Европу?» — «Ничего, — отвечал король, — но я исполнил свою обязанность»».

Уменьшенная в размерах Речь Посполитая получила инструкции по дальнейшей жизнедеятельности. Кроме прочего, у нее появляется новый исполнительный орган: Постоянный совет, состоявший из короля, 18 сенаторов и 18 послов сеймовых. Совет делился на пять комиссий: иностранных сношений, полиции, военную, юстиции, финансовую. Самое интересное, что права диссидентов теперь абсолютно никого не интересовали, а ведь именно для их защиты были введены в Польшу иностранные войска и началось полномасштабное вмешательство во внутренние дела государства — в конечном итоге все эти мероприятия и закончились разделом.

«Католическая партия, поддерживаемая Австриею, настояла, чтобы шляхта греческого неунитатского закона и диссиденты не могли быть ни в сенате, ни в Постоянном совете; на сеймах из них не могло быть более трех послов, — описывает сей момент С. М. Соловьев. — Русские уступили, потому что масса православного народонаселения принадлежала к низшим сословиям — значительной шляхты было очень мало».

Казалось бы, после первого раздела Речи Посполитой польское общество обязано было проснуться. Но нет, ободранная со всех сторон держава оставалась в летаргическом сне.

Россия с тех пор будет упрямо оправдывать свой поступок. Историки будут доказывать, что Екатерина II совсем не хотела делить Речь Посполитую и была вынуждена принять участие в процессе под давлением Пруссии и Австрии. В учебнике для российских вузов приводятся слова царицы, обращенные к Дидро: «Если бы я могла еще отказаться от раздела, я охотно бы это сделала». Екатерина II действительно не была заинтересована в разделе Речи Посполитой в союзе с Австрией и Пруссией — она надеялась присоединить соседнее государство к Российской империи целиком и полностью. Со времен Петра I влияние России в Польше доминировало, и делить ее с кем-либо было то же самое, что отдавать соседу вроде бы ничейную березовую рощу, но которой долгое время пользуешься и считаешь своей собствен-

ностью. И наконец, правомерность действий России обосновывалась тем, что она только возвращала белорусские и украинские земли, ей принадлежавшие в прежние времена, не посягая на собственно польские земли.

Последние попытки остаться на политической карте мира

Первое время после раздела страны польский король казался смешным, жалким и беспомощным. Станислав Август то жаловался английскому и французскому дворам на действия России, Пруссии и Австрии, то слезно взывал к Екатерине II и просил исправить вопиющую несправедливость по отношению к его стране.

Впрочем, как пишет С. М. Соловьев в работе «История падения Польши», «король делал все, что мог, для воскресения Польши в этот пятнадцатилетний промежуток между первым и вторым разделами: заботился о варшавском и виленском кадетских корпусах, которые и начали доставлять порядочных офицеров; учреждена была артиллерийская школа; явились пушечный и оружейные заводы; построены цейхгаузы, казармы, тогда как прежде этого ничего не было. Воспитательная комиссия и Воспитательный совет хлопотали не без пользы о поднятии университетов и школ. Любовь короля к науке и искусству, мода на них при дворе также не остались без влияния: таланты находили простор и почет».

Но судьба Речи Посполитой была predetermined. Это чувствовали все; со второй половины 70-х годов богатейший российский вельможа Потемкин начал энергично скупать земли Речи Посполитой, в основном на Правобережной Украине. К 1785 году, согласно подсчетам польских историков, он владел не менее чем 70 тысячами душ в Польше, тогда как в России у Потемкина было только 6 тысяч крепостных крестьян. Естественно, фаворит императрицы знал политический расклад и рассчитывал, что цена на украинский чернозем заметно вырастет. С 1779 года Потемкин при каждом удобном случае говорил, что неплохо бы опять разделить

Речь Посполитую, — как когда-то Марк Катон убеждал всех, что Карфаген должен быть разрушен.

Впрочем, еще долго придется ждать падения европейского Карфагена. Еще будут многочисленные попытки спасти гнущее государство самыми различными способами. И кстати, Потемкин так и не доживет до момента, когда его польские владения отойдут к Российской империи, — он умрет в октябре 1791 года.

Развернувшееся соперничество между Россией и Пруссией привело к тому, что обе страны принялись обхаживать Польшу, словно невесту, заваливая ее обещаниями. Петербургскому двору пришлось брать уроки политического лицемерия у прусского короля. Россия всячески старалась представиться лучшим другом ободранной соседки и одновременно пыталась удержать Польшу в сфере своего влияния — но желательно чрезвычайно слабой. В мае 1788 года Екатерина II отправила русскому послу в Варшаве проект договора между двумя государствами. Численность польского войска, согласно этому документу, должна составлять 12 тысяч человек (раньше позволялось 20 тысяч), сражаться войска Речи Посполитой были обязаны под командованием российских военачальников. Россия, обещая торговые выгоды и финансовую помощь, становилась гарантом целостности нынешних польских владений.

Станислав-Август дал принципиальное согласие подписать договор и тут же попросил ускорить выплату обещанных 300 тысяч флоринов, поскольку варшавская казна, как обычно, была пуста и не находилось средств даже на формирование той карликовой армии, что Польше разрешалось иметь.

Когда дело подошло к подписанию договора, оказалось, что Россия стала заложницей своей политики поощрения анархии в Польше. «Договоры подписываются не только с ними (с королем и его приближенными) и не только с Постоянным советом. Их заключают с сеймом, который составляют три сотни крикунов, — выказывал свои опасения посол Штакельберг, — и нужно ожидать самых серьезных затруднений со стороны большинства его членов, подстрекаемых на шептываниями иностранцев, а также некоторыми главарями оппозиции, которая во всем противоречит королю».

Libereum veto не было единственным препятствием для подписание этого соглашения. Прусский посланник получил от своего короля изрядную сумму и принялся сколачивать в Польше пропрусскую партию. Король Фридрих-Вильгельм II также не скупился на обещания. Он объявил представителю Речи Посполитой: «Я желаю Польше добра, но не потерплю, чтоб она вступила в союз с каким-нибудь другим государством. Если республика нуждается в союзе, то я предлагаю свой с обязательством выставить 40 000 войска на ее защиту, не требуя для себя ничего за это». Затем полякам было объявлено, что Пруссия постарается отнять у Австрии Галицию и вернет ее Польше.

Поляки не питали особых иллюзий в отношении своих «доброжелательных» соседей, и потому наиболее здравомыслящая часть общества надеялась сохранить государство только собственными силами. 13 октября 1788 года в Варшаве начал работу сейм, получивший название Четырехлетнего. Он должен был ратифицировать договор с Россией, но о нем поляки, возбужденные прусскими деньгами и обещаниями, благополучно забыли. Вместо этого рассматривалось предложение об увеличении польского войска до 100 тысяч человек.

«Взрыв рукоплесканий, слезы, объятия были ответом на это предложение, — рассказывает русский историк. — Все ликовало, как будто бы стотысячная армия уже маневрировала под стенами Варшавы и Европа с уважением смотрела на Польшу; никто не подумал о безделье: чем содержать стотысячное войско — доходы простирались до 18 миллионов злотых, а на одно содержание стотысячной армии надобно было 50 миллионов! В пылу восторга многие предложили добровольные пожертвования; но когда восторг охладел — пожертвования оказались ничтожными. Четыре года потом толковали об увеличении податей и налогов, не дотолковались до удовлетворительного результата — и число войска не превысило 60 000 человек».

Естественно, были позабыты и данные Россией гарантии относительно территориальной целостности Польши. Тут надо отметить, что прусская дипломатия в польском вопросе всегда брала верх над русской, она мгновенно разрубала

все российские хитросплетения, словно гордиев узел, и всегда добивалась нужного результата. Теперь Берлин хотел забрать у Польши ключевые города на Балтийском побережье — Данциг и Торн...

Прусское упорство в достижении своих целей не на шутку испугало Австрийскую империю — старинную соперницу Пруссии. «В Вене приходили в ужас от одной мысли, что Пруссия может увеличить свои владения, усилить где-нибудь свое влияние, и потому придумали средство: предложить возвращение Галиции Польше, но с тем, чтобы Пруссия и Россия также отказались от своих долей, полученных по разделу 1772 года», — пишет С. М. Соловьев.

Русские, поняв, что пруссаки их переиграли, отказались от своей дипломатической игры; это ясно из письма Потемкина к Екатерине (ноябрь 1789 года): «О Польше. Хорошо, если бы ее не делили, но когда уже разделена, то лучше, чтобы вовсе она была уничтожена, со всеми уже сближенная. В таком случае зла будет меньше, ежели между нами не будет посредства...» Это был отказ от политики использования ослабленной Польши в качестве буфера между сильнейшими европейскими державами. Таким образом, Россия пошла на поводу у Пруссии и стала заботиться лишь о величине последующих территориальных приобретений. При этом она желала сохранить свое лицо в неблагоприятном деле. 20 декабря 1790 года Екатерина писала Потемкину: «По польским делам поступать надлежит с крайнею осторожностью, дабы не от нас был первый выстрел».

3 мая 1791 года сеймом была принята конституция. Она отменила принесшее столько бед Польше *liberum veto* и запретила конфедерации. Конституция регламентировала избрание короля. «Польский трон хотим иметь и объявляем навечно выборным для (определенной) семьи». То есть избирался уже не единственный монарх, а целая династия сразу. Прогрессивность этого события можно оценить, вспомнив, что шляхта выманивала у каждого претендента на престол мыслимые и немыслимые льготы — до тех пор, пока у нес вообще не осталось обязанностей.

В остальном конституция не стремилась ломать веками сложившееся положение дел. Римская католическая церковь была объявлена господствующей в Польше — как и было на самом деле. Но и другие религии не остались без внимания и защиты: «Но так как та же святая вера повелевает нам любить ближних наших, мы должны обеспечить государственную опеку и спокойствие в вере для всех людей любых вероисповеданий. Поэтому мы гарантируем свободу религии и обрядов в польских государствах в соответствии с местными уставами».

У шляхты отобрали только разрушающие государственность законы, в остальном авторы конституции поспешили успокоить мятежное сословие: «Что память предков наших, как основателей свободного правления, мы торжественно гарантируем шляхетскому стану все свободы, вольности, прерогативы и преимущества в частной и общественной жизни...»

Такая конституция не могла понравиться соседям. Как заметил С. М. Соловьев, «по господствующему правилу тогдашней политики каждая держава должна была стараться о том, чтобы в соседней державе сохранялась такая форма правления, которая бы давала как можно менее силы ее правительству и, таким образом, делала ее безопасною для соседей».

Екатерина II в польской конституции сразу почувствовала угрозу потери этой страны для России. В датированном июне 1791 года письме к дипломату Якову Булгакову императрица рисует следующую картину последствий: «Происшествие... преобразило Польшу, так сказать, в мгновение ока из пассивной державы в активную, и из анархии в деятельное состояние». Екатерина II, впрочем, не спешила приступить к активным действиям. «Мы как прежде, так и теперь останемся спокойными зрителями до тех пор, пока сами поляки не потребуют от нас помощи для восстановления прежних законов республики», — писала Екатерина Булгакову, находившемуся в охваченной ликованием Варшаве.

Дальновидная российская императрица рассчитывала на пятую колонну. И в самом деле, не всем гордым шляхтичам понравилось, что у них отняли права. Но крики несогласных

потонули в общем гуле одобрения. Тогда депутат Мелжынский решается на отчаянный шаг; он падает наземь перед дверями, чтобы загородить своим телом выход, но понапрасну: шагают через него, топчут ногами. Позже почти пятьдесят депутатов из числа несогласных подали протест против принятия конституции, но суд его не принял. Но ждать сатисфакции им оставалось недолго.

После заключения Россией мира с Турцией в конце 1791 года польская оппозиция пришла в движение. Все понимали, что теперь у Петербурга развязаны руки и не замедлят последовать действия в отношении Польши. За помощью к России обратились виднейшие польские вельможи: генерал артиллерии Феликс Потоцкий, гетман польный Ржевусский, коронный гетман Браницкий. Оппозицию мучила ностальгия по праву вето и конфедераций.

«Все приближалось к великому перелому, и прозорливый наблюдатель сквозь обманчивую тишину предвидел страшные бури, — описывает ситуацию путешествовавший по Европе русский офицер Ф. Н. Глинка. — Пожары домашних раздоров пылали внутри Польши, темные тучи ходили в небесах ее: война со всеми гибельными перунами грозно наступала извне. Екатерина Великая наводила гром свой на чело буйной Варшавы; великий Суворов извлекал меч».

Чего боялись, то и случилось. 14 мая 1792 года в украинском городе Тарговице было объявлено о рождении конфедерации, направленной против конституции 3 мая. Генеральным маршалом Тарговицкой конфедерации был провозглашен Феликс Потоцкий, его советниками — Браницкий и Ржевусский.

16 мая русские войска вошли на территорию Польши: для защиты конфедератов и восстановления законов, отмененных конституцией. 100-тысячной русской армии, двигавшейся в Варшаву по трем направлениям, не могли противостоять плохо вооруженные, немногочисленные войска Речи Посполитой. 31 мая пала столица Великого княжества Литовского — Вильно, 23 июля 1792 года король Станислав-Август, отчаявшись, объявил о своем присоединении к Тарговицкой конфедерации.

Прусский король, несмотря на данные обещания, не оказал Польше ни военной, ни даже дипломатической помощи. Но, как всегда, Берлин использовал поворот в польских делах и ухватил часть польского пирога. 16 января 1793 года прусские войска вступили на территорию Великой Польши. Пруссия получила города Данциг, Торунь, территорию почти всей Великой Польши, часть Мазовецкого и Краковского воеводств. Всего к Пруссии отошло 58 000 квадратных километров с населением 1,2 миллиона человек. 24 февраля прусский король оккупировал Данциг.

Россия же поглотила остатки Великого княжества Литовского. К ней отошли части Украины и Белоруссии — около 250 000 квадратных километров с населением около 3 миллионов человек. Австрия на этот раз не участвовала в деле; вместо польской территории союзники пообещали ей Баварию.

9 апреля 1793 года было официально объявлено о втором разделе Речи Посполитой. Ратифицировать этот колоссальный грабеж должен был сейм, который состоялся в Гродно. Но даже давний друг Екатерины — польский король Станислав-Август — открыто воспротивился. Король, как пишет С. М. Соловьев, «в речи своей 20 июня объявил сейму, что он приступил к Тарговицкой конфедерации под условием неприкосновенности польских владений, что он никоим образом не будет содействовать уступке польских провинций в надежде, что и сейм будет поступать точно так же».

Основная дипломатическая нагрузка в таких непростых условиях легла на русского посла Якова Ефимовича Сиверса, который до этой миссии девять лет (с 1784 года) благополучно пребывал в отставке в своем имении в Лифляндии. И он блестяще справился с, казалось бы, невыполнимой задачей. Просьбами, обещаниями и, наконец, угрозой войны Сиверс добился того, что сейм 11 июля 1793 года подписал договор с Россией. Сложнее было с Пруссией, которая накануне, чтобы вырвать Польшу из сферы российского влияния, пообещала полякам военную помощь и защиту, а сама в удобный момент — раньше России — захватила ее земли. Ненависть поляков к Пруссии настолько была велика, что не подействовала даже угроза наступления войск генерала

Меллендорфа. На помощь прусскому послу Бухгольцу пришел дипломат Екатерины II. Любопытно события описывает С. М. Соловьев:

«Сиверс ввел русских солдат в замок, где происходило заседание сейма; комиссия была уполномочена подписать договор об уступке требуемых Пруссией земель, но с условиями: например, чтоб архиепископ-примас жил в Польше, но пользовался доходами от имений, отходящих к Пруссии; что договор об уступке земель не прежде будет подтвержден, как по заключении торгового договора между Польшею и Пруссией. Бухголец потребовал безусловного подписания договора. Это повело к сильному волнению на сейме. Некоторые депутаты позволили себе резкие выходки против обоих дворов и их представителей. Сиверс велел схватить четверых депутатов и выпроводить из Гродна. Тут-то 23 сентября последовало знаменитое немое заседание, когда депутаты думали, что могут от молчать свои земли. Сиверс велел объявить, что он не выпустит депутатов из залы, пока не заговорят, не выпустит и короля. Пробила полночь — молчание; пробил три часа утра — молчание. Наконец раздался голос Анквича, депутата краковского. “Молчание есть знак согласия”, — сказал он. Сеймовый маршал Белинский обрадовался и три раза повторил вопрос: уполномочивает ли сейм комиссию на безусловное подписание договора с Пруссией? Глубокое молчание. Тогда Белинский объявил, что решение состоялось единогласное. 25 сентября договор был подписан. С Россией заключен был договор, по которому обе державы взаимно ручались за неприкосновенность своих владений, обязывались подавать друг другу помощь в случае нападения на одну из них, причем главное начальство над войском принадлежало той державе, которая выставит большее число войска; Россия могла во всех нужных случаях вводить свои войска в Польшу; без ведома России Польша не могла заключать союза ни с какою другою державою...

Так произошел второй раздел Польши, доказавший прежде всего, что в Польше не было народа; народ молчал, когда шляхетские депутаты волновались в Гродне вследствие требований России и Пруссии. Сказались следствия того, что в продолжение веков народ молчал и шумел только один

шляхетский сейм, на нем только раздавались красивые речи. Но такое явление не могло быть продолжительно, и сейм принужден был онеметь, потому что все вокруг было немо. Быть может, некоторые будут поражены этим немым заседанием сейма; быть может, в некоторых возбудится сильное сочувствие к онемевшим депутатам; но разве их не сильнее поражает еще более страшное онемение, онемение целого народа; разве они не видят в онемении депутатов последнего сейма только необходимое следствие онемения целого народа?»

Жест отчаянья

Второе гигантское ограбление Польши не осталось без ответа. Мало-помалу народ просыпался. Нити заговоров поползли по Речи Посполитой вслед за разделом, но открытое неповиновение началось, когда русские принялись согласно договору сокращать польское войско и когда поползли слухи, что оккупанты хотят захватить арсеналы Варшавы и Кракова.

Приказы о сокращении войска не исполнялись под разными предлогами. Из полка Дзялынского, стоявшего в Варшаве, было уволено только шестнадцать человек; российскому посланнику в Польше Осипу Андреевичу Игельстрему, который одновременно являлся и главнокомандующим русскими войсками в Речи Посполитой, объявили, что больше в полку лишних людей нет.

Бригада Мадалинского, стоявшая между Бугом и Наревом, и вовсе отказалась сокращаться. Отправленный против бригады русский отряд лишь подтолкнул поляков к отчаянному шагу. Вначале Мадалинский решил пройти вдоль прусской границы до Галиции и там всей бригадой поступить на австрийскую службу. Стремясь оторваться от преследовавших русских, Мадалинский перешел границу Пруссии и, разогнав пограничную стражу, углубился на чужую территорию. Затем бригада разделилась на две части; одна продолжила движение по Южной Пруссии, а вторая вдруг оказалась подле Кракова.

Против мятежной бригады было отправлено войско под командованием генерала Торماسова. Однако за событиями зорко следил избранный вождем восстания Тадеуш Костюшко. Под Краковом с Мадалинским соединились толпы повстанцев Костюшки, вооруженные косами, топорами и пиками. Все это воинство дало бой регулярным частям генерала Торماسова 4 апреля 1794 года. Первое столкновение враждебных сторон описывает русский офицер — современник событий:

«Без пушек, без огнестрельного оружия, с дрекольями, палицами и косами пошли они на бой. С сею кипящею гневом толпою Костюшко ринулся с гор, как весенний поток. Неприятельское войско, состоявшее из пяти тысяч лучших солдат, с двадцатью пушками, беспечно стояло в тех местах, не опасаясь простых мужиков; но, узнав, однако ж, о приближении их, устроилось в боевой порядок. Костюшко выпустил вперед людей, вооруженных косами, на длинных шестах навязанными. Ими машучи, продвигались они вперед. С противной стороны загрели пушки; но вскоре бой сделался рукопашным. Костюшко обхватил толпами своими оба крыла неприятельских войск и сделал на средину жестокий удар. Отчаянные Мазуры, подстрекаемые примером и гласом вождя своего, бросались, как слепые, на пушки и штыки. Сотни падали от пуль и картечи; другие смеялись над смертью и теснились вперед. Сражение было непродолжительно; победа увенчала Костюшку; пушки схвачены и войска рассеяны! Сей первый успех озарил блеском своим Польшу и поднял народ. Везде загрело оружие; отовсюду двинулись воины».

В польской столице находился восьмитысячный русский гарнизон, регулярные польские войска в Варшаве едва насчитывали и пять тысяч человек, но фактор внезапно превратил в ничто численное превосходство. Восстание началось в ночь на Великий четверг Страстной недели — 6 апреля 1794 года. Более 2000 русских солдат было вырезано в считанные мгновенья; многие погибли, так и не проснувшись, не успев взять в руки оружие. Рассказывает одна русская дама, приехавшая не ко времени в Варшаву навестить подругу:

«При выходе нашем на улицу мы были поражены ужасной картиной; грязные улицы были загромождены мертвыми телами, буйные толпы поляков кричали: “Руби москалей!”».

Казалось, вся Варшава воспылала жаждой мести за пережитое унижение. С величайшими усилиями остаткам русских войск удалось покинуть город. Варшава вслед за Краковом перешла в подчинение Костюшко, а затем во власти восставших оказалась литовская столица — Вильно.

Россия восприняла события в Польше не как бунт, но как опасную, тяжелую войну. Призрак французской революции Екатерина II увидела в Польше. Императрица выказывает свои опасения А. В. Суворову 22 апреля 1794 года: «Граф Александр Васильевич! Известный Вам, конечно, бунтовщик Костюшко, взволновавший Польшу в отношениях своих к извергам, Франциею управляющим, и к нам из верных рук доставленных, являет злейшее намерение повсюду рассеивать бунт назло России. Некоторые предположения его насчет Польши уже и события имели, а затем в письмах своих и в тайных сношениях с пагубным французским правлением говорит, что он посредством употребляемых им мер настоятельнейше убеждает Порту, чтобы она объявилась против России и что “он уверен, что если подкрепляем будет, то перережет всех россиян в Крыму, и что он имеет даже довольно согласие пламенем истребить флот их на Черном море”».

Россия бросала против Костюшко все новые и новые войска. Австрийская армия вошла в южные воеводства. Поскольку речь зашла о новом разделе Польши, Пруссия решила сразу забрать самые лакомые куски. 24 июля 35-тысячный прусский корпус во главе с королем осадил Варшаву; ему помогало 12-тысячное русское войско Ферзена. Однако восстание на польских землях, что прежде отошли к Пруссии, заставило Фридриха-Вильгельма после сорока дней безуспешной осады отступить от Варшавы и заняться собственными мятежниками.

Пассивность и медлительность русских военачальников вынудили Екатерину II отдать польскую войну в руки А. В. Суворова. К общему удовольствию, военачальник пообещал закончить войну в сорок дней и делал все, чтобы уложиться

в срок. Суворов выступил из Немирова 26 августа, имея 4500 солдат, при 10 пушках; по ходу марша к нему присоединялись другие части. Как всегда, он двигался с поразительной быстротой: более 600 километров трудного пути войско одолело в 26 дней.

Нового русского командующего пытался задержать корпус Сераковского. В сентябре Суворов разбил его под Крупчицами. Получивший подкрепление Сераковский пытался взять реванш под Брестом, где под его началом было 12 000 поляков против 9000 русских солдат. Но и в этой битве русские одержали безоговорочную победу; причем почти весь корпус Сераковского погиб.

Суворов вел войну на полное уничтожение противника, о том честно докладывал в рапортах своему командующему П. А. Румянцеву. После битвы под Крупчицами, по словам военачальника, «поле покрыто убитыми телами свыше пятнадцати верст», «едва спаслось ли от него 500 человек». Но и этих спасшихся, как пишет Суворов спустя три дня, его солдаты пытаются отыскивать в самых труднодоступных местах.

Уничтожая на своем пути всех, кто держит в руках оружие, Суворов стремительно приближался к польской столице. Накануне штурма предместья Варшавы Праги он составил подробный план действий каждого своего подразделения (даже было прописано, в каком месте, в какое время пехоте или казакам кричать «Ура!»). По своей традиции Суворов отдает предпочтение холодному оружию: «Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски!»

Тщательная проработка всех действий дала поразительный результат: штурм Праги начался в пять часов утра, перед рассветом 4 ноября, а уже в восемь часов утра русские господствовали в предместье. И это при том, что количество защитников (определяется разными источниками от 22 000 до 30 000 человек) превышало число штурмовавших (непосредственно в штурме участвовало около 20 000 солдат).

Жестокостью Суворов парализует волю защитников; он не скрывает ни своего замысла, ни страшных последствий его воплощения:

«Страшное было кровопролитие, каждой шаг на улицах покрыт был побитыми. Все площади устланы были телами, последнее и самое страшное истребление было на берегу Вислы в виду варшавского народа. Сие пагубное для них зрелище привело в трепет... От свиста ядер, от треска бомб стон и вопль раздался по всем местам в пространстве города. Ударили в набат повсеместно. Унылый звук сей, сливаясь с плачевным рыданием, наполнял воздух томным стоном. В Праге улицы и площади устланы были убитыми телами, кровь текла ручьями, Висла обогрелая несла стремлением своим тела тех, кои, имев убежище в ней, потопали. Страшное позорище видя, затрепетала вероломная сия столица».

Прага фактически перестала существовать: от пригорода, застроенного в основном деревянными домами, остались кучи пепла и возвышающиеся над ними печные трубы. Спустя пять дней капитулировала Варшава.

Насколько жесток Суворов был в войне, настолько великодушен он в мире. Военачальник милостив с поверженными врагами и даже просит за них Екатерину II: «Относительно собрания контрибуции с Варшавы осмеливаюсь всеподданнейше донести. Сей город во время свирепствовавшего мятежа толико приведен бунтующими войсками в крайнее оскудение, что едва может питать себя. И хотя само незначущее количество таковой контрибуции взыскать можно, но тем более совершенно разорен будет».

После капитуляции Варшавы Суворов отпустил значительное количество пленных и ходатайствовал о прощении остальных участников восстания. У Суворова сложились настолько доверительные отношения с поляками, что оставшиеся еще не разгромленные начальники инсургентов просили, по его словам, «о дозволении продолжать им войну с пруссаками». Военачальник в шутку ответил, что «это неприлично».

Доброта Суворова была не понята в Петербурге. В результате полководец, блестяще закончивший войну, получил 7 тысяч крепостных, а его подчиненный Платон Зубов за участие во взятии Варшавы был награжден 13 тысячами душ. Зубова австрийский император пожаловал князем Римской империи. «Щедро меня за Людомирию, Галицию и Краков

в князе Платоне Зубове наградили», — заметил Суворов по этому поводу.

«Тако кампания кончена! Везде спокойно. Войск польских более не существует. Токмо что его величеству королю оставлено гвардии: 600 пехоты и 400 кавалерии. Сверх того, в Варшаве 300 полицейских солдат...» — подводит итог Суворов. Впрочем, даже эти силы королю были ни к чему, ибо его королевства не стало. Пока шла война, Австрия, Пруссия и Россия договорились о третьем разделе Речи Посполитой.

Несчастный король Речи Посполитой понимает, что его государству приходит конец. В последней надежде Станислав-Август обращается к российской императрице: «Судьба Польши в ваших руках; ваше могущество и мудрость решат ее; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мне лично, я не могу забыть своего долга к моему народу, умоляя за него великодушие вашего императорского величества. Польское войско уничтожено, но народ существует; но и народ скоро станет погибать, если ваши распоряжения и ваше великодушие не поспешат к нему на помощь. Война прекратила земледельческие работы, скот взят, крестьяне, у которых житницы пусты, избы сожжены, тысячами убежали за границу; многие землевладельцы сделали то же по тем же причинам. Польша уже начинает походить на пустыню, голод неизбежен на будущий год, особенно если другие соседи будут продолжать уводить наших жителей, наш скот и занимать наши земли. Кажется, право поставить границы другим и воспользоваться победою принадлежит той, которой оружие все себе подчинило».

В ноябре 1794 года Екатерина II повелела своему бывшему фавориту Станиславу-Августу покинуть Варшаву и переехать в Гродно. Ответственность за перемещение короля была возложена на Суворова. Станислав-Август долго не мог поверить, что на шахматной доске Европы он стал лишней фигурой; еще меньше ему хотелось верить, что в небытие отправляет его же когда-то пылкая любовница. Король очень не хотел отправляться в принудительное путешествие; он жаловался военачальнику, что ему не в чем даже выехать в Гродно, что у него ничего нет, кроме долгов... Суво-

ров успокоил короля: князь Репнин все подготовил в Гродно к его приезду, а здесь, в Варшаве, о его родных, близких, как, впрочем, и обо всей Польше, позаботятся. Расстались они тепло, как самые близкие друзья. «8 января 1795 года Станислав-Август простился с главнокомандующим, — пишет С. М. Соловьев, — и был так тронут нежным прощанием Суворова, что растерялся и не припомнил всего, что хотел ему сказать».

Три страны долго еще не могли поделить остатки Речи Посполитой. Увы! Земель оставалось слишком мало, чтобы удовлетворить аппетиты трех хищников. Соглашение о третьем разделе было окончательно подписано в октябре 1795 года. Согласно ему Россия получала западную часть Белоруссии, Литву, Западную Волынь и Герцогство Курляндское, которое находилось в ленной зависимости от Польши. То есть земли Великого княжества Литовского практически полностью вошли в состав России; закончилось многовековое противостояние двух русских разорванных историей частей, двух наследников Киевской Руси.

Согласно подсчетам польского историка Г. Бандке, «Россия получила 2185 квадр. миль, 332 города и местечка, 1322 села, 1 176 590 жителей; король Прусский приобрел 997 квадр. миль, 144 города и местечка; 4502 села, 940000 жителей; Австрии досталось 834 квадр. мили, 219 городов и местечек, 4765 сел, 1037742 души жителей».

25 ноября 1795 года Станислав-Август подписал отречение от престола в пользу Екатерины II (по иронии судьбы в этот же день в 1764 году он был коронован).

Заклучение

Великое княжество Литовское возникло словно по мановению волшебной палочки. Произошло это событие настолько скоро и безболезненно для вошедших в его состав земель, что о самом процессе остались только отрывочные сведения в летописях и хрониках. Древним авторам просто нечего было описывать, в отличие от истории Московского централизованного государства, где соседние княжества

приходилось покорять силой оружия, уничтожая под корень древние княжеские роды.

Великое княжество Литовское не сгорело кометой вскоре после рождения, не распалось на части. Этому государству была уготована долгая судьба и свой необычный неповторимый путь.

Рост товарно-денежных отношений, развитие внутреннего рынка содействовали укреплению экономических связей внутри Великого княжества Литовского. Уже с конца XIV века в государстве проявляются признаки централизации: места наследственных удельных князей занимают назначаемые великокняжеские наместники. Опять же замена происходила в мягкой форме — чаще всего в случае естественного вымирания древних княжеских родов. Экономические и политические преобразования, а также дальновидная политика правителей государства вывели Великое княжество Литовское на уровень высокоразвитых стран Западной Европы того времени.

В городах княжества, так же как и в Польше, Германии, Франции, вводилось Магдебургское право. Великокняжескими, а позже королевскими привилегиями в большинстве городов создавалось самоуправление, значительно расширявшее права мещанского сословия. Городской магистрат правил суд, собирал налоги, в значительной мере регулировал жизнь города, становившегося в решении внутренних вопросов независимым от центральной власти.

Существовали в Великом княжестве Литовском и характерные для Европы цеховые объединения ремесленников с их сложной иерархией.

Не обошло стороной Великое княжество Литовское европейское Возрождение. Полоцкая земля дала миру одного из величайших гуманистов XVI века — Франциска Скорину. Как и все титаны Возрождения, он обладал необычайными способностями и разносторонними интересами: образованный юрист, талантливый писатель и яркий философ-гуманист. Однако более всего он известен нам тем, что первым в восточнославянском мире издал печатную книгу, задолго до русского первопечатника Ивана Федорова.

В 1517 году в Праге вышел его «Псалтырь». Затем было еще более двух десятков книг религиозного содержания, переведенных на живой разговорный язык жителей Великого княжества Литовского. Перевод Библии на народный язык делал ее общедоступной и, по сути дела, стал призывом к ее свободному изучению и толкованию. Таким образом, Ф. Скорина явился предвестником Реформации в Великом княжестве Литовском.

Выдающимся памятником правовой и политической мысли XVI века является Статут Великого княжества Литовского 1588 года, подготовленный под руководством канцлера А. Воловича и подканцлера Л. Сапеги. В этом документе ярко отразились общеевропейские гуманистические веяния: главенствующий авторитет закона в общественной жизни; приоритет светской власти над духовной; тенденция к усилению правовых гарантий личности и имущества членов общества вне зависимости от их сословного положения, уравнение в правах перед законом членов общества разного вероисповедания, ответственность государственных чиновников перед законом, усовершенствование судопроизводства на основе принципов справедливости.

Все артикулы Статута проникнуты идеей правового государства, идеей свободы личности в рамках разумного закона. Статут оказал большое влияние на развитие как отечественной, так и европейской политико-правовой мысли. Он был переведен на польский, русский, украинский, немецкий языки; в конце XVI века он использовался при кодификации прусского права, его использовали в судах Латвии и Эстонии, много его артикулов перешло в Соборное уложение 1649 года.

Какова роль личности в историческом процессе? Одни философы ее совсем отвергают или сводят к минимуму, другие, наоборот, утверждают, что вся история движется исключительно избранными людьми. Как бы то ни было, но Великому княжеству Литовскому в общем-то везло на государственных мужей. Возникновение огромного разноплеменного государства в XIV веке стало возможным во многом благодаря мудрости и дальновидности великих князей Ли-

товских: Гедимина (1316—1341), Ольгерда (1345—1377), Кейстута (1345—1382).

После смерти Ольгерда в 1377 году Великое княжество Литовское ненадолго было втянуто в междоусобную борьбу сыном Ольгерда — Ягайлом и сыном Кейстута — Витовтом. И хотя взаимные обиды были немалые (Ягайло явился виновником гибели отца Витовта), все же победили разум, здравый смысл и забота о благе государства. Междоусобица, грозившая развалить молодую державу, вскоре прекратилась. Двоюродные братья примирились, причем каждый стал властителем огромного государства. Согласно унии 1385 года, заключенной в замке Крево, Ягайло стал королем Польши и положил начало новой династии польских королей — Ягеллонов. В 1392 году в Острове между Ягайлом и Витовтом было заключено соглашение, согласно которому последний получил в единоличное управление Великое княжество Литовское.

Своей живучестью Великое княжество Литовское во многом обязано выдающимся реформаторам и законодателям, блестящим политикам — канцлеру Великого княжества Литовского А. Воловичу и подканцлеру Л. Сапеге. Благодаря им княжество стало самым демократичным в Европе XVI—XVIII веков, и даже по современным понятиям оно было правовым государством.

Феодальная свобода содействовала расцвету личности, мы находим на страницах истории Великого княжества Литовского множество необычайно талантливых людей. Но свободы со временем стало слишком много, она превратилась во вседозволенность; все стороны жизни Речи Посполитой и ее составляющей — Великого княжества Литовского — поразила анархия.

Вроде бы мудрые законы были направлены на то, чтобы Великое княжество Литовское динамично развивалось, чтобы оно избежало крупных социальных, национальных и религиозных катаклизмов. В общем, так оно и было до определенного времени — Великое княжество Литовское казалось идеально обустроенным изнутри... Но незаметно случилось самое страшное — то, что некогда погубило великий Рим.

Шляхта Речи Посполитой обладала исключительными правами, и эта исключительность привела к трансформации личности. Собственное «я» и его капризы вышли на первое место, а нормы морали и общественное благо отошли на задний план. (Не схожую ли ситуацию мы наблюдаем в нынешних странах, гордящихся своими демократическими традициями, страны, где становятся реальностью однополые браки, эвтаназия, идет борьба за легализацию наркотиков...)

Законы настолько хорошо заботились о гражданах, что они уверовали, будто государство и король существуют исключительно для того, чтобы доставлять им новые льготы и привилегии и делать их жизнь как можно более комфортной. Сами же ничего не желали делать для страны, у них исчезло чувство Родины. Шляхта не желала защищать ее даже во времена крайней опасности, немногочисленное наемное войско, что удавалось собрать королю, умирало с голода, а магнаты в это время утопали в роскоши.

Отечество умерло в сердцах граждан, а значит, оно было обречено погибнуть и в реальной жизни.

Речь Посполитая стала легкой добычей коалиции соседних монархий.

В истории Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой заключено немало уникального. Это и относительно мирное сбирание земель Западной и Южной Руси в одно государство; это и объединение двух держав, далеко не родственных по языку, религии, культуре; это и уживчивое существование двух христианских конфессий, в иных местах пребывающих в состоянии вражды. Уникален был и финал этого государства: три соседних монархии в три приема, десятилетиями, долго и неторопливо делили его, резали на куски до тех пор, пока Речь Посполитая — федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского — не исчезла с политической карты и Великое княжество Литовское не оказалось присоединенным к Российской империи.

Источники

Антуан Грамон. Из истории московского похода Яна Казимира. Юрьев, 1929.

«Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1986.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1988.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. — Л., 1938.

Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал, № 6. 1844.

Даниел Крман. Итинерарий // Малоизвестный источник по истории Северной войны // Вопросы истории, № 12. 1976.

Дипломатическое донесение Сигизмунду III, королю польскому, о делах Московских // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Книга 2. 1858.

Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение Великого княжества Литовского с королевством Польским. СПб., 1869.

Дневник Станислава Освецима // Киевская старина, № 1. 1882.

Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1954.

Донесение А. Госевского о поездке в Великие Луки // К истории Смуты на западе России // Отечественная история, № 3. 2002.

Жак Маржерет. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Иосиф Будило. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historia Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека, т. 1. СПб., 1872.

Конституция 3 мая 1791 г. // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.

Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 2. Рига, 1876.

Литовский канцлер Лев Сапега о событиях Смутного времени // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Книга 2. 1901.

Отрывки из дневника Польского сейма 1605 г., относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека, том 1. СПб., 1872.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.

Польская война 1794 года в реляциях и рапортах А. В. Суворова // Красный архив, № 4 (101). 1940.

Полное собрание русских летописей, т. 1. М., 1962.

Полное собрание русских летописей, т. 2. М., 1962.

Полное собрание русских летописей, т. 32. М., 1975.

Полное собрание русских летописей, т. 35. М., 1980.

Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека, том 1. СПб., 1872.

Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.

Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 1994.

Рейнгольд Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб., 1889.

Реляция или обстоятельное описание ужасного и печального разрушения и сожжения варварски произведенного москвитями и казаками при взятии прекрасного города Люблина 1656 года // Чтения Обществе истории и древностей российских. Книга 2. 1910.

«Русская хроничка» Стрыйковского // Вестник МГУ. Серия 8. История, № 2. 1993.

Сигизмунд Герберштейн. Московия. М., 2008.

Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава // Сын отечества, № 4. 1842.

Станислав-Август Понятовский и великая княгиня Екатерина Алексеевна. По неизданным источникам // Вестник Европы, № 2. 1908.

Старшая Ливонская рифмованная хроника // Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. М., 2002.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Миск, 1989.

Тревожный рубеж: Жалоба игумена Псково-Печерского монастыря Иоакима на разбои чинов Речи Посполитой. 1599 г. // Исторический архив, № 5. 2002.

Хроника Быховца. М., 1966.

Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М., 1962.

Литература

Алексеев Л. В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М., 1966.

Арлоў У. Таямніцы полацкай гісторыі. Мінск, 1994.

Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. Отв. ред. тома доктор ист. наук В. В. Седов. М., 1987.

Бандке Георг Самуил. История Государства Польскаго. СПб., 1830.

Беляев И. История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.

Брянцев П. Д. История Литовского государства. Вильно, 1899.

Вильгельм де Фрис. Православие и католичество. Противоположность или взаимодополнение? Брюссель, 1992.

Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах, т. 1. Мінск, 1972.

Гладкий В. Д. Древний мир. Энциклопедический словарь в двух томах, т. 2. М., 1998.

Гравере Р. Роль прибалтийско-финского субстрата у латышей по данным одонтологии // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Сборник статей. Таллин, 1985.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.

Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

Довнар-Запольский М. Из истории литовско-польской борьбы за Воынь (договоры 1366 г.). Киев, 1896.

Ермаловіч М. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1991.

Ермаловіч М. Старажытная Беларусь. Полацкі і Новагародскі перыяды. Мінск, 1990.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць. Мінск, 1986.

История БССР. Часть 1 с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. В. Чепко, А. П. Игнатенко. Минск, 1981.

История Литовской ССР. С древнейших времен до 1861 года. Под ред. Ю. Жюгды, 1-я часть. Вильнюс, 1953.

История России с древнейших времен до 1861 года. Под ред. Н. И. Павленко. М., 1998.

Квятковская А. В. Каменные могильники белорусского Понеманья. // Средневековая археология Восточной Европы. Краткие сообщения. М., 1986.

Кочубинский А. А. Территория доисторической Литвы. // Журн. М-ва народного просвещения. № 1. СПб., 1897.

Мандель М. Меч в вооружении эстонских племен до 7 века // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Сборник статей. Таллин, 1985.

Морель А. История города Полотска и возникновения здания Полоцкого кадетского корпуса. Вильно, 1907.

Падокшын С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). Минск, 1998.

Пашуто В. Т. Образование литовского государства. М., 1959.

Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966.

Соловьев С. М. История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М., 1959.

Смирнов М. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860.

Станкус И. Исследование производства железа и кузнечного дела в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Сборник статей. Таллин, 1985.

Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1959.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967.

Чамярыцкі і інш. Скарына і яго эпоха. Минск, 1990.

Чаропка В. Уладары Вялікага княства. Выданне 2-е, папраўленае. Минск, 2007.

Чечулин Н. Д. Государи из дома Романовых 1613–1913. М., 2010.

Ширяев Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991.

Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Содержание

Введение	5
Римские корни Великого княжества Литовского?	11
Местонахождение летописной Литвы. Взаимоотношения Литвы и Западных земель Руси до середины XIII века.	20
Включение западных земель Руси (территория современной Беларуси) в состав Великого княжества Литовского (XIII–XIV вв.):	
1. Появление литовских князей в Новгородской земле	26
2. Установление власти литовских князей в Полоцком и Витебском княжествах	30
3. Включение Берестейской земли в состав Великого княжества Литовского.	39
4. Присоединение Турово-Пинского княжества к Литовскому государству.	40
Мирный характер завоевания.	42
Взаимоотношения Литвы с Новгородом и Псковом	47
Литовская попытка объединить все русские земли	52
Чье же это государство?	58
Кревская уния	64
Витовт и восточнорусские княжества	74
Корона для великого князя	79
Москва наступает	86
Грозные времена.	94
Люблинская уния. Рождение титана	95

Реванш Речи Посполитой	101
Лев Сапега	107
Союз христианских церквей	112
Канцлер литовский и Смутное время России	118
Мечта князя Ольгерда сбылась	129
Битва за Москву	142
После Смуты	148
«Рабы теперь господствуют над нами»	160
Князь Иеремия Вишневецкий	164
Речь Посполитая теряет свои земли	175
Свободой была погублена	188
Петр I и Август II	194
Путь в никуда	204
Последние попытки остаться на политической карте мира	217
Жест отчаянья	225
Заключение	231
<i>Библиография</i>	236

- Л37 Левицкий Г.
Великое княжество Литовское / Геннадий Левицкий. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 248 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-238-7

В середине XIII века на землях нынешних Литвы и Беларуси возникло Великое княжество Литовское, которое, понемногу увеличиваясь в размерах, заняло обширную территорию от Балтийского до Черного моря. На протяжении трех веков оно было главным соперником Русского государства в борьбе за господство в Восточной Европе. Великое княжество Литовское испытало все новые европейские веяния: Возрождение, Реформацию, цеховое производство, Магдебургское право. На его землях была реализована давняя мечта христиан: уния католичества и православия, а потом и само оно мирно объединилось с Польшей в единое государство — Речь Посполитую, основой существования которой было уникальное явление — шляхетская демократия. Но то, что с высот нашего времени кажется несомненным достоинством, обернулось для Речи Посполитой гибелью: вольности шляхты привели к ослаблению государственной власти и потере управления страной. Этим воспользовались соседи Речи Посполитой и растащили ее на куски. К 1815 году вся территория Великого княжества Литовского вошла в состав Российской империи...

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Геннадий Левицкий

Великое княжество Литовское

Редактор В. Чижов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 26.06.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз. Заказ 3638

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(496)726-54-10

Геннадий
Левицкий

Великое
княжество
Литовское

В середине XIII века на землях нынешних Литвы и Беларуси возникло Великое княжество Литовское, которое, понемногу увеличиваясь в размерах, заняло обширную территорию от Балтийского до Черного моря. На протяжении трех веков оно было главным соперником Русского государства в борьбе за господство в Восточной Европе. Великое княжество Литовское испытало все новые европейские веяния: Возрождение, Реформацию, цеховое производство, Магдебургское право. На его землях была реализована давняя мечта христиан: уния католичества и православия, а потом и само оно мирно объединилось с Польшей в единое государство — Речь Посполитую, основой существования которой было уникальное явление — шляхетская демократия. Но то, что с высот нашего времени кажется несомненным достоинством, обернулось для Речи Посполитой гибелью: вольности шляхты привели к ослаблению государственной власти и потере управления страной. Этим воспользовались соседи Речи Посполитой и растащили ее на куски. К 1815 году вся территория Великого княжества Литовского вошла в состав Российской империи...

ISBN 978-5-91678-238-7

